№ 6 (6357)
15–21 февраля 2012 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году
при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году
при поддержке М. ГОРЬКОГО

www.lgz.ru

Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D – 2,20€; A - 2,30€; B - 2,30€; PL – 12,90 PLN; L – 2,30€; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50€; I – 2,50€; GR – 2,5€; CYP – 1,35 CYP; TR – 5 M. TRL; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 23,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 $; C – 2,5 CAD

Международное издание

Выходит по средам

Она – Некрасова, и это многое объясняет

Ксению Петербургскую знают все. Ксению Собчак тоже. Но была в России ещё одна Ксения – Некрасова. Сама фамилия словно обрекла её на то, чтобы стать поэтом. История её жизни столь удивительна, что в ней трудно отделить вымысел от правды. Ксюша верила в собственную гениальность и считала себя выше Ахматовой. Так это или нет, судить читателю. Удивительному поэту Ксении Некрасовой исполнилось 100 лет.

СТР. 4

Сколько демократии нам нужно?

Демократию невозможно экспортировать, принести на штыках, внедрить чьим-то указом, словом, занести митинговым ветром. Демократия такое растение, которое требует времени и больших общих усилий, чтобы не зачахнуть и начать в конце концов плодоносить...

СТР. 2

Метнер снова в Париже...

Талантливые молодые пианисты – лауреаты Третьего международного конкурса пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко – приняли участие в ежегодном фестивале «Русенко», организованном ассоциацией «Франция–Урал», и совершили небольшое турне по стране. Играли в Париже, Лионе, Ницце. Два вечера с разными программами прошли в знаменитом зале Корто.

СТР. 8

В ловушке бессмыслицы

Попав однажды в ловушку бессмыслицы жизни, всегда ли мы это осознаём? Понимаем ли, что живём по инерции, не ощущая смысла своего бытия? Что хронический алкоголизм и наркомания – это следствие утраты содержания жизни? Как его обрести? И может ли человек сделать это в одиночку?
Об этом размышлял в своей статье «Коварство разума» психолог Вилен Чудновский («ЛГ», № 2). Сегодня эту тему продолжают наши читатели.

СТР. 13

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 17 692 человека. Заходите!

9 770233 430004 12006

«Души моей, судьбы моей язык!»

Прошлым летом Россия учредила наконец, через год после того как это сделала ООН, День русского языка. Празднуется он 6 июня, в день рождения Александра Сергеевича Пушкина. А 21 февраля, вскоре после печальной даты его смерти, мир отмечает Международный день родного языка. И хотя с именем великого поэта он никак не связан, ирония дат налицо – праздник учреждён ЮНЕСКО для защиты культурного многообразия и предотвращения угрозы вымирания языков.

По данным экспертов этой международной организации, в опасности сегодня находится почти половина из 6 тысяч языков мира, в том числе 120, на которых говорят граждане России. Каждые две недели, считает американский лингвист Дэвид Хариссон, в мире исчезает один живой язык. Причины – в демографической ситуации, миграции, нарушении естественной передачи от родителей к детям, когда взрослые представители малых народов, желая помочь детям быстрее вписаться в более сильную языковую среду, начинают говорить с ними дома на языке большинства.

Казалось бы, к русскому, родному для большинства населения нашей страны, все эти угрозы отношения не имеют. Ведь на нём в мире говорят примерно 260 миллионов человек. Но с развитием коммуникаций и усилением глобализации престиж русского, как и языков многих других развитых стран, стремительно падает под натиском английского, практически захватившего важнейшие сферы международных коммуникаций – политику, экономику, науку, образование. В школах большинства стран СНГ, где совсем недавно русским владело большинство, его перевели в разряд факультативных, а в странах бывшего соцлагеря русский язык теперь почти не изучают, и уже к 2025 году, по прогнозу специалистов Центра социологических исследований Минобрнауки, он может стать менее популярным, чем португальский.

Впрочем, что уж кивать на соседей, если в наших школах изучению русского языка и великой русской литературы отводится всё меньше времени и очень мало предпринимается шагов в государстве по поддержке чтения. Язык упрощается, обедняется, перенасыщается англоамериканизмами, интернет- и бизнес-жаргоном. Как относиться к натиску «простоты» и заимствований и падению престижа языка? Как к фатальному фактору, которому невозможно противостоять? Участники нашей дискуссии («Ясно, как день», «ЛГ», № 3 и «Глобализация и судьбы языков», № 5) считают, что без усилий общества и государства судьба у русского языка может оказаться печальной. То есть говорить мы будем по-прежнему на русском, но будет ли он тем языком, о котором писал Алексей Толстой: «...гибкое, пышное, неисчерпаемо богатое, умное, поэтическое... орудие своей социальной жизни, своей мысли, своих чувств, своих надежд, своего гнева, своего великого будущего...»? Не последует ли за деградацией языка и деградация нашего мышления?

ИТАР-ТАСС

Продолжение разговора на стр. 9

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

● Е.А. Боратынский. **Полное собрание сочинений и писем. Том 3. Часть 1. Стихотворения 1835–1844 годов.** – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 608 с. – 800 экз.

В третий том Полного собрания сочинений и писем выдающегося русского поэта Евгения Абрамовича Боратынского (1800–1844) представлены все стихотворения, не вошедшие в начальные тома настоящего издания. А именно сборник «Сумерки» (1842) и тексты, не попавшие в «Сумерки» или написанные уже после их выхода. Кроме того, стихотворения, сочинённые Боратынским в соавторстве с другими поэтами или приписываемые ему. Все стихи сопровождаются текстологическими комментариями, содержащими исчерпывающие сведения о рукописных источниках и истории публикации. В состав тома включены также отклики критики на сборник «Сумерки», фотокопии автографов и вспомогательные указатели.

● О.Д. Форш. **Сумасшедший корабль.** – М.: АСТ, Астрель, 2011. – 316 с. – 3000 экз.

Ольга Дмитриевна Форш (1873–1961) опубликовала свой знаменитый «Сумасшедший корабль» в 1931 году. Роман сразу же вызвал шквал критики, однако впоследствии пользовался неизменным успехом у читателей. Правда, последний раз эта книга выходила в нашей стране 30 лет назад, но тем примечательнее её переиздание. В основе романа – жизнь Петроградского дома искусств (Диска), созданного в 1919 году по инициативе Чуковского и при ближайшем участии Горького, где работали писатели и художники – Александр Блок (Гаэтан), Андрей Белый (Инопланетный гастролёр), Евгений Замятин (Сохатый) и др. Псевдонимы легко разгадываются, истории из их жизни почти подлинны, а главное – Форш описала удивительную судьбу художника в революционное время.

● Т.А. Мансуров. **ЕВРАЗЭС – от экономического сотрудничества к Единому экономическому пространству.** – М.: Русский раритет, 2011. – 312 с. – 3000 экз.

Монография доктора политических наук, Генерального секретаря ЕВРАЗЭС – весьма современное исследование. Автор непосредственно занимается вопросами создания правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства и в ясной и доступной форме излагает теоретические основы, логично построив композицию книги. В монографии представлена история евразийской интеграции за последние 20 лет, показана практика разработки договорно-правовой базы, проанализирована деятельность отраслей реального сектора экономики и социальной сферы стран ЕВРАЗЭС и многие другие вопросы. Книга заинтересует всех, кто изучает интеграционные процессы на евразийском пространстве и понимает роль их динамичного развития.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Нет, весь он не умрёт

Чёрный день 10 февраля, 175-летие со дня гибели «невольника чести», величайшего гения России Пушкина.

Одна из главных святынь культуры Северной столицы – Мойка, 12, последний адрес поэта. Музей-квартира Пушкина ведёт большую просветительскую работу, ежегодно проводит памятные мероприятия. Не стало исключением и 10 февраля 2012 года.

Сначала днём было богослужение в церкви Нерукотворного Спаса на Конюшенной площади, где в зимний день 1837 года отпевали «солнце русской поэзии». Во дворе музея на Мойке, 12, у памятника поэту, состоялось собрание, которое провёл директор Всероссийского музея А.С. Пушкина Сергей Некрасов. Затем выступал директор Института русской литературы (более известного как Пушкинский Дом) Всеволод Багно.

В 14.45, когда остановилось сердце поэта, – минута молчания.

После неё звучала музыка в исполнении Детского хора телевидения и радио Санкт-Петербурга под управлением Станислава Грибкова, стихи, которые читали Светлана Крючкова, Леонид Мозговой и Алексей Емельянов, выступали писатель, президент петербургского отделения Русского ПЕН-клуба Валерий Попов, праправнук поэта из Бельгии Александр Пушкин, зав. Музеем-квартирой Пушкина Галина Седова. Хор Тихвинского Богородичного Успенского мужского монастыря «Светилен» устроил общедоступный концерт в музее-квартире, посвящённый памяти поэта. Всем желающим была предложена автобусная экскурсия «Пушкин в Петербурге» с посещением места дуэли на Чёрной речке.

День памяти завершил литературно-музыкальный вечер, посвящённый 175-летию со дня гибели Пушкина «Свободы сеятель пустынный».

На мемориальных событиях присутствовали представители городского руководства, председатель Счётной палаты РФ, президент Российского книжного союза Сергей Степашин.

Директор Всероссийского музея А.С. Пушкина, доктор культурологии, профессор Сергей Некрасов сказал «ЛГ»:

– За всё время, что мы проводим эти памятные акции, пожалуй, сегодня наиболее сильные чувства. В каждом из выступлений – прозаика Валерия Попова, поэта Александра Кушнера, Сергея Степашина – была ощутима абсолютная искренность. Народная артистка России Светлана Крючкова прочитала «Поэт и толпа» – стихотворение невероятно актуального звучания. И было видно, что всё это находило отклик в сердцах собравшихся петербуржцев. Праправнук Пушкина, приехавший к нам специально из Бельгии, сказал, что более всего его поражает, как русские люди хранят память о его великом предке. Для нас ведь это не только горестный день. С этого дня началось пушкинское бессмертие. И я ещё раз убедился, что Пушкин как душа народа, душа страны живёт.

Надеемся, что и через год, и через десятилетия будут собираться в морозные февральские дни петербуржцы, которым дорого имя самого главного русского Поэта.

Соб. инф.

10 февраля в Государственном музее А.С. Пушкина на Пречистенке москвичи помянули минутой молчания своего великого земляка Александра Сергеевича Пушкина. 175 лет назад навсегда остановилось сердце поэта. В день памяти Пушкина вход в музей на Пречистенке был свободным. Церемония началась со «Слова о Пушкине». Потом состоялся концерт московских артистов. В исполнении солистов, хора и оркестра оперного театра Московской консерватории прозвучал «Реквием» Моцарта. В этот же день открылась выставка под названием «Портреты Пушкина. Живопись, графика, скульптура XIX–XX веков», насчитывающая около четырёх тысяч произведений.

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

ФОТОГЛАС

В Театре эстрады имени Аркадия Райкина в Санкт-Петербурге были вручены премии «Прорыв». В номинации «Лучшая молодая актриса» премию получила Алёна Митюшкина за роль Наташи Баниной в спектакле «Наташины мечты».

РИА «Новости»

ИТАР-ТАСС

Несмотря на мороз и обледенение, прогулочные катера курсируют по Москве-реке. При реализации проекта использован опыт мировых столиц в организации подобных маршрутов. Любители подышать морозным воздухом прохлаждаются на открытой палубе, а те, кто предпочитает любоваться заснеженной столицей в тепле и комфорте, – в застеклённом салоне.

В столичном Манеже состоялась церемония награждения победителей конкурса «Серебряная камера – 2011» в трёх номинациях на лучший фоторепортаж о Москве: «Архитектура», «События и повседневная жизнь», «Лица». Главная задача конкурса – популяризация и развитие российского фотоискусства, а также поддержка молодых авторов. В этом году в разделе «Лица» опять победил фотокорреспондент РИА «Новости» Владимир Вяткин, а сфотографирован он с членом жюри конкурса шеф-фотокорреспондентом Московского бюро агентства Associated Press Александром Земляниченко.

РИА «Новости»

ЗЛОБА ДНЯ

Сколько демократии нам нужно?

Демократию невозможно экспортировать, принести на штыках, внедрить чьим-то указом, словом, занести митинговым ветром. Демократия такое растение, которое требует времени и больших общих усилий, чтобы не зачахнуть и начать в конце концов плодоносить…

Пора переосмыслять

Владимир ПЕТУХОВ,
руководитель центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН:

– Первое, на что хочу обратить внимание: явно не соответствуют действительности представления о несовместимости традиций, культуры, менталитета россиян с ценностями демократии. Но реализация этих принципов, а точнее, их имитация вызывает у россиян всё большее разочарование.

Что же не устраивает их в нашей модели демократии? *Элитарный характер.* Российский правящий класс и в 90-е годы, и сейчас, зациклившись на экономике и укреплении властных институтов, был глух к проявлениям «живого творчества масс». Он стремится локализовать политическое участие граждан исключительно выборами, манипуляцией которыми элита овладела в полной мере. В обществе укоренилось мнение, что в стране если и есть демократия, то для избранных, а от простых граждан ничего не зависит. Так считают около 70 процентов россиян.

Другая значимая причина недовольства обусловлена *крайне низкой эффективностью большинства демократических институтов.* «Демократический романтизм» конца 80-х – начала 90-х, когда главную ценность представляла свобода во всех её проявлениях, сменился запросом на «работающую демократию». Её эффективность должна определяться степенью влияния граждан на политику властей, динамикой уровня и качества жизни, социальной защищённостью, минимизацией коррупции, подлинным обеспечением не только политических, но и социально-экономических прав и свобод. Идеалом, судя по результатам исследований, является российский аналог «государства всеобщего благоденствия», сочетающий активную роль государства в экономике, сильную систему соцзащиты с невмешательством государства в частную жизнь, политические и гражданские свободы. Пока дистанция между идеалом и реальностью огромна.

Одна из ключевых проблем нашей демократии – необходимость *найти механизмы перевода частных, групповых интересов на язык общезначимых проблем*. Речь прежде всего о способах согласования интересов российского бизнеса с интересами общества. Настоящая, а не формальная демократия предполагает более равномерное распределение богатств и ресурсов, чем это имеет место у нас. А также контроль за экономической деятельностью со стороны общества, особенно в случаях, когда эта деятельность может нанести вред человеку и окружающей среде.

Необходимо также *найти новые стимулы и формы гражданской самоорганизации,* обеспечить «перезагрузку» соответствующей инфраструктуры (партийной системы, системы местного самоуправления, социального партнёрства, профсоюзов и т.д.). Чрезвычайно обнадёживающим выглядит отказ властей (во всяком случае, об этом не раз говорил президент) от *мелочной регламентации деятельности политических и гражданских институтов*. Речь идёт об институтах представительной демократии, прежде всего политических партий.

Важной видится демократизация не только в сфере большой политики, но и на местах, в рамках локальных сообществ, что предполагает завершение реформы местного самоуправления и так называемого третьего сектора (некоммерческих организаций – НКО), *длящейся второй десяток лет.* Это особенно важно для такой огромной страны, как наша.

Наконец, демократия участия предполагает *широкое обсуждение всех более или менее важных для общества проблем.* В России в последние годы происходило «свёртывание» пространства публичной политики, дискуссий. В итоге площадкой для них всё чаще становятся не традиционные медиа, а Интернет, социальные сети. Именно они дали толчок многим гражданским инициативам, которые уже выходят из виртуального пространства. Важно, что формируется новая генерация общественных деятелей и предлагаются темы для обсуждения, выходящие за рамки тривиальных, а то и истеричных политических баталий. А главное – выдвигаются всё новые инициативы.

Итак, как бы там ни было, за 20 лет страна изменилась, изменились люди, хотя российская демократия реализовалась пока лишь как нормативная модель, не проросла в ткань общественной жизни, в демократию участия и соучастия. Однако общество подошло к рубежу, когда оно либо окончательно согласится с существующим порядком вещей, либо люди найдут пути и способы более активного влияния на всю свою жизнь.

Тяжёлое наследие победы над парламентом

Михаил КУЗНЕЦОВ,
вице-президент фонда Плеханова:

– Нам нужно столько демократии, сколько позволит обществу формировать подотчётную и сменяемую власть, действующую в общественных интересах, в интересах людей.

Сегодня власть находит свои главные приоритеты в экономическом и политическом самообеспечении. Для этого сформирована соответствующая политическая система имитационного типа, используются административный ресурс и почти абсолютно подконтрольные СМИ.

Нужно столько демократии, сколько позволит преодолеть иерархию властного («ручного») управления как иерархию послушания и прийти к управлению в виде *соорганизации САМОдействующих субъектов*. Только эффективная САМОдеятельность в науке, предпринимательстве, общественной и политической сфере позволит реализовать модернизационные проекты в разных областях и обеспечить инновационное развитие, о которых много говорят сегодня. Между тем необходимость именно такого развития была уже давно очевидна.

Демократия и свобода самовыражения, инициативы – главная альтернатива сложившейся практике, когда «одни просят – другие не дают».

Конституция России декларирует принципы народовластия, гарантирует демократические права и свободы, но она же наделяет президентскую власть фактически неограниченными полномочиями. Это наследие победы исполнительной власти над парламентом в начале 90-х. И его надо преодолеть – через Конституционное совещание или референдум.

Нужно столько демократии, сколько позволит не только любой группе общественно активных граждан создать и зарегистрировать свою партию для представления в политической жизни определённых «групповых» интересов, но и получать средства на партийно-политическую деятельность без «разрешения» властей. Формирование партии самой властью «под себя» с использованием административного ресурса, обеспечение её финансовыми ресурсами и «протежирование» ей в избирательном процессе в демократическом обществе недопустимо.

Ещё одна «порция» демократии нужна для полноценного развития местного самоуправления. Когда рассуждают о гражданском обществе, часто забывают, что его основа в большой степени формируется через становление полноценного местного самоуправления. Сегодня же власть на практике строит местное самоуправление без... самого населения, без людей. А «избранные» главы местного самоуправления, лишённые необходимой налоговой базы, находятся почти в абсолютной, вассальной зависимости от губернаторов, выпрашивают у них дотации и вынуждены вспоминать о заботах населения отнюдь не в первую очередь.

Вправе ли ограничивать?

Юрий БОЛДЫРЕВ,
политолог, публицист:

– А разве демократию отпускают порционно?

Другое дело – формы демократии. Они должны быть не разрушающими, а созидательными. Но вопрос о форме нельзя подменять вопросом о количестве. Иначе под это подводятся такие необоснованные преграды, как, например, ограничение списка вопросов, которые разрешено выносить на референдум.

Вопрос о «количестве» подталкивает к аналогии с семьёй, в которой вырастают дети. Но, во-первых, абсурден вопрос о том, сколько растущие дети в итоге должны получить самостоятельности. Очевидно – полную. Вопрос лишь об этапности: в какой срок и при каких подстраховках самостоятельность должна прирастать. Но не с бесконечным затягиванием процесса.

Во-вторых, это вопрос не абсолютного количества, но соотношения. Если право на самоопределение (демократию) нашего народа ограничивается, то не абстрактно, но кем-то и, главное, в чью-то пользу. В чью? Кому доверяем? Даже если верим в Бога и готовы часть мирской власти оставить ему, то механизма прямого божественного правления ещё не придумали. Значит, вопрос «Сколько нам?» уместен только в увязке с вопросом иным: «Кому всё остальное?»

Ясно, кому, но тогда, и это в-третьих, для нормальной семьи мотивация родителей ясна. Детей ограничивают не для того, чтобы сохранить их подчинённое положение. И не для того, чтобы их эксплуатировать или грабить. Цель – не дать детям сбиться с пути, направить на путь истинный. Но какое отношение это имеет к государству? Тем более если власть в нём возникла не по праву вековой преемственности и традиции ответственности за подданных, но по праву узурпации осенью 1993-го. И затем по праву преемственности этой узурпации, смягчённой манипулированием обществом через подконтрольные СМИ.

Подчёркиваю: речь не о том, является ли власть хорошей или не очень, но её происхождение и генезис известны. Люди во власти могут быть любые, но не они нас рожали и воспитывали. И свою старость наши властители вряд ли связывают с нашей сыновней благодарностью. Так откуда же у власти по отношению к нам при определении «порции необходимой нам демократии» могут взяться отеческие чувства и мотивы?

Таким образом, счастье – расти и развиваться при живых родителях, стремящихся опекать и подстраховывать своих детей. Но где же целому народу взять таких «родителей»? Их в природе нет и быть не может. А значит, и неуместна сама постановка вопроса о «дозировании» демократии. Некому «дозировать», руководствуясь мотивом блага для народа.

Правда, бывают ещё и внешние «дозаторы» – в случае деколонизации, выхода из оккупации или режима узурпации. Какие же основания доверять их мотивации? Их можно лишь терпеть – до определённого момента. При этом истинный мотив дозирования возврата власти исходному суверену (народу) внешними силами один – закрепить собственные интересы и обеспечить безопасность отступления. Но не надо всерьёз подкладывать под деятельность внешних «дозаторов демократии» святочные сказки и мифы, представляя их мотивацию как «подвижническую».

Требуется коалиция государственников

Анатолий ГРОМЫКО,
член-корреспондент РАН:

– Бесконечные споры, порой ожесточённые, вокруг вопросов демократии возникают из-за отсутствия у спорщиков знаний, которые оставили история и великие мыслители. Принято увязывать демократию со свободой, не допускать тирании большинства. Сторонники демократии большинства, в свою очередь, критикуют меньшинство за абсолютизацию индивидуальных свобод в ущерб коллективным.

Костёр из разного рода истин полыхает на площадях и улицах. Одни выступают против чрезмерной власти чиновников, другие требуют социальной демократии и справедливости, заявляют, что они невозможны в условиях олигархического капитализма. И все требуют честных выборов. Да, слишком много фактов, указывающих, что в цепочке избирательных механизмов появляются выбритые, усатые, бородатые дяденьки, действия которых вызывают сомнения в честности выборов. Механизм явно несовершенен. Устранение этого, мягко говоря, «досадного недостатка», причём быстрое, крайне необходимо. Выборы нужны абсолютно прозрачные, иначе меньшинство, кто бы им ни был, может повести себя непредсказуемо. Это опасно.

Но сильнее всего стабильность общества может пострадать от действий тех, кто бросает клич не признавать итогов выборов ещё до того, как сами выборы состоялись. Это политическое хулиганство. За такие завихрения мысли, если они воплощаются в действиях, надо нести ответственность, вплоть до уголовной. Как юрист, абсолютно уверен. Иначе наступит анархия.

За исключением периодов мировых войн и революций, история людей развивается медленно, эволюционно. Политики же при принятии решений и даже законов нередко действуют непродуманно, впопыхах, спешат, не задумываются, насколько результаты их действий соответствуют интересам общества. Тогда растёт социальная и политическая напряжённость.

Не надо делать вид, что сегодня Россия – это социальное государство, и сводить демократию только к политике. Вообще казаться тем, кем ты не являешься, – большой грех. Кроме демократии политической (надо всем помнить) есть демократия социальная. Её сильно недостаёт. Отсюда многие беды.

Так сколько же демократии нужно? Ровно столько, сколько необходимо для утверждения дееспособного Российского государства. Только такая держава обеспечит россиянам гражданский мир, победит опасности как внешние, так и внутренние. Специфика России (громадная территория, пёстрый этносостав, протяжённость границ) говорит о том, что демократия в России не может развиваться без сильного государства. Кстати, что у США, Китая, Великобритании, Франции, Германии слабые государства? Как бы не так!

И ещё. Политические институты сами по себе не действуют. Ими, их работой руководят люди. В России, на мой взгляд, наступила пора, когда нужно учиться работать в составе коалиционных правительств. Во власти нужны государственники, а не просто специалисты. Специалистов можно найти, будут помогать. Но главное – сохранить Россию, наше общество, народ. А это может сделать только коалиция государственников.

Опрашивал **Владимир СУХОМЛИНОВ**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Первый заместитель главного редактора
Леонид Колпаков
Заместитель главного редактора
Валерий Павлов
(представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе)

ОТДЕЛЫ:

«Политика, экономика»
тел. 8-499-788-01-06
шеф-редактор Игорь Серков,
обозреватель
Владимир Сухомлинов

«Литература и библиография»
тел. 8-499-788-02-05
ведущий редактор
Марина Кудимова;
Игорь Панин

«Искусство», «ТелевЕдение»
тел. 8-499-788-02-12,
8-499-788-00-53
ведущий редактор
Александр Кондрашов;
Олег Пухнавцев,
Евгений Маликов,
Анна Кузнецова

«Общество»
тел. 8-499-788-02-08
ведущий редактор
Людмила Мазурова;
Наталья Гамаюнова

«Клуб 12 стульев»
тел. 8-499-788-00-53
администратор
Александр Хорт

Обозреватели
Сергей Мнацаканян, Лев Пирогов,
Дмитрий Каралис *(Санкт-Петербург)*,
Алесь Кожедуб, Игорь Гамаюнов

Спецпроекты
Анастасия Ермакова,
Ольга Моторина

Собственные корреспонденты
Александр Самойленко *(Калуга)*,
Юрий Беликов *(Пермь)*,
Жан Миндубаев *(Ульяновская область, Татарстан)*,
Владимир Шемшученко *(Санкт-Петербург)*,
Сергей Евстратьев *(Республика Молдова)*,
Всеволод Марьян *(Закавказье)*,
Ирина Тосунян *(США)*,
Алексей Славин *(Германия)*,
Мария Хамахер *(Центральная Европа)*,
Никита Барашев *(Италия)*,
Светлана Селиванова *(Китай)*

Отдел оформления
тел. 8-499-788-01-13
бильд-редактор
Евгений Федоровский;
художественный редактор
Антон Меньшов

Директор по распространению
Валерия Красотова
тел. 8-499-788-01-12

Отдел рекламы
тел. 8-495-688-80-78
Юлия Поскрёбышева

Московский тираж – 61 853 экз.
Федеральный тираж – 35 281 экз.
(печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске и Хабаровске)
Тираж в Крыму – 2500 экз.
Тираж в Европе и США – 6000 экз.
(печатается во Франкфурте-на-Майне)
Тираж в Израиле – 22 000 экз.
Тираж в Великобритании – 9000 экз.
Тираж в Греции – 3000 экз.

Общий тираж
139 634 экз.

Цена договорная

Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.
Номер подписан к печати
14 февраля 2012 г.
Зак. № 12-02-00142

Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.

Подписные индексы:
50067, 34189, 84874 и 99168
(для предприятий и организаций)

Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»
Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-35721 от 20.03.2000 г.

Материалы рубрики «Точка зрения» публикуются на коммерческой основе.

Адрес редакции:
Хохловский переулок, д. 10, стр. 6
Москва, 109028

Автоинформатор и соединение с отделами:
8-499-788-02-10

Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru

Факс: 8-499-788-00-52

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

НЕРАЗРЕШЁННЫЙ ВОПРОС

Ни один народ не удивляет так

«ЛГ», № 39

Весь мир охвачен «новым номадизмом» (кочевничеством) самых богатых и самых бедных, и в наш обиход вошло словечко «мигрантофобия». Что это: всплеск человеконенавистничества или проявление здорового желания уберечь себя от социокультурных деформаций?

«ЛГ», № 40

Увы, нет такой науки – миграциологии. В результате власти реактивно склоняются к «техническим» решениям типа организации массового просвещения для мигрантов.

А как можно понять, какие мигранты желают интегрироваться в принимающее общество, а какие – втихаря посмеиваются над человекоугодническими попытками их «просветить» и превратить в россиян? У этих последних есть некоторые представления о русских, но россиянин интересен им, по-моему, меньше, чем инопланетянин. Да и само слово какое-то канцелярское.

Кстати, я предполагаю, что у нормального человека «поиск идентичности» сопряжён с желанием сохранять собственное достоинство, а это мало возможно в условиях радикального консюмеризма (потребительства) – идеологии, пришедшей на смену «коммунистическим» принципам. Молодым и неустойчивым душам труднее принять мир «без героя». В этом, в частности, кроется причина радикализации молодёжи, бессознательного протеста в Кондопоге, на Манежной площади и др.

Так сложилось в России, что она не просто «полиэтнична». Наша страна не аляповато пёстрый пазл. Всё гораздо интереснее. Вот смотрите. Как известно, существуют этносы, существуют также субэтнические группы. Так, внутри русского этноса к субэтносам относятся казаки, поморы, старообрядцы, молокане и пр. Внутри татарского этноса субэтносом являются кряшены.

История наша сложилась так, что возник удивительный феномен: в России и на постсоветском (постимперском) пространстве – немалое количество людей, сохраняющих свою этническую идентичность и при этом обладающих чертами русского человека. Корни этого феномена нашли питательную среду в русской культуре и в праве на обладание русской историей. Потому что последние сто лет у нас этничность не приговор и не гетто. Все знают, что поэт Осип Мандельштам – еврей, писатель Фазиль Искандер наполовину перс, наполовину абхаз, режиссёр и сценарист Рустам Ибрагимбеков – азербайджанец, режиссёр Георгий Данелия – грузин. И никто из них от своих этносов не отрекался, но, как ни верти, они и в жизни проявляют черты русского человека. Говорят по-русски, создают на русском языке свои произведения, любят Россию, чувствуют её, переживают за неё. Эти люди, извините за намёк на грубое выражение, не цветы в проруби.

Когда-то Лев Гумилёв ввёл термин «суперэтнос». В его теории это – этническая система, высшее звено этнической иерархии, состоящая из нескольких этносов, возникших одновременно в одном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическим общением и проявляющихся в истории как мозаичная целостность.

Но этот этап – уже в прошлом. В некоторых местах мозаика осыпается, в других сращивается в монолит. Этногенез продолжается так, что последние два века, как минимум, можно наблюдать процесс трансформации частей нерусских этносов во что-то, приближающееся к русской субэтничности. Впору вводить для таких случаев термин «трансэтничность». Здорово это «словил» Владимир Высоцкий, когда пел про Израиль, что «там наполовину наш народ». Про русскость этнических нерусских вообще отдельную книгу можно написать.

Трансэтнизация относится к естественным процессам и не имеет ничего общего с насильственными и административными действиями, но она может «угаснуть» при убывании самой русской этничности. Для того чтобы стать единой политической русской нацией с русской идеей в истории и отбросить хлипкий костыль «россиянства», одними законодательными решениями не обойтись. Ведь от действительности невозможно откупиться, – необходим творческий подход к делу, без пошлостей, эпигонства, общих мест, наивной кустарщины и мерзкого человеконенавистничества.

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

Первое слово в деле преодоления духа времени – за талантливыми людьми. Как армия пушкинистов не могла заменить Пушкину Гончарову, так и легионы экспертов, политиков и общественных деятелей не способны создать то, на что способны таланты. В отечественной традиции общественного договора всё ещё сохраняется драгоценный сплав простодушного патриотизма, разумного космополитизма и реликтовой этничности.

И не надо себе и друг другу «вешать лапшу на уши» про «патриотизм, который якобы прибежище негодяев» и зацикливаться на издержках вроде «безродного космополитизма». Сколько можно, надрываясь, тащить на себе дурное прошлое?! Отмечу, что увлечение крайностями, в том числе радикальным патриотизмом и радикальным космополитизмом, – психопатическая форма безответственности перед человечеством. Двери открыты, и для мигрантов тоже. Выбор – за ними.

Статистические исследования западных СМИ, публикующих материалы о русских, свидетельствуют о том, что самая высокая частотность – за эпитетом «дикий». Такая жёсткая оценка объяснима не только гусарством некоторых русских за границей, но и западной традицией последнего тысячелетия. После падения Византии и снижения темпов развития исламского мира Европа рванула вперёд за счёт их богатого наследия. Этот факт хорошо известен специалистам, но остаётся фигурой умолчания при воздействии на массовое сознание на Западе.

Мало того, для повышения собственной самооценки постепенно на народы православной и исламской традиций стал навешиваться ярлык «варвар». Почувствовав собственную безнаказанность, западные европейцы закусили удила и стали вершить «культурный» суд над «второсортными» частями человечества. До того бытовали более простодушные суждения. Так, представитель Тевтонского ордена Андрей фон Вельвен свидетельствовал о девятнадцатилетнем Александре Невском, что «несть равных ему во всём свете!». И удивлялся, как такой просвещённый человек мог, «как варвар», мыться в бане.

Собирательный русский человек небезосновательно усматривает в сём сложном «дискурсе» изрядную долю лукавства. А в ответ западным инсинуациям не менее лукаво манифестирует себя в качестве «азиятца». Пугает, так сказать. Эта бравада даже вошла у него в некоторую привычку. Однако на деле он относится к подобным ярлыкам проще и практичнее. И волнует его не «бремя белого человека» с его «высокомерной антропологической благожелательностью», а что-то из более высоких пластов бытия.

В нынешних условиях «кризиса белой расы» русская природная скромность может способствовать возрождению и прорыву в будущее для всех. И на экзотике взгляд русского задерживается недолго, если за ней лежат общемировые смысловые загадки. Он, русский человек, может не любить каких-то иноплеменников, даже ненавидеть, но в глубине души радуется, когда обнаруживает, что все мы «одной крови».

Шутка отечественного спецназа «Враг нас предал» – очень русская. Эти люди могут накостылять «по первое число», а потом великодушно простить и помочь подняться. Могут превозноситься (кто из нас не грешен), а потом ёрничать по поводу собственной гордыни.

Поговорим о влиянии русской цивилизации на армян и Армению. Лишь несколько «пастельных» мазков. Самых разных людей в Армении я спрашивала об их отношении к Пушкину. Как рафинированных интеллектуалов, так и граждан, менее образованных. Ответы их были схожими. Творчество великого русского поэта не вызывало в них особого волнения. Предпочитают Лермонтова. Но и у Пушкина есть одно стихотворение – «Ангел»... Почему так? Ничего и я не могу с собой поделать: это произведение в моём сознании озвучено армянским фонетическим и интонационным акцентами.

Нередко мне доводилось видеть на книжных полках в ереванских квартирах томик Есенина. Попробуйте разобраться сами, какие струны мог задеть этот поэт в армянских сердцах... Кстати, в начале 1990-х, за четыре года блокады, тёмными и холодными зимними вечерами без электричества, при неработающих транспорте, водопроводе, отоплении, канализации, моя знакомая устраивала при свечах для закутанных в шубы гостей вечера русской поэзии. И первым был вечер Есенина.

В русской культуре и литературе есть «своя» Высокая Армения, влияющая на отношение армян к русскому миру. Можно не колеблясь утверждать, что открыта она всё же «солнцем» русской литературы Александром Сергеевичем Пушкиным. Его путевыми заметками «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». Ехидный читатель или слишком обидчивый армянин может заметить, что Пушкин довольно нелестно выставил отдельного сладострастного армянина в стихотворении «Чёрная шаль». Но нам есть что ответить. Отношение великого поэта к армянскому народу не сводилось к гневу его литературного героя. Малоизвестный факт: первым переводчиком его поэзии на французский была Анна Давыдовна Абамелек, об армянском происхождении которой поэт был отлично осведомлён. Ей посвящено стихотворение «Когда-то (помню с умиленьем) / Я смел вас нянчить с восхищеньем...»

Так что безосновательно приписывать гению пошлую армянофобию, как и любые иные этнофобии. Его творчество, сведения из произведений и переписки других русских авторов свидетельствуют о благородной черте русского имперского сознания: своим считался всякий, кто с любовью принимает ценности русской цивилизации и верно служит России, а всё остальное – лишь занятная «колористика». Таким «своим», к примеру, был герой войны 1812 года карабахский армянин Валериан Мадатов. Свой вклад в литературную копилку произведений об Армении внесли и Осип Мандельштам, и Андрей Белый, и Андрей Битов, и Юрий Карабчиевский.

Бывает, что армяне грустят временами на темы проявляющегося равнодушия русской элиты по отношению к ним и размывания русской этничности: где настоящие русские, куда делись, остались ли вообще, почему проигрывают информационные битвы?

Почему-то они (армяне) усматривают то, что именно эти причины в большей степени лежат в основе всяческих неприятностей для России. Они считают, что, не умаляя вклада других этносов в дело прорыва к индустриальному укладу и победе в Великой Отечественной войне, следует признать, что главной «тягловой силой» в этом были русские. И по факту именно русская этничность понесла наибольшие потери. Некоторые мои собеседники в Армении выражали даже и такое мнение, что «русский вопрос» лежит в зоне ответственности не только самих русских, но и исторически связанных с ними народов.

Как бы то ни было, армяне хранят образ русского человека и солдата двухсотлетней давности, того самого, который появлялся как спаситель при катастрофах, а в мирное время обучал армянских ребятишек русским считалкам, одну из которых знает каждый, выросший в Армении.

В наше время отношение армян к России во многом определяется информацией, получаемой от выехавших в Россию. Видимо, поэтому во время моих командировок в Армению меня постоянно спрашивают о скинхедских и нацистских настроениях в России. Однако, по моим наблюдениям, с выводами и обобщениями армяне не торопятся.

Как относятся к литературному русскому слову о них армяне, которые о самих себе друг другу рассказывают зубодробительные по своей самокритичности анекдоты? Вчитываются, изучают, спорят, ехидничают, но, по счастью, это пока ещё не умерщвляет в них трогательного почтения к величию жизни во всей её полноте. И ни один народ не удивляет их так, как русский.

Каринэ ГЕВОРГЯН,
политолог, востоковед

ПЛАНЕТАРИЙ

Равновесие противоположностей

Вот уже несколько лет в международном экспертном сообществе, среди политологов и даже видных политиков одним из самых употребляемых словосочетаний является «многополярный мир». Он, по мнению многих, идёт (а кое-кто утверждает, что уже пришёл!) на смену установившемуся 20 лет назад в международных делах однополярному миру.

Действительно, такая конструкция, означающая доминирование в международной политике и экономике одной державы – Соединённых Штатов Америки либо группы близких по духу государств во главе всё с теми же США, возникла в обстановке реалий конца 80-х – начала 90-х годов минувшего столетия.

Это и составило, так сказать, материальную основу возникшего однополярного мира, а наиболее яркими формами его проявления стали: грубое вмешательство во внутренние дела многих государств – вплоть до прямых требований и угроз силового изменения их общественного строя.

Понятно, что такая политика встречает всё большее неприятие в мире. К тому же однополярная конструкция в принципе и не может быть длительное время устойчивой – ни в природе, ни в межгосударственных отношениях.

Ведь слово «полюс» (polus) в переводе с латинского означает нечто, диаметрально противоположное другому. Ситуация неизбежно будет двигаться к замене однополярной конструкции на более устойчивую.

И вот тут возникает главный вопрос: а какой она будет?

Полюсов по определению не может быть много – в отличие, скажем, от шишек на голове. А в международных делах, если следовать логике, полюс – это вовсе не просто центр какой-то силы, это – обязательно противовес другой силе. Тогда какие силы могут иметься в виду?

Нынешнему однополярному миру предшествовала биполярная система мироустройства, на десятилетия установившаяся после Второй мировой войны. И суть её состояла не просто в том, что в тот период в мире противостояли друг другу две мощнейшие в военном отношении сверхдержавы и две относительно сопоставимые по величине национальные экономики. Суть заключалась в том, что соревновались две противоположные социально-экономические системы; они-то и были собственно полюсами, а уже ведущими силами этих полюсов являлись соответственно СССР и США. Вот именно эта противоположность определила и суть всего послевоенного биполярного устройства мира, кстати, и относительную международную безопасность, которую гарантировали и взаимный ядерный паритет, и примерное равенство мощных обычных Вооружённых сил.

Если в наши дни в качестве альтернативы однополярному миру предлагается некий «многополярный мир», то зададимся закономерным вопросом: кто именно эти самые «многие полюса» мог бы составить? Иными словами, где хотя бы намёки на эту самую многополярность в современном мире?

Начнём с того, что кое-кто из отечественных политологов и даже известных политиков не прочь щегольнуть в беседе собственными представлениями о том, что Европа вот-вот готова расколоться на какие-то «части» или вовсе «отколоться» от США. Вот вам, дескать, и «новый полюс влияния в мире», с которым вместе Россия могла бы, в свою очередь, построить ещё больший, единый полюс. Однако иначе как маниловскими мечтами подобные суждения нельзя назвать. Во-первых, несмотря на различия в подходах к отдельным вопросам и в оценках тех или иных явлений, все развитые западные страны составляют одну и ту же социально-экономическую – капиталистическую – систему. Сущность строя за последние 20 лет, несмотря на все современные формы его проявления, принципиально не изменилась.

Во-вторых, по ключевым, принципиальным, наконец, что ещё важнее, мировоззренческим вопросам все западные государства обычно выступают единым фронтом и со схожих позиций. Кроме того, все они – без исключения – объективно признают финансовое, технико-технологическое и тем более военное лидерство США. Таким образом, и вчера, и сегодня развитые западные страны составляют единый полюс в международных делах, и у этого полюса продолжает оставаться признанный лидер.

Тогда кто может представить реальную альтернативу этому полюсу? В последние годы опять же модно стало говорить о повышении роли исламского фактора в мировых делах. Однако даже поверхностная оценка событий последнего времени доказывает: несмотря на отдельные декларации отдельных политических течений радикального характера или даже некоторых (опять-таки отдельно взятых) государств, ни арабский, ни даже исламский мир в целом не выдвинули пока какой-либо чёткой скоординированной позиции, представляющей столь же чёткую альтернативу западному пути развития в мировом масштабе.

Разве могут быть самостоятельным полюсом те, кто активно способствует расправе со своими соседями и единоверцами при помощи западных авианосцев и военной авиации? Если же кто-то станет говорить о некоей «хитрой стратегии» саудовских и катарских эмиров, использующих-де в своих неведомых посторонним целях заокеанских «гяуров», то таким можно лишь напомнить: пока что это именно «гяуры» используют «правоверных» эмиров в своих целях, причём делают это не одно десятилетие...

> Но главное – всё-таки в том, что как раз Китай и показывает миру иной, альтернативный западному тип развития.

Ну а не может ли сегодняшняя Россия хоть в какой-то степени претендовать на роль самостоятельного полюса в мире? По экономическим показателям – нет. Господствующий энергосырьевой тип развития экономики и экспорта России становится всё более вопиющим. Подобная экономика, работающая в роли «подносчика» сырья для ведущих экономик мира, не может даже в принципе рассчитывать на то, чтобы выступать в ранге полюса. Приверженность так называемой российской элиты западным ценностям, о которой её представители не устают повторять, не оставляют нашей стране при её нынешнем типе развития иного будущего, кроме как положения «младшего партнёра» западного полюса. А единственным фактором, позволяющим России рассчитывать на то, чтобы с ней считались хотя бы в региональных вопросах, является сохраняющийся с советских времён ядерный потенциал.

Однако есть страна, достижения которой в последние годы действительно реально меняют всю мировую экономическую (а вслед за ней и политическую) конфигурацию мира. Это – Китай.

И главное здесь не в том, что сегодня КНР по объёму ВВП занимает второе место в мире (причём по всем методам подсчёта), уступая лишь США, и разрыв между двумя странами неуклонно сокращается. И даже не в том, что, обладая самыми крупными в мире золотовалютными резервами, которые составили поистине астрономическую сумму в 3 триллиона 200 миллиардов долларов, Китай является одновременно крупнейшим кредитором самих Соединённых Штатов. Китай вообще по многим аспектам выступает уже экономическим гарантом всего современного мироустройства.

Но главное – всё-таки в том, что как раз Китай и показывает миру иной, альтернативный западному тип развития. Оставаясь социалистической страной, Китай не только экономически, но и политически способен претендовать на роль второго, противостоящего США и всему западному миру полюса, постепенно привлекая под свои знамёна самые различные страны и народы. Кстати, общественный строй многих из них ничего общего не имеет с социализмом, однако все они видят именно в социалистическом Китае ту силу, которая способна реально изменить временно установившееся однополярное устройство мира. Что прямо подтверждает и рост международной не только экономической, но и политической активности КНР в последние годы.

Не зря прогнозируется нарастание соперничества, а возможно, и противостояния обеих ведущих держав – США и Китая. Причём все остальные страны будут выступать или как противники, или как сторонники этих двух государств.

На наших глазах возникает новая форма хорошо знакомого биполярного мира, в котором прежнее место Советского Союза пусть медленно, зато уверенно занимает Китай. Во всяком случае, на сегодняшний день – это единственная реальная альтернатива однополярному миру.

Какие конкретно формы она обретёт, покажет уже ближайшее будущее. Как подобное развитие событий затронет Россию? Не следует забывать, что практически все последние 20 лет в той или иной форме мир был свидетелем постоянных внешнеполитических уступок со стороны России в призрачной надежде получить «равное место» среди ведущих западных держав. В ответ столь же постоянным был отказ последних такое «место» предоставить, напротив, пакет требований к России – как внешнеполитического, так и внутриполитического характера только множится.

В такой ситуации нашей стране следует как минимум поддерживать нынешний высокий уровень отношений с Китаем, ставшим с 2010 года нашим главным торговым партнёром, и более активно противодействовать откровенным провокаторам как российским, так и зарубежным, мечтающим столкнуть нас с великим восточным соседом. Думаю, не надо даже и объяснять, кто извлёк бы из этого колоссальную выгоду.

Однако есть и второй, более активный вариант действий – усилить сотрудничество с Китаем не только в области взаимной торговли, но и на других экономических, а также иных направлениях. Это и был бы наиболее отвечающий нашим интересам внешнеполитический выбор России в XXI веке.

Олег ЧЕРКОВЕЦ,
доктор экономических наук

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

«Писательский мирок всегда отличался агрессивностью»

Роман Сенчин опасается увязнуть в редактировании старых произведений

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Сенчин Роман Валерьевич. Родился в 1971 году в городе Кызыле. Окончил в 2001 году Литературный институт имени М. Горького. Автор книг «Афинские ночи», «Минус», «День без числа», «Московские тени», «Ёлтышевы», «Иджим», «Лёд под ногами», «На чёрной лестнице», «Информация» и др. Награждён премиями еженедельника «Литературная Россия», журналов «Кольцо А» и «Знамя», премиями «Венец», «Эврика» и Горьковской литературной премией.

– Роман, прошедший год можно считать для тебя удачным. В разных издательствах вышло, если не ошибаюсь, семь твоих книг! Это и новые произведения, и старые, и даже критика. Для молодого писателя, работающего в жанре серьёзной литературы, это просто фантастический успех!

– Да, пожаловаться не могу. Даже страшновато от такого изобилия... После успеха книги «Ёлтышевы» в 2009 году издатели проявили ко мне серьёзный интерес. Хорошо, что у меня оказались запасы текстов, которые публиковались в журналах или издавались лет десять назад. Было, в общем, что показать издателям. Правда, есть опасность перекормить собой читателя, увязнуть в редактировании своих старых вещей, поэтому отношусь к такому обилию с некоторой тревогой. Надо писать новое.

– А в чём, как ты считаешь, притягательность твоих романов, повестей, рассказов? Если их так активно издают, значит, есть на них немалый спрос? В то же время многие критики упрекают тебя в пессимизме, в «чернушничестве», в смаковании неприглядных сторон жизни. Может, время такое, и твои книги, отражающие общее неверие в себя и упадок духа, потому и пользуются популярностью у читателей?

– Большого спроса на свои книги я не наблюдаю. Есть, конечно, люди, которые читают и обсуждают их, но таких не так уж много. Правда, это, судя по дискуссиям в Интернете, люди думающие, пытающиеся разобраться в сегодняшней жизни. Я пишу в основном о том времени, в котором живу. Светлого в нём мало. Что в девяностые, что в нулевые, что в первый год десятых... Кстати сказать, вообще в русской литературе отображались и отображаются по большей части тёмные стороны, поэтому пессимистом, чернушником я себя не считаю. Намеренно ведь краски не сгущаю.

– При таких активных продажах ты, вероятно, состоятельный человек? Ну, во всяком случае, на безденежье жаловаться не должен...

– Да какие активные продажи... Хорошо, если три тысячи экземпляров за два года расходится. Правда, «Ёлтышевы» допечатывались, но о них много писали критики, рецензенты, в финал нескольких премий эта книга попала... Периодически безденежье донимает. Но в систематической нехватке денег виню себя – я довольно пассивный человек, а под лежачий камень, как известно, вода не течёт. Или течёт, но очень узенькой струйкой...

– А что даёт работа в «Литературной России», где ты являешься заместителем главного редактора? Нет желания заниматься исключительно литературой, как это делают многие другие писатели? Ведь работа в газете отнимает массу времени и творческой энергии...

– Не могу сказать, что работа в газете отнимает массу времени и энергии, наоборот, подпитывает энергией. Думаю, что пишущему прозу нужно участвовать в литературной жизни. Да и тех, кто сидит в своих квартирах или на дачах и выдаёт раз в год или два-три новый роман, не так уж много. Большинство писателей работают журналистами, в издательствах, пишут рецензии, участвуют в жюри... Литературных еженедельников у нас от силы пяток на всю страну, поэтому быть сотрудником одного из них – по-моему, полезно. У меня в «Литературной России», в общем-то, не журналистская работа, не репортёрская. Я свободен в том, о чём писать статью или рецензию, с кем делать интервью. Мне приятно, что благодаря в том числе и мне вокруг газеты собираются разные, очень интересные авторы, что в каждом номере происходит изучение современной русской литературы... Конечно, в идеале писателю стоит зарабатывать на жизнь далёкими от литературы вещами, но мало у кого в этом случае достанет сил после рабочего дня сесть за стол и писать. Хотя если бы больше врачей, электриков, физиков-ядерщиков занимались литературой, это бы её здорово обогатило. Сегодня проза питается по большей части сама собой.

– У тебя репутация писателя, которому «недодали» премий. Ну если говорить о крупных наградах. А ведь это действительно так. Стабильно входить в шорт-листы, но не побеждать – должно быть, это чертовски обидно?

– Да нет, не чертовски... Конечно, премия бы не помешала, особенно её денежное наполнение, но и выход в финал – огромная честь. Я думаю, присутствие «Ёлтышевых» в нескольких финалах принесло книге большой плюс. Может быть, даже больший, чем получение той или иной премии... В итоге книга получила Горьковскую премию, и это, по-моему, очень подходящая для «Ёлтышевых» награда.

– Если говорить о твоих ровесниках, кого бы ты выделил? Скажем так, кого ты мог бы назвать своим соперником, с кем ты соревнуешься как прозаик?

– В начале нулевых появилось много близких мне писателей. Они пишут о том, что мне интересно, языком, какой я понимаю. Назову несколько имён – Илья Кочергин, Сергей Шаргунов, Захар Прилепин, Денис Гуцко, Ирина Мамаева, Анна Козлова, Андрей Рубанов... У Дмитрия Данилова есть отличная книга – «Горизонтальное положение». Есть Михаил Тарковский, который значительно старше меня и моих сверстников, но публикует прозу с начала нулевых. Есть Олег Павлов... Соперниками никого не воспринимаю, но иногда чувствую зависть. «Эх, – думаю, – мне бы такой рассказ написать. Мне бы вот эту фразу...» Чувства зависти не боюсь. У Пушкина есть мудрая мысль: «Зависть – сестра соревнования, следовательно из хорошего роду». В этом плане, конечно, вольно или невольно соревнуюсь с теми, кто мне близок. Иногда спорю. Да и у других вижу это. Например, роман «Домик в Армагеддоне» Дениса Гуцко – это спор с «Санькой» Захара Прилепина.

– А из писателей старшего поколения? Не берём сейчас оставшихся фронтовиков и даже поколение Белова–Распутина. А вот тех, кто пришёл до так называемой перестройки или во время неё...

– Я начинал писать в середине восьмидесятых, ещё школьником. После короткого периода экспериментов в жанре приключенческой литературы, фантастики занялся так называемым реализмом – стал пытаться фиксировать на бумаге то, что происходило со мной, моими приятелями, соседями... Конечно, кое-что придумывал, но старался, чтобы события перетекали на бумагу по возможности точнее, люди говорили, как в жизни. И, глядя на современную литературу того времени, я видел, что она очень отличается от реальной жизни. Кроме разве что Распутина, Шукшина, но они писали о шестидесятых-семидесятых годах. Восьмидесятые же почти не фиксировались. Но в конце десятилетия появились публикации тех, кто мне оказался очень близок: Людмила Петрушевская, Сергей Каледин, Юрий Поляков, Юрий Коротков... К сожалению, писателей того поколения было немного, точнее, то поколение не пускали в литературу, много талантов наверняка было загублено. Отлично, что в последние десять–двенадцать лет журналы, да и уже и издательства не боятся публиковать тексты совсем молодых. Маринование вышло из моды.

– Ты часто сталкиваешься с таким явлением, как писательская зависть? Можешь рассказать наиболее характерные случаи?

– С откровенной чёрной завистью не сталкиваюсь, а вот со злобой приходится сталкиваться часто. Особенно много её в Интернете. Есть писатели вроде успешные, талантливые, которые до судорог ненавидят, например, Прилепина. Мне это непонятно. Нет, я могу представить писателей, которым и сам Прилепин, и его тексты отвратительны, но с этим нужно бороться своими текстами, а не обзываться... В общем-то, как мы знаем по разным воспоминаниям, писательский мирок всегда отличался агрессивностью, нечистоплотностью. Но если прежние поколения шипели, то новое благодаря Интернету перешло на ор. Это неприятно. Впрочем, в шипении за спиной тоже хорошего мало.

– Ты ведь не только прозаик, но ещё и критик. А вот что тебе не нравится в собственном творчестве? Если бы ты ради эксперимента написал критический разбор творчества Сенчина-прозаика, то за что бы ему досталось от Сенчина-критика?

– Если бы я писал о Сенчине, то ругал бы его за однообразие, за самоповторы. За мелкотемье. Когда я пишу статьи и рецензии, я почти оптимист. Я верю, что писатели могут увидеть и показать сильного героя, создать большой многолинейный роман, который покажет наше время широко, полно. Я копаю свой карьерчик, почти нору, и расширить его не в состоянии. По крайней мере, пока...

Беседу вёл **Игорь ПАНИН**

Три обязательных вопроса:

– В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нынешнем времени?

– В общем-то, критикам всегда казалось, что они живут в очень неблагополучное время. Белинский выуживал какие-то крохи из вала тогдашней прозы (поэзией он был почти доволен). Его последователи да и противники тоже не кричали, что пришёл золотой век. Но в итоге мы видим, что каждое десятилетие, начиная с тридцатых годов XIX века, оставило нам одно-два-три произведения, которые живут, которые читают. Может быть, лишь сороковые-пятидесятые годы века XX и конец семидесятых – начало восьмидесятых можно назвать тёмными. Впрочем, у кого-то иное мнение... Наше время очень богато на отличную прозу. Что останется, что канет, предсказать невозможно, но главное – есть разнообразие. Правда, нет таких титанов, как Лев Толстой, Солженицын, но таких писателей в любой литературе не может быть много. То, что в последние лет пять–семь к литературе снова, правда, постепенно, начинают относиться серьёзно, внушает надежду на появление новых титанов. Впрочем, что значит мелкий писатель, крупный... Вот, к примеру, живущий в глубине России Борис Екимов, пишущий всю свою долгую жизнь рассказы о своём пятачке, он для меня один из крупнейших писателей, хотя почти незаметный. А есть те, кто у всех на слуху, чьи книги разлетаются десятками тысяч, но для меня они – пена.

– Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можешь ли ты представить ситуацию «литература без читателя» и будешь ли продолжать писать, если это станет явью?

– Ответ на этот вопрос будет продолжением предыдущего... Последними властителями дум, наверное, были Шукшин, Распутин, Трифонов, Солженицын. Но Солженицын властвовал в семидесятые–девяностые уже не прозой... С наступлением перестройки погибла и тогдашняя современная литература. Её захлестнула, с одной стороны, так называемая возвращённая литература, ранее запрещённая, а с другой – публицистика... Потом появились книги Владимира Сорокина, Пелевина, которых, при всём их таланте, властителями дум назвать сложно. Каждую новую книгу Пелевина бурно обсуждают, но потом приходят к выводу, что это не более чем стёб, хотя и талантливый. То же и с Сорокиным... У писателей старшего поколения после бури перестройки что-то сломалось в их писательской лаборатории, как точно выразилась некогда Мария Ремизова... Для того чтобы быть властителем дум, нужно писать о том, что волнует большинство людей. При этом писать, не побоюсь этого слова, – серьёзно. И вдобавок одновременно и сложно, и просто. Для меня эталон – повесть Распутина «Деньги для Марии». Вещь по форме очень простая, но в ней столько вопросов, которые сидят у меня в голове уже лет двадцать пять и не дают покоя. То же и со многими рассказами Шукшина, с повестью «Для пользы дела» Солженицына, «Обменом» Трифонова, не говоря уже о произведениях прозы первой половины XX века, XIX века... А насчёт литературы без читателя, то это, по-моему, ей сегодня не грозит. Был период в девяностые, когда казалось, что современной литературой интересуются лишь несколько сотен человек – редакторы, критики... Сегодня читатель к литературе возвращается. Но если вдруг читатель исчезнет, то на меня это, думаю, не слишком сильно повлияет. Я пишу в первую очередь для себя. Хотя сложно сказать... Всё-таки я довольно сильно отравлен вниманием.

– На какой вопрос ты бы хотел ответить, но я его не задал?

– В последние месяцы много говорят о политике. Крупные митинги в Москве дали обильную пищу рассуждать, что грядут большие перемены. По-моему, ничего существенно не изменится. Если не произойдёт какой-то катастрофы с продуктами питания, сигаретами, то существующее положение дел сохранится надолго. Но пребывать в уютной полудрёме, как это было с большинством населения России в нулевые, нельзя. Нужно по крайней мере размышлять о происходящем, пытаться понять, что будет со страной через двадцать-тридцать лет. По моему мнению, если ничего не менять, в первую очередь в экономике, страну ждёт гибель. И тот евроремонт, что произведён в большинстве крупных городов, лишь видимость благополучия... История показывает, что перемены в России очень редко происходили в лучшую сторону, поэтому лично я не знаю, хорошо или плохо, что довольно большая часть народа проявляет гражданскую активность. С другой стороны, меня самого тянет на митинги, причём на радикальные. И не отпускает чувство, что все мы медленно, но верно сползаем в глубокую яму, из которой наши дети и внуки могут и не выбраться.

ВЕК

Юродивая Красоты ради...

В 2012 году – 100 лет со дня рождения удивительной русской поэтессы Ксении Некрасовой

Земля наша действительно столь обильна, что и по сей день не устаём удивляться мы всему, что было и есть в России. Странные, непостижимые порой существа, словно вышедшие из народных преданий или сказок и принявшие человечье обличье, обитают на русских просторах среди обычных людей. Ходят, разговаривают, геройствуют, пишут стихи.

Неопрятная, скверно одетая и бесприютная напоминала Ксения Некрасова деву-полудницу, живущую, по русским поверьям, в зарослях крапивы и оберегающую поля и огороды. О ней ходили самые нелепые слухи, которым она и сама немало способствовала, рассказывая о себе небылицы. История её жизни столь удивительна, что трудно порой отделить вымысел от правды. Да и в самую правду, виденную и засвидетельствованную многими, трудно подчас поверить – настолько невозможной, необъяснимой и ненужной может показаться она.

Из приюта Ксению Некрасову взяла на воспитание семья сельского учителя. Иногда в приёмную семью приезжала навещать девочку красивая богатая дама, так и оставшаяся неизвестной. Как-то ребёнком Ксению отвели в лесной скит, где собралось множество народу. Священник поднял Ксению на руки и перекрестил ею собравшихся. Потом Ксения узнала от кого-то, что она дочь не то Григория Распутина, не то одной из великих княжон. В 1935 году Свердловский обком комсомола направил Ксению учиться в Москву, в Литинститут, окончить который ей так и не удалось – началась война. Ксения с мужем и маленьким сыном уехала в эвакуацию, но в пути мальчик погиб, а муж Ксении, не сумев пережить утрату, тяжело заболел.

Вскоре Ксения явилась в Ташкент прямиком к Анне Ахматовой и, пользуясь благородством поэтессы, поселилась в её комнате. Потом были Москва, бездомное и голодное существование, мечта о Союзе писателей, рождение сына, которого из-за отсутствия собственного угла пришлось отдать в приют, и преждевременная – в 46 лет – кончина от разрыва сердца.

Человека, которого жажда общественного признания побуждает оставаться голодным и бездомным, едва ли можно назвать «не от мира сего». Поэтому прозвание «юродивой», не говоря уже о невозможности прямого значения, весьма и весьма условно. Юродивый добровольно, ради Христа, отказывается от удобств и благ, от славы и прочей тщеты. Он одержим идеей донести до человечества призыв к покаянию. Ксения Некрасова, несмотря на производимое порой странное впечатление, была человеком из плоти и крови. Она верила в свою гениальность и говорила, что как поэт она выше Ахматовой. Она хотела, чтобы её не похожие ни на какие другие стихи печатали и читали. Но, подобно босоногим юродивым, обличавшим развращённость и богоотступничество современников, она, казалось, звала людей оглянуться. Затем, чтобы увидеть красоту вокруг – и *«озеро с отбитыми краями»*, и *«сочно-рыжую липу в осенний полдень»*, и *«листья осины в домотканом подоле»*.

Она и сама была как осенний лист, яркий цвет и волнующий запах которого представляют особую эстетику, чарующую и вдохновляющую. *Некрасова*, она в самом деле была *некрасива,* но пела красоту, захлёбываясь словами. Она всех звала распахнуть глаза и раскинуть руки. Чтобы взлететь в небо птицей, чтобы рыбой пройти под водой, чтобы принять в себя любую стихию и самому сделаться частью стихии. Так ощущала она мир. Вода в блюдце виделась ей морем, юные человеческие лица напоминали цветы, дети – золотые (то есть лучшие) веточки человеческого древа. Свои слова она уподобляла корневищам, а мысль – перегною. И мечтала, *«чтоб корневище ствол дало / и кончиками веток зацвело»*.

Её поэзия – это не форма и не законченная гармония, это способ познания мира, который она словно ощупывала своим стихом. Именно поэтому её поэзия близка поэзии народов, не разлучённых с землёй, но живущих с нею одним ритмом, вслушивающихся в её дыхание, заглядывающих в глаза мироздания. Она и сама о себе писала: *«...И слышит стих мой, / как корни в почве / собирают влагу / и как восходят над землёю / от корневищ могучие стволы...»* (**«Мои стихи»**).

Сложно, например, не заметить сходства народных песен индейцев Северной Америки и стихов русской поэтессы XX века:

По преториям
взглядом брожу я,
лето
в весне ощущая.

Строчки неизвестного нам индейского поэта и Ксении Некрасовой роднит именно мироощущение, точнее – ощущение собственной причастности миру, слиянности с ним. Этот опыт, названный С. Аверинцевым *«бытийным полноправием»*, переживается человеком и человечеством в детстве. Ксения Некрасова, сохранявшая на протяжении всей своей жизни не столько детское переживание, сколько детское восприятие, воплотила его в своём творчестве.

Зная, что творчество её не просто не принимается большинством как собратьев по перу, так и читательской публики, но зачастую грубо осмеивается, да и сама она остаётся предметом насмешек и колкостей, Ксения Некрасова не обозлилась, не растеряла детской наивности и непосредственности. Помимо всего прочего, стихи её отличает одно удивительное свойство – как бы ни было трудно и тяжело самой поэтессе, ни единая капля горечи или обиды не просочилась в них. Она словно бы однажды определила для себя, что назначение её поэзии – быть гимном красоте. И ни разу с тех пор не позволила себе не то что посчитаться с кем-то из обидчиков и неприятелей, но даже посетовать или поплакаться в стихах.

Р. Фальк. Портрет Ксении Некрасовой

Сегодня о Ксении Некрасовой много пишут, недоумевая, почему стихи её по сей день не пользуются народной любовью и уверяя в то же время, что кажущаяся простота её стихов сложна и не всем доступна. Но пусть и мнимо незамысловатая, поэзия Ксении Некрасовой, осиянная безыскусственностью и самобытным образным видением, едва ли способна привлечь широкого читателя, избалованного изысканностью и совершенством, богатством и щедростью поэзии золотого и Серебряного веков. Вокруг имени Ксении Некрасовой, интересного прежде всего как явление, до сих пор не умолкают споры – можно ли называть её поэтом, владела или нет она поэтическим мастерством. Но то, что она была художником со своим особенным мирочувствованием, – это бесспорно.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

ВЗАПРАВДУ

За честные премии!

Скандальное сопровождение любой нашей литературной премии давно стало недоброй традицией. Заковыристый регламент, в котором без популярной русской ёмкости не разберёшься, необъяснимо многоуровневый и при этом крайне однобокий отбор произведений согласию в товарищах премируемых не способствуют. А от читателя все эти кормушки изначально равноудалены.

Прохоровская премия НОС исключением не стала. И, как уже не раз бывало на других турнирах, так и не разобрались. Набравшая больше всех баллов «История болезни» Ирины Ясиной со свистом пролетела мимо НОСа, притом что, по собственному признанию, книгу лоббировали оба соучредителя – и брат, и сестра Прохоровы. Премию получила повесть музыковеда Игоря Вишневецкого «Ленинград», по которой уже собираются снимать фильм. Интервьюер М. Шиянов одним из вопросов достаточно полно обозначил жанровый вектор «Ленинграда»: «...смонтированный из реальных документов, фрагментов чужих текстов, описаний воображаемой музыки и реально существовавших фотоснимков по своей структуре больше напоминает современные интерактивные книги, чем классический русский роман».

Ясина откомментировала решение: «У меня 4 балла, а у двух ближайших «преследователей» – по три. Ан нет, выслушала в абсолютно холодном помещении длинные, заумные и бессодержательные речи господ литературных экспертов в жёлтых штанах о том, что простота моего текста – ещё не признак хорошей прозы...» Достойно ответила автор «Истории болезни» и на оправдания председателя жюри и теоретика постмодернизма М. Липовецкого: «...видимо, достаточно унизительная форма вашего финала подходит для равнодушных постмодернистов, но не для меня». Воистину так!

И, хотя НОС по одному из вариантов расшифровывается как «новая социальность», а книга И. Ясиной посвящена перипетиям борьбы со страшным недугом, меня не удивляет её поражение. Вывод из всего происшедшего сама Ирина сделала единственно верный: «Посмеялась над собой – в чужую тусу не суйся!» Ещё менее удивительно, что вне поля зрения судейской коллегии осталась, например, другая книга о блокаде – настоящий, полновесный, а не «смонтированный» из чужих текстов роман Вадима Михайлова «Город Лукашов». Такие, как Михайлов, этой «тусе» заведомо не только не по сердцу, а и просто не по зубам. Да и отслеживают они в книжно-журнальной текучке только «своих», проверенных бойцов невидимого денежного фронта.

Поразительно другое. Наблюдая скандал за скандалом, изредка даже разоблачая механику вбросов и фальсификаций, так называемая литературная общественность не выходит отчего-то манифестировать ни на Болотную, ни к Политехническому, по лестнице которого инвалид-колясочник И. Ясина взбиралась в нетопленый зал. Не создаются лиги протестных читателей, не слышно о широкомасштабном движении «За честные премии». Никто не требует отставки экспертов, председателей жюри и отмены результатов голосования, установки веб-камер и прозрачных урн, рассадки независимых наблюдателей за банкетными столами, где под севрюжину с хреном решают, кому «дать мильён» за лучшее надругательство над словесностью.

Конечно, литературные премии у нас частные, и влезть со стороны туда никому не позволят. Да и читателей у премированных книг настолько мало, что не заполнят они не только Болотную площадь, а даже вагон метро. Но литература пока никем не приватизирована. И все, кто её не предал, рано или поздно соберутся вместе и придумают, как вывести премиальную братву из засады.

Марина КУДИМОВА

ФОРУМ

Почувствовать снег и отведать мороза

11 и 12 февраля в Москве в Парке искусств «Музеон» прошёл книжный фестиваль «Чувство снега». Издательство «Паулсен» отпраздновало на нём своё пятилетие и стало одним из организаторов. Другие участники фестиваля – издательства «Ad Marginem», «Текст», «Новое литературное обозрение», «ОГИ», «Медленные книги», «Лимбус пресс», журнал «Иностранная литература», «Настя и Никита» и ещё полтора десятка издательств.

Темой фестиваля была выбрана Арктика. Организаторы фестиваля продумали обширную интересную детскую программу: маленьким посетителям ярмарки предлагалось совершить Большое арктическое путешествие с детскими книжными издательствами, познакомиться с играми народов Севера, послушать рассказы о полярных экспедициях из уст их непосредственных участников, раскрыть загадки Арктики и получить призы за участие в познавательных конкурсах. С другой стороны, вниманию взрослых были представлены не только книги по издательским ценам, но и арктический дневник художника Леонида Тишкова (по следам путешествия на Шпицберген в 2010 году); рассказ участника десяти экспедиций, кандидата химических наук Рамиза Алиева о загадках озера Восток; лекция историка Николая Плужникова о современных проблемах выживания народов Севера, а также показы документальных фильмов и другие выступления специалистов-полярников.

Предполагалось, что посетителям не дадут замёрзнуть глинтвейн, рок-музыка, тёплый домик для детей и настоящие арктические палатки. Однако «Арктика» всё же сыграла с организаторами недобрую шутку: столбик термометра в Москве на выходных опускался до -25^{0}, и посетителей оказалось значительно меньше, чем был готов принять фестиваль. Тем не менее гости благожелательно отзывались о «Чувстве снега» – в особенности были отмечены лекция о загадках озера Восток и Большое арктическое путешествие, понравившееся и родителям, и детям. Пришлись по душе гостям ярмарки и низкие издательские цены на достойные, умные книги.

Соб. инф.

ДИСКУССИЯ «ПОСТМОДЕРНИЗМ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ»

Мальчик был, есть и хочет есть

Сколько ни говори «изюм», слаще в животе не становится. Сколько ни пиши «постмодернизм издох» – лучшие времена в литературе не наступают. Сознание, конечно, способно повлиять на действительность, только вот к постмодернизму это отношения не имеет. Многие болезни начинаются «от нервов», только вот потом они успокоением нервов почему-то не лечатся.

Начнём с анамнеза.

Есть такие заведения общепита – работают по принципу «шведский стол». То есть ты приходишь и платишь за пустую тарелку, допустим, 600 рублей. А потом идёшь с этой тарелкой к буфету, где выставлены-выложены разные яства, и накладываешь на неё столько, сколько поместится. Или сколько хочешь. Или сколько способен съесть. Но чаще – сколько поместится.

Практический смысл этой идеи – в самообслуживании. Но идеальный смысл, наивысший, совсем в другом! Он в том, чтобы, заплатив за одно блюдо, перепробовать их как можно больше: и то, и это, и это... Мы строим на тарелках вавилонские башни еды – не потому, что жадны и голодны, а потому, что нам интересно.

В некоторых местах за те же деньги полагается ещё и плошка под супчик. Вроде под один – из супа пирамиды не выстроишь... Ага, как же! Сам видел, как солидная, почтенного возраста дама наливала в плошку по ложке разных супов из каждой кастрюли... Вот оно! Ситуация постмодернизма.

Сам же постмодернизм заключается в том, чтобы было дёшево, удобно, практично. Чтобы было *достойно* (если дешевизну, комфорт и практичность можно впрячь в одну повозку с достоинством). Вот идеальное описание целей и задач постмодернистского искусства: «А не спеть ли мне песню о любви, а не выдумать ли новый жанр? Попопсовее мотив и стихи, и всю жизнь получать гонорар... Моё солнце мне скажет: «Это про нас», посмеётся над текстом лучший друг».

Это, кстати, текст весьма популярной песни. Когда мастер хочет сделать что-нибудь популярное, он делает что-нибудь популярное (если он мастер, конечно) и, чтоб не тратить КПД попусту, посвящает это популярное проблеме достижения популярности. Ещё более отчётливый пример – песня «Магадан» некоего Васи Обломова, популярность которой основана на пафосном припеве, состоящем из двух аккордов и трёх слов; остальное – бубнящий рассказ о том, как некто сочинил суперпопулярную песню. Самой этой песни мы не слышим, только краткий пример: два аккорда и три слова; и вот полусочинённая песня о не сочинённой популярной песне становится популярной песней – апофеоз постмодернизма.

Экономно, удобно, практично. И по-своему «достойно» – без битья в грудь и выворачивания наружу внутренностей. Имеет ли это отношение к искусству как искреннему разговору о самом важном? Нет. А к постмодернизму имеет. Сочинено, кстати, около года назад, – а вы говорите, «умер»...

Нет, постмодернизм, однажды возникнув, будет теперь жить долго, а вот «ситуация» его и впрямь могла бы ослабнуть. Как не называемые подобным образом «ситуация романтизма» или «ситуация реализма», например.

Что вызвало к жизни постмодернизм западный? Перегрев художнической и философской мысли в XX веке. Слишком много направлений и школ, слишком много успешных экспериментов в области формы и свежих содержательных идей – за что хвататься, какого налить супчику? Хочется и того, и сего, а они не сочетаются, мешают друг другу – и наступает инфляция идей, то есть «ситуация постмодернизма», когда все возможности оказываются взаимно скомпрометированными.

Что вызвало к жизни постмодернизм отечественный? Тот же перегрев, пройденный экстерном: помните, в конце 80-х случилось то, что получило название «возвращённая литература»? Тогда мы почти за один присест освоили всё доселе запретное и полузапретное – и тоже объелись. Писатель, старающийся быть современным, должен был писать как целый XX век, потому что опыт целого столетия, прожитого за железным занавесом, стал для него актуальнейшей современностью. Грубо говоря, стало необходимо писать о преступлениях сталинского режима языком «Тропика Рака». Одно и другое друг друга взаимно съели – получился русский постмодернизм.

Он так и не стал у нас внятным понятием, зато с лёгкостью превратился в штамп. И пользуемся мы этим штампом не совсем правильно: метим «постмодернистами» извращенцев либо заумников, считаем постмодернистами Пелевина, Сорокина, Масодова, Елизарова, а, например, Слаповского, Сахновского, Геласимова или Зайончковского не считаем.

Впрочем, об искусственности, сделанности «реалистических» произведений Геласимова писалось достаточно, а вот Олег Зайончковский – какой же он, казалось бы, постмодернист? А именно такой, как в книгах «Прогулки в парке», «Счастье возможно» и «Загул» (три из пяти, больше половины), – самый что ни на есть органический. И был бы «законченным», кабы не присущая его творчеству детскость. Она спасает.

Впрочем, я забежал вперёд.

Вроде бы сегодня «ситуации постмодернизма» положено ослабнуть, всё-таки со времён «возвращённой литературы» прошло двадцать лет. Почему ж не ослабевает? А всё дело в том, что «ситуация» перекинулась на читателей, и это главное, о чём бы я хотел сегодня сказать.

Люди как-то понемножку перестают читать всерьёз. Всё сильнее и сильнее нами овладевает чувство, что чтение художественных книжек – занятие несерьёзное. Ну то есть серьёзное – в детстве и юношестве, а потом... Зачем мы читаем? «Хочется отвлечься, на работе устал», «охота что-нибудь полистать перед сном», «подскажите, что лучше взять с собой в отпуск»...

Взрослые люди, обременённые решением серьёзных задач, как то: здоровье и образование детей, добыча хлеба насущного, решение мировых проблем, – относятся к чтению художественной литературы как к «досуговой деятельности». А чем больше у тебя досуга, тем менее серьёзный ты человек. Видимо, поэтому людей, относящихся к чтению истово, с полной серьёзностью, мучимых проблемами героев, как собственными, и ощущающих в чтении острую потребность, мы воспринимаем как несерьёзных. Либо избалованных («много свободного времени»), либо слегка блажных.

То, что раньше осознавали единицы: Гоголь, Толстой, Розанов (что занятие литературой – дело понарошечное, стыдно им заниматься до самой смерти, что «не литература, а жизнь должна быть великой»), а потом осознали деконструктивисты (литература с жизнью находятся в ревнивом конфликте, грубо говоря, что описываешь в литературе как важное, перестаёт быть важным в твоей жизни) и творчески развили постмодернисты (...а стало быть, нельзя писать литературу всерьёз), – всё это теперь вдруг стало достоянием массовой читательской интуиции.

Ну и как в этой ситуации быть писателю? Писать «до полной гибели всерьёз» для блажных или писать для людей серьёзных, но как бы резвяся и играя, с извиняющейся усмешкой и мстительной фигой в кармане? Вот она, наша сегодняшняя «ситуация постмодернизма».

Скажем, в этом году «Большая книга» не смогла выбрать ни одного «серьёзного» (в традициях благословенного XIX века) романа. Наградили Шишкина (трогательное изящное рукоделие), Сорокина (не столь изящное и не столь трогательное – «для мальчиков») и Быкова, чей «Остромов...» на фоне первых двух и впрямь Лев Толстой, зато на фоне Толстого – чисто «Мастер и Маргарита». А такого, чтоб не для моды, не на потеху и не ради возбуждения эстетского нерва, а чтобы ахнуть: «Вот как в жизни бывает!» – и задуматься, и долго мрачным ходить, – такого не нашли, нет.

Читатель, способный искренне соединить опыт чтения с опытом жизни (и, значит, путать одно с другим), считается теперь наивным. И писатель, пишущий для такого читателя, считается наивным, архаичным, второй сорт, – ну кому охота?

Вот всех и заела «условность»: «Вот я как бы пишу, но вы же понимаете, что я понимаю, что вы понимаете, что я пишу...» Олег Зайончковский, как он есть. Он, конечно, добрый, чуткий, милый, искренний, не безобразник какой-нибудь, безусловный художник слова, но – постмодернист. В Сибири в поймах великих рек есть огромные регионы, где всё население поголовно заражено описторхозом; им это не мешает, и они об этом не знают: не больны, но – «носительствуют». Вот так и мы.

Значит ли это, что «непостмодернистов» в нашей литературе попросту нет? Не значит.

Я, например, затрудняюсь назвать постмодернистом Романа Сенчина, хотя отдельные признаки он подаёт: например, героя половины его произведений зовут Роман Сенчин, ну разве так можно?.. Но и явный признак того, что Сенчин не постмодернист, тоже имеется: он сегодня всех раздражает. «Нельзя, – говорят, – так грубо и тяжело писать. Надо изящнее, легче и как-то поумнее, что ли, поотрефлексированнее...» Одним словом, попостмодернистичнее.

Ещё, например, всех (кроме читательниц) ужасно раздражает Людмила Улицкая. Отнюдь не по идейным мотивам. «Скверно пишет, – хором говорят литературные люди, которых идейные мотивы не задевают, – строчит пошлятину». Почему? Потому, что простой прозрачный язык (никакой возможности «насладиться» им), потому, что всё направлено на то, чтобы читательницы искренне сопереживали персонажам и чтобы ничто их от этой задачи не отвлекало, а это и есть «пошлость» – потакание «примитивным вкусам».

Весьма часто «непостмодернисты» встречаются в жанровой литературе (фантастика, сентиментальный женский роман, исторический роман, детектив, детская литература). «Жанры», сами будучи литературной условностью, нетерпимы к добавочной наносной условности писательского самоощущения; в «жанре» всё должно быть «взаправду» (совсем как и в серьёзной литературе когда-то).

Страшное скажу: сам Акунин – не постмодернист. Сколько бы он ни делал вид, что «играет», читателям-то эта игра до лампочки; читают они «наивно», то есть всерьёз. Поэтому Акунин и популярен.

Смотрите, как интересно получается: если жанровая литература оказывается по умолчанию не постмодернистской (в теории), а жанровая литература – это девяносто процентов всего, что пишется, то так ли уж страшен и грозен наш мальчик? Не выдуманная ли это проблема, не прыщик ли на коже слона?

Увы. Возьмём детскую литературу, особенно «для среднего возраста»: она сегодня настолько пропитана «игрой», «условностью», фигами в дырявых карманах и тупо многозначительными либо откровенно презрительными экивоками («жрите, деточки, своего гарри-поттера»), что её противно самому в руки брать, не то что детям давать читать. Прыщик-то он прыщик, да только в самом опасном месте, откуда заражение ползёт по всему организму, так что разговоры о том, как извести постмодернизм, оправданны.

А чем его извести? Да всё тем же самым: «наивностью», «звериной серьёзностью», «пошлостью» – всем тем, от чего положено сегодня нос воротить. Только всё это должно быть искренним, а не как кость собаке брошенным: обманывая других, в первую очередь обманываешь себя.

Постмодернизм отнюдь не заканчивается, он жив и здравствует. Если всё будет развиваться так, как развивается последние десять–пятнадцать лет, то ещё лет через десять произойдёт следующее. Литература, допускаемая до книжного рынка, превратится в подобие американского «реслинга» и «женской борьбы в грязи» – нечто запредельно шутовское и отвратительное (хотя, возможно, и популярное – в меру). А литература, до книжного рынка не допускаемая (то есть собственно серьёзная литература, а не всего лишь та, которую издатели метят досадливым определением «внесерийное издание»), превратится в подобие городков и русского хоккея с мячом. В занятие для пенсионеров, маргиналов и неудачников.

Чтобы этому не случиться, литература должна забыть, что она «литература». Перестать себя стесняться и перестать собою гордиться. (В идеале – уйти из-под опеки «рынка» на вольные меценатские хлеба, ну да это вряд ли, пустое.)

Литература должна стать «серьёзным делом», писать её нужно для «серьёзных людей» (именно для тех, которым литература до лампочки), но писать искренне, без сарказма или самоуничижительного шутовства, без заискивания или озлобленности, без стремления «впарить», задурить либо услужить презренному читательскому инстинкту.

Спасение серьёзной литературы – в уважении к простому читателю, в искреннем интересе и настоящей любви к нему. Спасение – в «жанре». Помните, Белинский с одинаковым жаром любил Пушкина и Фенимора Купера? Вот какое-то такое понимание литературы в себе возродить нужно, прежде чем говорить о «смерти постмодернизма». А то ведь постмодернизм похороним, а что останется? Русский хоккей?

Ну это в общих словах, а понятным языком приказа получается так: граждане писатели! Прекращайте писать под премии (а также «для себя» и «для литературы»). Пишите – на полном серьёзе, во весь дух – для успешных массовых издательских серий (если хотите заработков и популярности) или для детей – если предпочитаете бессмертие души.

Нет, серьёзно, для детей попишите. Их жальче всего в «ситуации постмодернизма». А то говорим «дети перестали читать», а сами-то эту чушь читать пробовали?

Литература должна стать детской в полном смысле этого слова, вот и весь рецепт «преодоления постмодернизма».

Чтобы научиться писать «по-новому», надо вспомнить, как это делается по-старому. Многие авторы, оказавшиеся впоследствии известными и любимыми писателями, начинали с того, что сочиняли для своих детей: Милн, Толкиен, Николай Носов... (Вы знаете какого-нибудь современного «серьёзного» писателя, сопоставимого с Носовым по масштабу влияния на умы нескольких поколений? Я нет.) А уж читатель-то (серьёзный, наивный, массовый) к чтению детской литературы давно готов.

Подобное лечат подобным, и впору вспомнить, что одним из очень важных аспектов современного состояния «ситуации постмодернизма» является «кидалтовость» (от «kid», малыш, и «adult», взрослый; слово сочинили специально, потому что старое «инфантильность» выражает особенность индивидуального характера, а не социологическую проблему).

Смысл же проблемы вот в чём: современные горожане не принуждены заботиться о своей жизни, за них это делают государства, корпорации и научно-технический прогресс (то есть все различные «технологии»: социальные, политические, технические: просто нажми на кнопку – и не будет болеть). Собственных детей заводить они тоже не особо торопятся. Вот и живут сами, как дети: ходят на флешмобы, играют в компьютерные игры, читают «Гарри Поттера» и смотрят «Пиратов Карибского моря». Ведущая киноиндустрия давно уже ориентирована на психологический возраст зрителя в 12–14 лет. Литература, особенно наша литература, – пока нет. Постмодернизм, конечно, над этим уже работает, но пока слабо, и у желающих побороться с ним есть время вклиниться.

А от публикации десятка-другого статей на тему «постмодернизм издох и не оставил детей» ничего не изменится. Давайте лучше думать о своих детях.

Лев ПИРОГОВ

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТКОНКУРСЫ

Общественное движение «За возрождение Урала» по инициативе общественности Челябинской области объявило об учреждении Южно-Уральской литературной премии. Премия будет вручаться победителям в номинациях «Поэзия» и «Проза» в двух возрастных категориях, условно названных «Профессиональные авторы» и «Талантливая молодёжь».

«Книгуру» объявляет конкурс на лучшую читательскую рецензию. Приз – два букридера: за лучшую рецензию на художественное произведение и за лучшую рецензию на познавательное произведение. К участию в конкурсе допускается любой зарегистрированный член жюри второго сезона «Книгуру»; принимаются только рецензии на произведения короткого списка второго сезона; от одного автора – до пяти рецензий; объём одной рецензии – не менее одной печатной страницы, но не более двух. Работы можно присылать до 19 марта по адресу: kniguru@bigbook.ru.

Первый (школьный) этап I Всероссийского конкурса юных чтецов «Живая классика» завершается в 83 регионах Российской Федерации. Заявки на участие в первом туре подали более 50 000 учебных заведений страны. Самыми активными регионами оказались Тульская область, Москва, Томская область, Тюменская область, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва, Республика Дагестан, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай.

ЛИТПРЕМИИ

Объявлен длинный список литературной премии «Национальный бестселлер». Всего в списке, который был опубликован на сайте премии (http://www.natsbest.ru/N2.htm), 45 произведений, в том числе 12 рукописей и 34 уже опубликованных произведения.

Вручена ежегодная поэтическая премия «Anthologia», присуждаемая журналом «Новый мир» за высшие достижения современной русской поэзии. По итогам 2011 года лауреатами и обладателями почётных дипломов стали Иван Волков с книгой «Цветы для бедных», Евгений Карасёв – за сборник «Мокрый снег» и Мария Рыбакова – с романом в стихах «Гнедич». Специальный диплом получил критик Артём Скворцов.

ЛИТПРЕЗЕНТАЦИЯ

В Нижнем Новгороде в Литературном музее имени А.М. Горького прошла презентация новой книги «В минуты роковые...» московского поэта, доцента Литературного института имени А.М. Горького Геннадия Красникова.

ЛИТФОРУМЫ

Орловская областная детская библиотека им. М.М. Пришвина совместно с Орловским институтом усовершенствования учителей, Орловским объединённым государственным литературным музеем им. И.С. Тургенева, Музеем писателей-орловцев провели III литературно-педагогические Пришвинские чтения.

В Гаване до 4 марта продлится XXI Международная книжная ярмарка. Девиз форума – «Чтение растёт!» Традиционно ярмарка собирает гостей со всех стран и является одним из главных событий в культурной жизни Кубы. В этом году участниками стали более 130 издательств из 27 стран, среди них и гости из России.

ЛИТЮБИЛЕИ

В этом году исполняется 125 лет со дня рождения уроженца Воронежа – выдающегося детского поэта Самуила Маршака. В связи с этим в городе запланировано 36 мероприятий: литературные праздники, чтения, конкурсы чтецов, выставки. В парке «Алые паруса» планируется провести Маршаковский праздник. В театрах Воронежа состоятся спектакли по произведениям поэта. В Литературном музее имени Никитина пройдёт выставка «Воронеж – родина С.Я. Маршака». В художественном училище – конкурс иллюстраций. Лучшие рисунки войдут в книгу стихов Маршака, которую издадут к юбилею писателя.

ЛИТРЕЙТИНГ

Писатели Великобритании и США выбрали величайших авторов и произведения мировой художественной литературы за последние 200 лет. Самым выдающимся произведением XIX века оказалась «Анна Каренина», XX века – «Лолита».

В Ханты-Мансийске названы имена лауреатов литературной премии «Югра-2011», традиционно вручаемой при финансовой поддержке Ханты-Мансийского банка. Лучшим поэтом сезона признан москвич – главный редактор журнала «Юность» Валерий Дударев. В номинации «Проза» победу одержал председатель Ассоциации писателей Урала и Сибири Александр Кердан, опубликовавший серию романов о Русской Америке. Лидером среди публицистов стал петербуржец Дмитрий Каралис, автор книг «Петербургские хроники» и «Очевидец». Первым по краеведческому направлению назван издатель и редактор альманаха «Тобольск и вся Сибирь» Аркадий Елфимов. В номинации «Славянская книга» лучшим стал известный сербский писатель Михайло Пантич, отмеченный за книгу «Если это любовь», которую выпустило екатеринбургское издательство «Баско» совместно с сербским издательством «Paideia».

В 2011 году была учреждена новая номинация – «За пропаганду югорской литературы». Её первым победителем стал поэт Княз Гочаг Курбан-оглы, стараниями которого были переведены и опубликованы в Азербайджане произведения многих писателей Югры.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Центральный Дом литераторов
Малый зал

16 февраля – литературный клуб «Русский космос», ведущий – Сергей Соколкин, начало в **18.30.**

17 февраля – литературный клуб «Публицист», ведущий – Игорь Михайлов, начало в **18.30.**

18 февраля – клуб любителей фантастики, ведущий – Юрий Никитин, начало в **17.00**.

20 февраля – клуб «Кольцо А», «Всё движется любовью...» (из поэзии Серебряного века), ведут Татьяна Кузовлева и Галина Нерпина, начало в **18.30.**

21 февраля – Рада Полищук приглашает на 20-летие своей первой книги, начало в **18.30.**

Центральный Дом работников искусств
Пушечная, 9/6
Овальный зал

20 февраля – презентация книги «Русский мир в необъявленной войне» издательства «Вече» и интернет-портала «Русская народная линия», начало в **18.30**.

Дом-музей Марины Цветаевой
Борисоглебский пер., 6

16 февраля – вечер азербайджанского поэта Мамеда Исмаила, презентация книги «Вместо письма» в переводах А. Кушнера, Ю. Кузнецова, М. Синельникова, начало в **18.00.**

Литературный институт им. Горького
Тверской б-р, 25

16 и 17 февраля – конференция «Юрий Кузнецов и христианский мир», начало в **11.00.**

Библиотека им. А.С. Пушкина
Спартаковская, 9

18 февраля – выступают поэты Алексей Григорьев, Алексей Котельников, Михаил Свищёв, начало в **14.30.**

Литературный клуб «Классики XXI века»
Страстной б-р, 8

16 февраля – вечер памяти Егора Радова и презентация его последнего романа «Уйди-уйди», начало в **19.30.**

Литературный салон Андрея Коровина в Булгаковском доме
Б. Садовая, 10

16 февраля – творческий вечер Евгения Клюева (Копенгаген) «Вечер букв: от азбуки до транслита», начало в **20.00.**

20 февраля – вечер памяти поэта Валерия Прокошина и представление его новых книг, начало в **19.30.**

Галерея «Винзавод»
4-й Сыромятнический пер., 1, стр. 6

17 февраля – поэтический вечер легенды российской рок-музыки Анны Герасимовой («Умка»), начало в **19.00.**

Книжный магазин «Додо Спейс. Мэджик Букрум»
Рождественский б-р, 10/7

16 февраля – презентация книги Верочки Вербиной и Александра Четвёркина «Диалоги Богов», начало в **19.30.**

ДОСАДНЫЙ ПОВОД

Хоть стой, хоть падай!

Именно так выразился прозаик Илья Штемлер, увидев свою фотографию в рамочке обстоятельного поздравления, адресованного поэту Глебу Горбовскому по случаю его 80-летия. То есть поздравляют Горбовского, а на фотографии – он, Штемлер. И помещено это забавное несоответствие на 8-й полосе многотиражки с крепким, можно даже сказать, остроумным названием «Общеписательская Литературная газета», издаваемым Международным сообществом писательских союзов.

Дело было на заседании правления петербургского отделения Литфонда России, где эта газета лежит ворохами – начиная от коридора до обшарпанного стола и потёртых стульев в единственной теперь комнате заседаний. Штемлер, ждавший, как все, начала заседания правления, на котором должны были рассказать об очередных новациях в Доме творчества «Комарово», скосил глаза на лежавшую рядом газету и в удивлении вытянул шею.

Что было потом, можно догадаться. Народ с проворным любопытством тянул из пыльных пачек газету № 11 за 2011 год и весело сочувствовал угодившим в переплёт Штемлеру и Горбовскому. Утешения шли по принципу – могло быть и хуже, могли попасть совсем в другие рамочки...

А почему, спро́сите, название «Общеписательская Литературная газета» остроумно? Ну а разве не требуется острый ум, чтобы прилепиться к известному бренду со своими многообещающими добавлениями? Представим себе газеты «Настоящая Правда», «Чисто конкретные Известия», журнал «Огонёк в ночи».

Наши сочувствия известному прозаику и поэту-юбиляру! И всем писателям СНГ, включая тех, чьи подписи редакция «Общеписательской» вкатила под злополучную поздравительную заметку. Писатели, будьте бдительны!

Д.К.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, 15–21 февраля 2012 г. № 6 (6357)

поэзия

Прямой путь на небо

Дмитрий АРТИС

Родился в 1973 году. Окончил продюсерский факультет Российской академии театрального искусства. Директор, продюсер и соучредитель НОУК «Театральный особнякЪ». Упорно учится в Литературном институте им. Горького. Публикуется в основном в сетевых изданиях.

***
приходи домой под утро
с расцарапанной спиной
дома ждёт жена как будто
ждёт рассерженная но

ты приходишь одиноко
озираешься по-детски
отмечая что на окнах
раньше были занавески

***
пока деревья были меньше
чуть выразительней травы
ладошки некогда умерших
моей касались головы

пока дома стояли вровень
их тени так же вровень шли
кольцо больших и малых родин
сжималось в области души
пока созвездия сливались
в одну немыслимую нить
я мог два слова боль и зависть
на десять букв разъединить

***
стоял у берега моря и море было совсем синим
бежал по равнине и равнина была совсем узкой
и видел горы и в каждом камне видел своего сына
и видел дочь свою в каждом пологом спуске

руки тянул вперёд пальцы будто слепец на ощупь
пил воздух был воздух полон грозой был полон
открывал глаза и день представлялся ночью
закрывал и ночь была светлее июньского полдня

и поднимал голову и голова была выше солнца
и смахивал пот со лба пока стоял бежал смотрел я
и если был вокруг меня так называемый социум
то он был для меня не более чем иная материя

***
Потерянное поколение – (англ. lost generation) – определение, применяемое к группе тридцатилетних зарубежных писателей, выступивших в 1920-е годы с произведениями, в которых отразились разочарование в современной цивилизации и утрата просветительских идеалов. Выражение приписывается Г. Стайн; использовано Э. Хемингуэем в эпиграфе к роману «И восходит солнце» (1926).

и мне казалось, что жизнь моя закончится в тридцать,
но я дотянул до многозначительных: тридцать восемь,
и дальше пошёл, и дон кихот мне теперь – не рыцарь,
и санчо панса теперь мне – совсем никакой оруженосец.

вот уж такое время, что никто не в чести, никто не нужен.
а когда-то какой-то там чиполлино вызывал слёзы,
и над книжкой майн рида, лишённый ужина,
я под одеялом с фонариком ёрзал.

а ещё помню, что бога не было, был только ленин.
а ещё знал, что мама есть, а папы нету и не было.
а ещё я верил, что у потерянного поколения
прямой путь на небо.

***
Святославу, сыну моему

Представь себе, что папа любит маму
и мама любит папу до сих пор,
и если мама снова моет раму,
то папа чинит старенький забор.

Идиллия, собаки лают редко.
Ты – только изучаешь алфавит.
Плющом увита скромная беседка,
где самовар, как вкопанный, стоит.

Растут в саду и яблони, и груши,
и вдоль забора зреют лопухи,
и ты садишься вечером послушать
родителей, читающих стихи.

В лучах заката стынут чашки с чаем,
на папе – шарф, на маме – нежный плед,
и весь твой мир нисколько не случаен,
и ничего не обещает бед.

***
революцию сделали, а после неё хоть потоп.
правое дело – это два притопа, один прихлоп.
а я тут стою в сторонке, моя хата с краю.
деревья рубят, щепки летят, я – умираю.

возникла реакция – контрреволюция, опа-оп!
левое дело – это два прихлопа, один притоп.
с первого взгляда сравнение кажется грубым,
но одинаково щепки летят и деревья рубят.

руки сложил на груди, перекрестив лоб,
дабы не трогал меня с притопом прихлоп.
не стремлюсь ни к рублю, ни к центу.
строго держусь по центру.

то есть моя хата – самый крайний центр,
вернее, самый центр моей хаты с краю.
здесь, на какое слово ни делай акцент,
всё одно получится – ближе к раю.

***
никакого счастья, понимаете, никакого.
любовь естественна как списки патологоанатома.
вы летаете, чувствуете себя раскованно,
а на самом деле распадаетесь на атомы.

вы грешите на позднюю осень, авитаминоз,
на отсутствие денег, депрессию, мягкое сердце.
вы такой, что волшебнику из великой страны оз
при всём желании автора не отвертеться.

вы из себя представляете ничего такого,
обычного человека, курящего, много пьющего,
и пахнете вы не лучше трико
какого-нибудь чемпиона по фамилии плющенко.

разлагаетесь на отдельные части слова,
не думает голова, не делают руки, не ходят ноги.
никакого счастья, понимаете, никакого…
надо отдать должное одиноким.

***
в метро, в электричке, в трамвае…
что бы там ни думала наблюдающая за нами
из прошлого века одна старуха,
я всего лишь вечность перешёптывал,
касаясь мочки твоего уха,
и превращался в транспортное растение.

ты гладила мою коленку, мне становилось тесно.
а кто-то другой писал за меня это стихотворение,
да и все остальные мои тексты.

МОСКВА, ИЮЛЬ, 2010 г.

Входила в город римская когорта,
к асфальту прилипали каблуки…
В какую форму мир ни облеки,
он всё одно бесформенный какой-то.

Туман к земле притянут хомутами,
деревья обращаются в желе,
но даже их не хочется жалеть,
поскольку сил на жалость не хватает.

Повсюду лень, томление, усталость,
безветрие, отсутствие воды,
и римляне, предвестники беды,
все, как один, с разверстыми устами.

Фёдор ЕВГЕНЬЕВ

«Рассветная роса, черёмуховый цвет»

***
А она лежит, и нога у неё – бревно.
Говорит всегда: «Без ноги я уже давно,
Как пошла в сберкассу, упала, и вот – бедро».
А до этого было лето и огород,
Сад из яблонь и слив, соления – круглый год.
Земляника, смородина – просто
просились в рот.
И семнадцать лет не входила я в этот сад,
Там сухие бесплодные яблони тихо спят,
А воротины ржавые – песню свою скрипят.
Там тюльпанов и лилий клубни стали землёй,
Королевский крыжовник покрылся
коростой-тлёй,
Провода над сараем свисают немой петлёй.
А сама говорю: «Не волнуйся, лежи – лежи»,
И мучительно вижу, как в ней
засыпает жизнь
И как будто уходит на верхние этажи.
А она вспоминает снова:
«…был жив твой дед…»,
Словно и не промчалось стремительно
тридцать лет,
Словно он и сегодня ещё придёт на обед.
И она мне рассказывать будет ещё о войне,
О своём отце, попавшем в немецкий плен,
И о младших братьях, но более – о сестре.
Я стараюсь запомнить тонкую кисть руки,
И прозрачную кожу её, седые виски,
И беззубый рот: «Доживаем мы, старики….»
Мне придётся пройти тропинкой,
что заросла,
Подписать договор о продаже «сего числа»
И продать свою память – место, где я росла.
Где, копаясь в земле, собирала я червяков,
Где я плакала из-за капризов и пустяков,
И не думала, что не станет вдруг стариков.

***
В квартире этой жили у черты
Беды, но были с ней на «ты»,
Накоротке – верёвочке в сортире,

Наталия ЕЛИЗАРОВА

Родилась в Кашире Московской области в 1981 году. По первому образованию юрист. Студентка Литературного института. Автор сборника «Осколок сна» и публикаций в периодике. Участник международных поэтических фестивалей.

На двух ногах, что толком не ходили.
Здесь мыли пол и протирали пыль,
В трельяже старом прятали бутыль
Со спиртом – ставить банки при простуде.
Гостей сзывали, накрывали стол,
И был уют отраден и тяжёл,
В квартире их всегда бывали люди.
Одна блины и пироги пекла,
Другая здесь сидела у стола
И в пироги готовила начинку,
Потом селёдку резала, и вот
Настал последний високосный год –
И небо, как говорено, с овчинку.
Хотели ёлку ставить в декабре,
Дыхание запнулось на заре
(уже на стол продукты закупили).
Скорбящая не дождалась тепла,
А жизнь рекою дальше потекла,
И люди ели, пили, ели, пили.

***
Черта проведена, её лишь пересечь –
И, кажется, вперёд помчишься лёгкой ланью,
Прозрачна и чиста твоя польётся речь.
Сомнения? Они остались там, за гранью.
Рассветная роса, черёмуховый цвет –
Всё вспомнилось в одно мгновенье налитое,
Как будто не жила в тумане столько лет,
Как будто не своё листала прожитое.

***
Узкотелое лето в тёмных лихих веснушках
Настигает тебя, нагое, вешается на шею.
Колокольчик звякает, а оно шелестит
на ушко:
«Помни, помни меня!» …А я и так не умею
Забывать, обиды копить, чувства прятать.
Скрип уключин, брызги, тяжёлый
и влажный шёпот.
Лёгких бабочек стайки и дыни янтарной
мякоть,
Слов чужих и колючих немолчный хохот…

***
В доме булки делали с лебедой,
Пахло гарью, въевшеюся бедой.
Мчали кони – чашки падали со стола,
И горели мёртвым золотом купола.
Бесы вились, бесы чуяли: будет бой,
Мчались ратью половцы на разбой.
На реке на Стугне да быть беде –
Князь при тёмном береге пал в воде.
Вздулась речка паводью, канул он,
В водах старца-инока слышен стон.
Говорил: «Вода возьмёт, всё одно»,
Поглотило юношу вязко дно.
Плач стоял в селениях и домах,
Тосковал в Чернигове Мономах.

Исчезающее лето

Игорь ТАРАСЕВИЧ

***
Калигула, люблю тебя, сынок!
Мы – Третий Рим: ни Запад,
ни Восток.

Мы – мужичок с дурацкою судьбой:
Любить – одну, а думать – о другой.

Ведь, как известно, свыше нам дана
Одна любовь, привычка и страна.

Но встать нельзя, пока не снят
запрет.
Уже вода слита. Уже погашен свет.

***
Настревающий звук водотока,
Твердь глухая – черна и пуста,
Маслянящая руки осока
Да решётчатый профиль моста.
Лечь на рельсы у пропасти тяжкой!
Половчей не пристроюсь никак.
Раскроит, как буденновской шашкой,
И на оси навьёт товарняк.

Уж не вы ли проедете мимо,
За стеклом, под защитою дня?
Эта ночь и для вас недвижима.
Ой, умру, не смешите меня!

***
Я люблю вас со злобой и страхом,
Как детдомовец – сжав кулаки.
Разорвать бы себя, как рубаху,
То-то ночи мне станут легки.

Ворожить – пожалейте сиротку
Хоть последним из ваших парней!
Иль со школьной доверчивой фотки
Оживить вас страстней и верней?

Да вы знаете в вашем Париже,
Что я порчу навёл на года?
И уж так, как я вас ненавижу,
Вас не будут любить никогда.

***
Тюбинги бурые, танк нефтяной,
Лёд промазученный передо мной.

Радость! Больная весенняя ширь!
Стройка беспечная!
Вечный пустырь!
Штабель в снегу.
Отражается взгляд.
Рельсы блестящие. Щёки горят.

Щёлкает ветер под свежей стеной
Волчьим флажком у траншеи
сквозной.

ПОГОДА

Последний рубль поставлю на ребро!
Жена не говорит, что денег мало.
Зима прошла. Земля блестит
пестро,
Как шёлковое одеяло.

С рукой протянутой – ни шагу
к февралю!
Всё врут календари! Я знаю
ваши штучки!
Я не терплю вас! Я вас лишь терплю,
Чтоб жить до мая, словно
до получки.

И день, и ночь я чувствую вину,
Что стоящей погоды я не стою.
Возьмите вашу мёртвую весну
И пропадите с вашею зимою!

***
Достоевский переулок.
Пахнет кошками подъезд.
Шаг – поспешен, отзвук – гулок
И рука выводит крест.
Чтоб вкрутиться, проявиться
Силуэтом на мосту –
Отрешиться, перелиться
В скачущую пустоту.

Чтоб глядеть в стальную воду,
Чтоб упасть в неё, как гвоздь,
Человечью ли природу
Второпях пройти насквозь?

Небоскрёбы ли, трущобы
Проходя наперебой,
Цапнуть дверь, как крышку гроба,
И захлопнуть за собой.

***
Кубарем катятся облака.
Впадины скал сыры.
Узкое тело товарняка
Жмётся к подножью горы.

Станешь косым, словно дождь
ночной, –
Сводят короткий взгляд
Тёмные осыпи за спиной,
Тёмных деревьев ряд.

Гул, поднимаясь, идёт назад,
Наверх, туману в лоб.
Сходятся оба и вот – молчат
Там, посреди чащоб.

Спустишься – катится гравий
вслед.
Рельсы блестят. Едва
Слышен состав. И железный свет
Впитывает трава.

ДОСКИ

Срез! Сухая сосновая боль.
Гнётся ленточка подмости плоской.
Как обрубок, застыла консоль,
Забинтована в свежие доски.

И слетают на выбранный створ
Пыль цементная, запах махорки.
Хочешь, выроню в воду топор,
Чтоб проверить тщету поговорки?

Ну а ты, появляясь из книг
И – без видимой миру причины,
Стройплощадкой идёшь напрямик
Под сочувственный шквал
матерщины.

Загляделся, порезался – кровь
Робу пачкает, катится с силой.
И напрасная рифма «любовь»
Покатилась – гвоздём по настилу.

Визг пилы, треск ломаемых слег
Звук иной заглушат без оглядки.
Срезы досок белы, словно снег,
Но краснеют на них отпечатки!

***
Грузовик модели АМО,
Допотопный грузовик
По колдобинам упрямо
Ковыляет напрямик.

Что́ металла в нём? Наверно,
И не сдать в металлолом –
Под кабиною фанерной,
Под коленчатым крылом.
Оттого-то, потому-то,
Что не нужен никому,
Всё идет он по маршруту
В громыхающую тьму.

Сколько той дороге длиться,
Нынче, право, невдомёк.
За рулём отец – в петлицах.
И грозит:
– Ужо, сынок!

***
Прошли охотники по краю
Стерни, сгоревшей дочерна.
Куда пошли они, не знаю.
Наш лес – две ёлки да сосна.

Шли трудно, словно поневоле,
Смотрели в ноги, молча шли,
Чужие убранному полю
И небу птичьему вдали.

Они свернули от дороги.
Я помню в сердце холодок,
Как ощущение тревоги
Собаки, рвущей поводок.

Я вспоминаю почему-то
Прошедших с ружьями двоих,
Наш лес, не давший им приюта,
Обветренные лица их,

Одежду бурую без цвета
В следах разжиженной земли,
Да исчезающее лето,
Да чувство – как они прошли.

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Джонатан Франзен. **Свобода.** – М.: Астрель: CORPUS, 2011. – 672 с. – (Серия «Великий американский роман»). – 5000 экз.

Когда в США вышел роман «Свобода», один из рецензентов заметил, что Франзеном стоит восхищаться не за то, что он делает новое, а за то, что он блестяще продолжает старое, «давно считавшееся мёртвым». Франзен – реалист и несёт это звание с ответственностью, которую оно налагает, и с точным чувством меры. Его героиня берёт «Войну и мир», чтобы казаться интеллектуалкой, – а в результате запоем читает роман, окунаясь в переживания Наташи Ростовой, с лёгкостью преодолевая культурные различия и историческую даль. Тема «Свободы» – разлад между поколениями – вдохновляет отечественных писателей ничуть не реже, чем иностранцев, но есть в романе Франзена дополнительное достоинство, ценное именно своей нынешней редкостью в российской прозе. В его книге нет надрыва. Для разнообразия и душевного здоровья читателя это очень неплохо.

ПОЭЗИЯ

Михаил Анищенко. **Песни слепого дождя**. – Новосибирск: Поэтическая библиотека журнала «Сибирские огни», 2011. – 152 с. – 1000 экз.

Когда русский поэт вырастает из русской культуры, он отчасти предсказуем – как русская природа: река, причал, снега, овраги, дорога, луговое разнотравье. Как русские мотивы: тоска, восторг, невыразимость, чувство Бога, размышление на переломе, перевале. Где-то есть город Ницца и озеро Чад, их ценность в том, что они – не похожи и оттеняют своё, наше. Стихи Анищенко вырастают из Гоголя, из Горького, из Державина, пришедшего «в золотом Царскосельском снегу»; они капают монотонными дождевыми каплями, катятся неровным речным жемчугом – и вдруг вспыхивают изумительной речевой находкой, образом пронзительно-русским, который нужно, пошептавши, запомнить и стать на золотник богаче. Представляя мир бочкой с карасями, которых Бог кормит хлебными крошками, или совесть – бегущей за поездом собакой, Анищенко сворачивает смыслы в полное энергии семя, которое непременно прорастёт и откликнется.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Александр Жолковский. **Очные ставки с властителем. Статьи о русской литературе**. – М.: РГГУ, 2011. – 637 с. – 1000 экз.

Литературовед не создаёт литературу, а раскладывает её на составные части, с последующим большим или меньшим успехом обратной сборки. Жолковский видит в этой деятельности подоплёку детективную, он отмечает не просто элементы, а «красноречивые улики», на основании которых нащупывает «пронизывающую текст идею». Его реконструкции не безукоризненны – хотя бы потому, что там, где наблюдаемое сходство требует эпитета «интересное» или «значимое», он ставит «очевидное», тем самым подменяя красноречивость улики настойчивостью следователя. Однако его игра в литературные сближения с неизменно эффектным результатом зачастую действительно втягивает читателя в процесс аргументации, родственный интеллектуальному детективу. Статья «Очные ставки с властителем», где исследуются способы литературного взаимодействия фигур вымышленных и реальных, исторических, – прекрасное тому подтверждение.

БИОГРАФИЯ

Вадим Кожинов. Сто рассказов о великом русском. – М.: Алгоритм, 2012. – 608 с. – 1000 экз.

Сборник, составленный Ильёй Колодяжным, – не последовательная биография, а спектр рассказов, написанных очень разными людьми – литераторами и политиками, воцерковлёнными и невоцерковлёнными, русскими и нерусскими – об одном человеке, с которым они ощущают духовную связь. Это книга воспоминаний о литературоведе и публицисте Вадиме Кожинове. Такой формат оказался особенно удачным: авторы воспоминаний могут неоднозначно относиться друг к другу, даже память о конкретных событиях прошлого предстаёт в их рассказах по-разному, но центральная фигура остаётся цельной, и читатель может не то что поверить на слово, но даже и наглядно убедиться в том, как умел Вадим Валерианович соединить «белых» и «красных». Многочисленные авторы сборника общались с ним каждый по-своему, однако не рвут его на части, заявляя, что «у каждого свой Кожинов», не создают апокрифа – и на фоне общей честности хотя бы по отношению к одной личности становится понятнее, достовернее и сама эпоха.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Константин Арбенин. **Заявка на подвиг.** – М.: Время, 2011. – 176 с. – 2000 экз.

Написать современную сказку порываются многие писатели. Одни для этой цели заставляют сказочных героев заниматься бизнесом, другие вручают им мобильники и планшетные компьютеры. Вдобавок особенным шиком считается написать книгу, интересную для читателей всех возрастов – ну хотя бы от семи до семидесяти лет. И таким образом задача становится практически невыполнимой. Но тут вдруг происходит чудо и появляется книга Константина Арбенина «Заявка на подвиг». В которой действуют не бизнесмены, а, казалось бы, безнадёжно устаревшие рыцари. Где поле событий – не Москва, а вроде бы совершенно постороннее государство Анахронезм. Где герои вооружаются не смартфоном, а мячом-кладенцом и школьной линейкой. И в каждой фразе сквозит божья искра, родственная таланту Стругацких. Вдруг оказывается, что в России по-прежнему пишут умные, тонкие, стильные книги, которые ждут своего читателя. И никуда не денешься: приходится соответствовать.

Книги предоставлены магазинами «Фаланстер» и «Библио-Глобус»

Татьяна ШАБАЕВА

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Абсурд декорации,

или Коммунизм обязательно наступит

Олег Лукошин. **Коммунизм**. – Урал, № 9–10, 2011.

Построение Царствия Божьего на Земле невозможно, для этого необходимо категорически изменить человеческую природу, любая попытка приближения к идеалу общественного устройства сопряжена с жертвами и насилием, а самому человеку необходимо обрести маниакальную твёрдость. Собственно, об этом роман Олега Лукошина «Коммунизм», который выдал журнал «Урал» в двух своих осенних номерах.

Самая большая опасность, которая грозила Лукошину, – сделать роман-агитку. После «Капитализма», который автор обозначил романом-комиксом, такой уклон был вполне реален. Однако Лукошин смог избежать этого.

Первая часть книги изображает недалёкое будущее – 2025 год в капиталистической России. Герой Виталий Шаталин – член боевой «Звёздочки», которая входит в разветвлённую экстремистскую сеть. Пять «звёздочкинских» боевиков совершают всевозможные устрашающие акции «прямого действия» со стрельбой и ограблениями. Экспроприаторы пытаются подточить основу капитализма – лишить буржуинов собственности. Постепенно в этой реальности набирает обороты культ коммунистического СССР – зеркального двойника России с иным общественным устройством. Советский Союз в романе – «счастливая страна всеобщей справедливости».

Оказалось, что СССР никуда не пропал, не перешёл в исторический утиль, это только в нашей реальности можно говорить о его крушении. Была и другая история этой коммунистической империи: во время встречи Горбачёва и Рейгана в Рейкьявике исландский журналист Сигурд спас её, приведя в действие взрывное устройство, от которого Горбачёв погиб, а Рейган серьёзно пострадал. Место генсека занял Григорий Романов, с именем которого связано торжество коммунизма по всему земному шару и постепенное присоединение стран по типу советских республик. Романов – безусловный кумир главного героя: ведь он довёл «до логического завершения всю предшествующую ему историю светлой коммунистической идеи». В этом контексте современная капиталистическая Россия – сбой в системе, особая формационная перверсия. Этакий «белый парус» Лермонтова, зависший между небом и землёй и блуждающий в бескрайнем морском просторе в ожидании спасительной бури.

Шаталин по прозвищу Шайтан – последовательный адепт коммунизма. Для него это главная аксиологическая категория в жизни и даже больше, чем жизнь. По всей видимости, именно таких людей называют фанатиками, максималистами. Он может перешагнуть через кровь, через близких людей, родственников, через любовь, ведь он – олицетворённое орудие рока. Во многом Шаталин напоминает пылких старообрядцев, бегущих от царства Антихриста вначале в глушь, а затем и из мира сего путём самосожжения. Хотя герой Лукошина и не накладывает на себя руки в целях защиты от мировой скверны, но он бежит в полумифический Китеж-град – СССР, до конца не уверенный, ждёт ли его в этом переходе погибель. Тем более что смерть настигла его друга Гарибальди, который сгорел в солярии во время кустарного технологического перехода в мир иной.

Можно предположить, что отдалённо Шаталин Лукошина будто бы полемизирует с Шатовым Достоевского. Если формула Шатова: «Я верую в Россию, я верую в её православие», то у Шаталина: верую в СССР, в его коммунизм. Если Шатов оправдывает свою фамилию, он весь в шатаниях, колебаниях, то Шаталин настаивает на внутренней идейной цельности. Он мог стать жертвой своих коллег по «Звёздочке», если бы не проявил жёсткость, не отринул сомнения и сам их не поубивал. Шатов же стал жертвой, его смертью, его кровью повязали «пятёрку»...

Основная дилемма романа, мающая до сих пор русскую культуру, – это диссонанс «личного» и «общего». Эта человеческая, слишком человеческая дилемма становится причиной разложения капиталистической России и постепенной деградации эталонного коммунистического Советского Союза.

Шаталин один в своём роде и будет всегда одинок, как монах-анахорет, усмиряющий плоть и борющийся со всевозможными соблазнами и расшатывающими его внутреннюю цельность видениями. Возможно, таким же был генсек Романов, действовавший с «маниакальной твёрдостью», но поддержки в нём Шаталин не найдёт: ведь тот умер, и все решения в СССР уже принимались от его имени.

Шаталин с группой единомышленников устраивает переворот в СССР, на время берёт власть, но потом снова теряет из-за банального предательства, можно сказать, даже не людского – предаёт сама человеческая природа, которая слишком слаба, чтобы ему соответствовать. Шаталина приговаривают к высшей мере: отправке вместе с маниакальной женщиной-убийцей в недавно открытую параллельную вселенную «3-Игрек», «в которой не появился человек». Погружаясь в туман и свет на пути, сознание героя произвело последний волевой бунт: «Я подчиню себе всю окружающую действительность, саму природу подомну под себя, но построю там вожделенный коммунизм!» Такой вот современный синтез ницшеанства с мессианством...

Что важнее: общее дело, какие-то идеалы или ты сам? Любовь правит миром или идея всеобщего блага, коммунизм? Для любого человека правильны будут рассуждения советского Гарибальди, которые тот кинул в лицо Шаталину: «Капитализм, коммунизм – всё ширма, всё тлен. Есть только ты сам в центре Вселенной и абсурдные декорации вокруг... В конце концов всё схлынет, декорации исчезнут, и ты окажешься наедине с Вечностью. И она тихо, но требовательно спросит тебя: остался ли ты самим собой или изменил себе?» Формула эта универсальна практически для любого человека, но не для Шаталина – Шайтана, замысливающего бунт против человеческой природы, да и против самой природы, против основ мироздания. Инфернальное в нём проявляется с самого начала. После налёта на инкассаторов, когда ему пришлось застрелить одного человека, Шаталин говорит сам себе: «...и на этот раз я опять сущий чёрт. В блаженный капиталистический ад... впорхну под фанфары...»

Виталий Шаталин Лукошина во власти греха – в плену хилиастических идей о построении Царствия Божьего на земле. Достижение этого идеала невозможно ни в капиталистической Рашке, ни в коммунистическом Советском Союзе, который, как Вавилонская башня, начинает постепенно рассыпаться и отходить от изначальных принципов. Может быть, получится в том измерении, где вообще ещё не появился человек, а значит, его природа не подверглась тлетворному воздействию?.. Но об этом никто уже не узнает...

Получается, что проблема даже не столько в идеологии (коммунизм – на самом деле апофеоз справедливого общественного устройства), сколько в сути человеческой личности, её изначальной калечности, повреждённости, расшатанности и слабости перед соблазнами. Так или иначе, разговоры о всеобщем переходят на частное, на самого человека, от чиха которого рушатся самые благие начинания.

Андрей РУДАЛЁВ,
СЕВЕРОДВИНСК

КНИЖНЫЙ РЯД

По губам меня помажет пустота

Свято место пусто не бывает, или пустое место не бывает свято – как решить?

Автор рецензируемой монографии, не покушаясь на первое утверждение, спорит со вторым. Опираясь на авторитет древнегреческих философов, апофатика Псевдо-Дионисия Ареопагита, исихастов-паламитов и русских имяславцев, доктор филологических наук Валерий Раков утверждает: пустота имеет священную составляющую, поскольку она есть то, из чего Бог создал самоё первоматерию, самый хаос.

Казалось бы, какое отношение имеет пустотность к литературе?

Однако, обозревая «органическую» поэзию Серебряного века, прозу Андрея Белого, синематограф Андрея Тарковского, учёный возводит внушительную по убедительности методологическую базу будущих исследований поэтики и культуры. Главный интерес филолога – стиль, внериторические выразительные средства, чисто декоративные, «изобразительные» элементы оформления текста в «рамке» пустой страницы. Сама «детская невинность» данного поэту белого листа возводится «искусствоиспытателем» в ранг той пустоты, которая чревата творением. Сама чистота пространства до и после упорядоченного текста взывает к нам принципом, обрамляющим всякое творение в его космическом становлении и стоянии. Tabula rasa страницы, по Ракову, не есть, таким образом, изначальное ничто, но представляет собой хаос, то есть по отношению к космизированному бытию то «иное», в котором существуют все возможности проявления.

Раков В.П. **Поэтика и культура**: Монография. – Шуя: ГОУ «ВПО «Шуйский государственный педагогический университет», 2011. – 448 с. – 100 экз.

Не меньшее внимание, чем «знакам пустоты» – пробелам, уделяет литературовед и знакам препинания. Шпация, точка, дефис, тире – всё это в рамках метода, которому следует Раков, разные степени проявления отсутствия. Последнее же мыслится не однородным, но имеющим три космогонические формы.

Методология Ракова основана на утверждении наличия докультурного в литературе нового и новейшего времени, пронизанности мифом всех проявлений нашей жизни.

Автор «Поэтики и культуры» значительно расширяет инструментальную базу филологических изысканий за счёт привлечения арсенала естественно-математических дисциплин, он призывает преодолевать узость профессиональных штудий, он напоминает, что и поэтика, и культура, в корпус которой, безусловно, входит наука, имеют принципиально докультурную, «пустотную», а потому и самую творческую составляющую.

Пустоту, окормляющую младенцев.

Евгений МАЛИКОВ

Уточнение. В № 5 автором материала «Необычная энциклопедия о непростом писателе» является ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук А.Г. Мысливченко, а не старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН А.Г. Гачева, как ошибочно указано. Приносим наши извинения уважаемым авторам!

ЛИТПРОЗЕКТОР

Книга для светлых шатенок

Плох тот активно пишущий блогер, который не мечтает подержать в руках свежеизданную книгу, пройдя (или проскочив) ряд препятствий.

Уже много тысяч френдов назад покорился барьер «блогер-тысячник». Всё меньше и меньше бестолково затянутых текстов. В обильные комменты ломятся заранее восторженные читатели и бодрые тролли. И если в этот момент автора не настигают лавры колумниста, то усталость и брезгливость могут попытаться накрыть сетевого публициста с головой. Но и этот период минует.

Если же слава овеяла и труды материализовались, то является новый искус: снобизм и менторство. Некая незримая фильтрация для особо умных. Ну или для тех, кто убоится сознаться в противоположном. Для блондинок, которые из страха обнаружить полную пергидрольность мозгов будут косить под брюнеток. На крайний случай, шатенок. Но светлых.

Марта Кетро – весьма и весьма популярный в блогосфере писатель «девочкового» направления. Она уже может себе позволить кокетничать и раздражаться («Я вообще невысокого мнения о людях»). Она может мило грозить пальчиком тем, кто вдруг обзовёт её гуру или заподозрит в попытке поучить жизни. В самом начале «Осеннего полёта таксы» она предупреждает: «Дети с квадратной головой, уважаемые зануды без чувства юмора, я, конечно, не запрещаю, но ужасно не советую покупать эту книгу, она может нанести вам моральный ущерб, а иски оплачивать не стану – потому что предупредила заранее».

А дальше перед глазами то медленно, то вскачь ползёт и прыгает причудливое тело не таксы, а пресловутого «девочкового» блога, где автор то в привычной для неё интонации попинывает мужчин (уверяет, что любя), то начинает давать дельные советы зрелым матронам. Кстати, эта книга для них – для тех, кто хочет взрослеть красиво. Очень полезные советы для пожилых девочек, которые, одолев сороковник, застряли в состоянии шаловливого подростка.

Ну, например, не могу не согласиться с тем, что не надо перегружать своим вниманием мужчину – сбежит-с! И что нет смысла возвращаться к пройденному и оставленному – больно и обидно. И пройденное тоже не нужно пускать в настоящее – опять же больно. Не постигли это в двадцать пять – срочно впивайтесь глазами в душеполезные строки Марты Кетро, а то забудете и получите мужчину, которого тошнит от ведра клубники. Но ежели вдруг начнёте мысленно благодарить умного автора, то огребёте щелбан по носу: Я не учу вас! Упаси бог! Я тот ещё советчик!

Книги Марты Кетро весьма и весьма неохотно отвечают на самый любимый вопрос блондинок любого возраста: «Как удачно...(нужное вставить)»: выйти замуж; выбрать породу собаки (кошки, птицы, варана и т.п.); испечь пирог; подобрать туфли к платью и марку автомобиля к помаде – далее до бесконечности. Нет, безусловно, в главе «О мировом порядке в шкафу» автор съезжает на милую любому дамскому сердцу колею: шмотки – обувка – помада. Но пасётся на сих тучных пастбищах недолго – чтобы не опротиветь прогрессивным светлым шатенкам.

Вещи периодически осторожно дают о себе знать. Но не довлеют. Платья, шарфы – такие свистящие и шипящие. То из прошлого, то из магазина для пышных дам, откуда лирическую героиню норовят выгнать суровые продавцы. Когда удаётся купить два потрясающих платья, то счастливая женщина чуть не соблазняется сарафанчиково-босоножечно-бусиковой доминантой пресловутых «девочковых» сайтов.

Но напрасно расслабившаяся законспирированная блондинка попытается перевести дух на нежных строках о вещичках – автор уже отдохнул и вот-вот набросится на своего незанудного читателя со словами «молескин», «отзывание либидо», «рэгдолл» и списком псевдонимов Хокусаи. И если какая-нибудь упрямая блондинка пережила предисловие про «зануд без чувства юмора», то Хокусаи она точно не вынесет, заплачет, бросит книжку и рванёт в припаркованный у книжного магазина «бентли», затарившись более понятной литературой в предательски мягких обложках с пёстрыми картинками.

Отдельно стоит упомянуть кошек, собак, птиц, волков, лис, варанов и палестинских газелей. Сама Марта – и вовсе цветок. От животных периодически дистанцируется. Котов, допустим, она любит. За молчание.

Клуб же котиков-мужчин (глава «Котики») вызывает у автора почти нескрываемое раздражение такого накала, что один из них в какой-то момент становится козлом (симпатичный бестиарий!). Но это мелочи, такие мелочи, что говорить о них не стоит. На страницах «Осеннего полёта таксы» автор рассуждает о собаках.

Такса – это хорошо. Такса-либидо – это совсем хорошо, потому что понятно. Бегает. Набрасывается и облизывает хозяина. Приносит мячик. И автор с наслаждением «таксуализирует» часть реальности и душевных телодвижений влюблённой женщины, давая ряд полезных рекомендаций: «не приносите ему обслюнявленный мячик»; «отбивайте подачу»; «придерживайте уши, чтобы не хлопали на ветру». Вот эта часть книги – с мячиком и хлопающими ушами (глава «Бархатные ушки») – меня особенно покорила. Впрочем, чуть раньше, чуть бодрее я читала заклятия против перекармливания мужчины вниманием. Но без таксы. Там было про ведро клубники. Но с таксой тоже хорошо. Таксики – они такие «мимимишные».

Красиво.

А дальше идёт скучное блуждание красивостей, характерное для блогерского стиля «поток сознания». Слегка само от себя усталое, но на редкость востребованное зрелыми шатенками разной глубины цвета. Но только они размякнут в тёплой и зыбкой среде образов и типажей, как она их «приложит» описанием Серёги в электричке. Это тебе не слесарь Гоша – это тоскливо и тревожно. «В шапочке, куртке и берцах, в нарядных мастях, чуть за тридцать, но это такие пропитые и битые тридцать, что иные и под полтинник краше».

Напугались?

Дальше будет страшнее. Автор начнёт мрачно кокетничать: дескать, я вас сейчас удручу – уеду в дуры. С чемоданом, пакетом и корзинкой. И никаких платьиц и бусиков, никаких туфелек-шарфиков не будет. Будет посконно и домотканно, потому как в дурах хорошо

Читать это нужно нежно и спокойно-снисходительно. Не верьте лукавому растению, любящему собак больше людей. Не уедет она никуда. Ей не дано ни быть дурой, ни даже казаться.

Наверное, это комплимент.

Максимальный подвиг, на который она способна, – это навестить родителей, чтобы там, в нежно презираемой провинции, изнемочь от фрагмента «Вечного зова». Девушка прочно забыла содержание сериала. Зато с готовностью провела аналогию с сообществом «мен-вумен». И отправилась спать.

На сём можно проститься с бойким и плодовитым автором. Пусть спит и видит цветные сны, которые, вполне возможно, выльются в новые посты-посты-посты и книги-книги-книги.

Только вот зачем они? И для кого они? А если зануде захочется купить и прочитать – то пусть не возмущается. Если блондинке приспичит пробежать глазами эти якобы бессмысленные для неё строки, то пусть не плачет и не убивается головой «ап стенку».

Покупайте и читайте. В некоторых местах вы даже улыбнётесь и что-то увидите иначе. Чего-то для себя откроете. Но если вы не купите и не прочитаете – то ничего не потеряете. Всё это есть в блоге. Так же бесструктурно, так же потоково бессознательно.

Право же, цена за месяц безлимита у любого провайдера сопоставима со стоимостью бумажной копии фрагмента блога для светлых шатенок.

Таня ФИРСТОН

Марта Кетро. **Осенний полёт таксы**. – М.: Астрель, 2012. – 288 с. – 5000 экз.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, 15–21 февраля 2012 г. № 6 (6357)

СЕМЬ НОТ

Метнер снова в Париже...

Талантливые молодые пианисты лауреаты Третьего международного конкурса пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко Елена Нефёдова, Михаил Турпанов и Дмитрий Аблогин приняли участие в ежегодном фестивале «Русенко» в столице Франции, организованном ассоциацией «Франция–Урал», и совершили небольшое турне по стране. Играли в Париже, Лионе, Ницце. Два вечера с разными программами прошли в знаменитом зале Корто. Приём всюду был восторженным. Особенно поразили меня слушатели в Лионе – концерт закончился, а публика и не думала расходиться независимо от позднего часа, выручил мэр округа, в котором находился концертный зал: он пригласил всех желающих продолжить общение в свои официальные апартаменты по соседству. Увидев количество откликнувшихся на любезное предложение, я посочувствовал мэру.

Путешествие преимущественно в XIX век, предложенное пианистами, действительно было увлекательным. Елена Нефёдова весьма убедительно «примирила» в своей части программ Брамса и Листа, у которых, как известно, были серьёзные претензии друг к другу. «Музыка страстной мысли», как отзывался о Брамсе выдающийся знаток его творчества И.И. Соллертинский, была и взволнованной, приподнятой в настроении и эмоционально богатой и выразительной. Елена играла Вариации на тему Шумана, ор. 9, и скерцо ми-бемоль минор, ор. 4. Шуман и всё связанное с ним – особое состояние Брамса. Мне показалось, что пианистке удалось это и прочувствовать, и весьма впечатляюще передать нам, слушателям. Запомнилась и блестяще исполненная ею Соната-фантазия Листа «После прочтения Данте».

Е. КУРИЛКО

Елена Нефёдова, Михаил Турпанов, Дмитрий Аблогин

Михаил Турпанов – один из самых интересных молодых пианистов сегодня. Меня он радует неизменной начитанностью (к сожалению, большая редкость среди молодёжи вообще и играющей тоже) и умением с первыми звуками абсолютно овладевать слушателями. Он всегда как бы внутри произведения и разбрасывает гениальные созвучия как волшебник. И образы у него почти осязаемые. Тем не менее в основе исключительных умений пианиста, как мне кажется, редкие интеллектуальные способности, позволяющие ему чётко «собрать» произведение. И оно не только не теряет образности, но, напротив, только из неё и состоит. Турпанов превосходно играл Брамса – Вариации и фугу на тему Генделя, ор. 24, а также «Сказки старой бабушки» Прокофьева, 6 Этюдов-картин Рахманинова и сонату № 3 Прокофьева (Из старых тетрадей), ор. 28.

Особый успех ждал произведения Николая Метнера. Во Франции, как, впрочем, и в России, немногие знакомы с ними. Так сложились обстоятельства вокруг недипломированного, но любимого ученика Танеева. Консерваторию он заканчивал по специальности «фортепиано» у В. Сафонова. Как композитор предпочитал сочинять сонаты, жанр этот всячески развивал. У него есть сонаты-воспоминания, сонаты-баллады, сонаты-сказки... А кроме того, он вообще обожал сказки. Здесь, в Париже, вышла книга его размышлений «Муза и мода». Смыслы в музыке – есть о чём задуматься и нынешним исполнителям. Произведения Метнера включил в свою программу Дмитрий Аблогин. Он заканчивает в этом году Гнесинку по классу профессора В. Троппа. Именно Владимиру Мануиловичу Троппу принадлежит инициатива классного вечера, полностью посвящённого сочинениям Николая Метнера. Так что Дмитрий шёл хорошо протоптанной тропинкой, но зато прямо в историю: до него в зале Корто никогда не звучал Метнер. Играл Аблогин Сонату-Балладу, ор. 27, две сказки из ор. 51 № 3 ля мажор и № 51 фа-диез минор. По-моему, очень достойно. После концертов всюду к нам подходили слушатели с благодарностью прежде всего за Метнера, которого слышали в первый раз.

25 июня в Екатеринбурге откроется Четвёртый международный конкурс пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко. Будем ждать новые имена и надеяться, что они будут такими же яркими, как и предыдущие.

В Москве же вспоминают наставника Николая Карловича Метнера блестящего пианиста и ректора Московской консерватории Василия Ильича Сафонова в связи со 160-летием со дня рождения. Впервые за многие годы организованы Международные Сафоновские чтения. Исследователи творчества выдающегося русского музыканта из России, Украины, Италии, Швеции принимают участие в конференции и других мероприятиях. В Малом зале консерватории состоялся концерт из произведений композиторов XIX–XX веков, посвящённых В.И. Сафонову. А в Музее-квартире А.Б. Гольденвейзера играли лауреаты сафоновских конкурсов (г. Пятигорск) разных лет, которые сейчас живут и учатся в Москве. Здесь же можно видеть замечательный портрет Василия Ильича работы Германа Ханачека. Написан с натуры в Нью-Йорке в 1907 году.

Чтения прекрасно организованы, очень обстоятельны и научны. За всё это мы должны быть благодарны Всероссийскому музейному объединению музыкальной культуры имени М.И. Глинки и Музею-квартире А.Б. Гольденвейзера. Василию Ильичу Сафонову до того не очень везло «на воспоминания». И мы многого до сих пор не знаем, потому как даже архив дочери М.И. Сафоновой не опубликован, а рукопись хранится в одной из университетских библиотек США. Но тем замечательнее инициативы, случающиеся у нас. Врач «Скорой помощи» Леонид Тумаринсон, о чём я уже писал, издал замечательный труд «Летопись жизни и творчества В.И. Сафонова». Очень хорошо, когда о музыкантах пишут врачи. Со всей скрупулёзностью и вниманию к деталям, которые так важны в их профессии. Получился уникальный документ. Тумаринсон, наверное, продолжает ездить на «гастриты, колиты и аппендициты», но при его любознательности и любви к музыке можем дождаться продолжения этой удивительной работы. Василий Ильич Сафонов благодаря таким заботам возвращается к нам во всей полноте своей столь важной для русской музыки деятельности. Да здравствуют памятливые и любознательные люди!

Юрий ДАНИЛИН

ПРЕМЬЕРА

Была без радости любовь

«Таланты и поклонники» А.Н. Островского в Театре имени Вл. Маяковского

Сразу же оговорюсь: в целом я голосую за этот спектакль. После всех злоключений, выпавших в последнее время на долю многострадального театра, не вникая в подробности и не уточняя, кто виноват, я присоединяюсь к тем, кто со вниманием следит за перипетиями сюжета пьесы, а по окончании представления неоднократно вызывает артистов. Потому что продолжаю ходить в театр в предвкушении праздника. А какой может быть праздник без взаимопонимания между сценой и залом?

«Таланты и поклонники» не принадлежат к числу забытых пьес А.Н. Островского. И сейчас в Москве их можно посмотреть на трёх сценах. Впервые я увидел эту комедию в конце 40-х годов прошлого века в Художественном театре с А. Тарасовой, О. Андровской, А. Зуевой, В. Ершовым, М. Прудкиным, И. Кудрявцевым. То был выдающийся спектакль, поставленный К.С. Станиславским в 1933 году. Позже огромное впечатление на меня произвела постановка этой же пьесы в Белорусском театре имени Янки Купалы с Ириной Жданович – Негиной. Видел я, конечно, и четырёх исполнительниц в прежнем спектакле Театра имени Вл. Маяковского, поставленном М.О. Кнебель.

К сожалению, в силу объективных причин я не успел познакомиться со знаменитым спектаклем Андрея Лобанова, появившимся в 1931 году в Студии под руководством Рубена Симонова, с Ксенией Тарасовой – Негиной. Но благодаря обширной прессе, мне кажется, имею достаточно чёткое о нём представление. Равно как и о первой постановке в 1881 году в Малом театре с Марией Ермоловой. По привычке многие продолжают бранить критику, но что бы мы делали без её свидетельств? Каждый раз заново открывали бы Америку?

Главная проблема связана с различной трактовкой образа Негиной. Сам Островский, великолепно знавший жизнь кулис, в том числе и провинциальных, дал для этого достаточно оснований в самой пьесе. Одни полагали, что Негина ни в чём не виновата. Виноваты условия жизни, которые толкают девушку на путь предательства Мелузова, в объятия Великатова. Другие считали, что, коль скоро она могла так поступить, её чувства не были по-настоящему глубокими: была без радости любовь, разлука будет без печали...

Станиславский, к примеру, утверждал, что Негина на самом деле не любила Мелузова, а мечтала только о сцене. И ради этого готова была пожертвовать чем угодно. Лобанов, в свою очередь, был уверен, что все эти Великатовы, Дулебовы и Бакины вместе с антрепренёром Гаврилой Мигаевым в 1931 году уже не представляют реальной силы в стране, где театры давно национализированы. К тому же он исходил из того, что сам автор определил жанр пьесы как комедия.

Денис ЖУЛИН (www.mayakovsky.ru)

Вполне допускаю, что определённая логика в подобной трактовке вполне возможна, особенно в 30-е годы прошлого века. Но сегодня, когда один из самых крупных академических театров столицы принимает предложение успешного олигарха поставить пьесу с участием его подруги в главной роли, разумеется, со своим режиссёром, конечно, за его счёт, положение Негиной, согласитесь, снова не кажется таким уже безоблачным – вот ведь в чём парадокс!

Спектакль талантливого режиссёра Миндаугаса Карбаускиса отмечен разными достоинствами. В нём много выдумки. Но прежде всего это относится к актёрским работам. Рядом с великолепными, многоопытными Игорем Костолевским (Дулебов), Михаилом Филипповым (Великатов), Ефимом Байковским (Нароков) обращают на себя внимание Виталий Гребенников (Бакин), Анна Ардова (Смельская), Константин Константинов (Вася), Максим Глебов, с нескрываемым удовольствием и юмором исполняющий несколько эпизодических ролей, мужских и даже женских. Особая благодарность Расми Джабраилову – Ерасту Громилову. Трудно представить себе исполнителя, более не подходящего по своим внешним данным для этой роли. Здесь нужен был бы Александр Лазарев! Но вот, пожалуйста, такой пассаж! И какой успех! А Даниил Спиваковский – Пётр Мелузов, ненавязчиво сразу же намекнувший на роли Пети Трофимова и Кости Треплева в чеховских пьесах.

Сложнее оказалось с Домной Пантелевной – Светланой Немоляевой. Не слишком уж похожа она на «совсем простую женщину», мечтающую заняться куроводством на приусадебном участке с лебедями. К тому же даже в партере вдруг нельзя было понять, что именно она лепечет: ничего подобного с опытной актрисой прежде не случалось. Ведь она – выпускница Щепкинского училища, где В.Н. Пашенная не уставала напоминать студентам: «Я купила билет за 1 рубль 20 копеек и хочу всё видеть и слышать!» Можно лишь представить, что сказала бы она теперь, когда билеты значительно подорожали...

Ещё сложнее впечатление от встречи с Негиной. Первый удар актриса получила от художника по костюмам Натальи Войновой. Трудно придумать более неудачный наряд, чем тот, что она предложила Ирине Пеговой в первом акте. Во втором, правда, положение несколько улучшилось. Главная проблема, на мой взгляд, связана всё-таки не с костюмом. Но прежде всего с индивидуальностью актрисы. Предположим, Негина на самом деле не так уж талантлива, как думает о ней Нароков. Ксения Тарасова говорила, что, по мнению Лобанова, она вовсе никакая не героиня, а скромная провинциальная девушка, с детства мечтающая о сцене. Но ведь и этого нет.

А тогда что остаётся? Хорошенькая, пышущая здоровьем барышня, которая не теряет зря время с Петей до той поры, пока её не поманит Великатов? Но в этом нет ни драмы, ни комедии. Одно дело, если человек ради возможности посвятить свою жизнь сцене приносит себя и свои чувства в жертву. И совсем другое, если нет ни того, ни другого. Тогда, выходит, права Домна Пантелевна с её меркантилизмом и прагматизмом. Только вряд ли с этим согласился бы Островский. Почему-то же он назвал пьесу «Таланты и поклонники». Не Смельскую же в конце концов имел в виду автор, хотя, возможно, и она не лишена дарования.

Саша сама говорит Пете о себе, что она не героиня. Всё верно. Но чего ей стоит это произнести? И как трудно даётся ей такой выбор? Может быть, стоит несколько умерить комсомольский задор, меньше скакать, бегать и прыгать – всё-таки это Островский! И тогда из сосредоточенности, возможно, появится и больший смысл. И мы не просто обрадуемся удаче театра, обнадёживающему дебюту его нового руководителя, не только получим удовольствие, но и сможем догадаться, о чём же всё-таки нам хотел поведать театр?

Мне бы не хотелось, чтобы некоторые мои сомнения, которыми я пытался откровенно поделиться, показались кому-то ложкой дёгтя. Повторю: я голосую «за» и поздравляю театр с успехом, испытывая благодарность и подлинное уважение ко всем его создателям. Но именно это обстоятельство не позволяет мне быть снисходительным – в надежде на взаимопонимание. Тем более когда речь идёт о таком важном моменте: в театр пришёл новый руководитель – молодой, энергичный, талантливый, демонстративно обнаруживший серьёзное отношение к классике, в то время когда не принято слишком церемониться и обращаться с ней без помощи клея и ножниц, без перверсий и нецензурной лексики.

Так что уж будем надеяться!

В добрый час!

Борис ПОЮРОВСКИЙ

ФЕСТИВАЛЬ

Охота за «Золотыми» и «Серебряными медведями» в разгаре

395 фильмов из 23 стран будут показаны на Берлинском международном кинофестивале, который в 62-й раз открыл фестивальный сезон. В программе основного конкурса 18 мировых премьер, в том числе классиков Паоло и Витторио Тавиани, Чжана Имоу, Стефана Долдри...

Как короля в театре играет свита, так и фестиваль создаёт не только конкурсная программа, но и её контекст. Берлинале выстраивает его, традиционно опираясь на трёх китов. Во-первых, горячий политический контекст. Чем горячее, тем лучше. Политическую карту Берлин разыгрывает мастерски. В центре внимания «арабская весна» 2011 года. Причём эта тема проведена по всем программам: фильмы, документальные и художественные, публичные дискуссии с участием арабских кинематографистов, художников, писателей, выставка видеоарта из Ливана. Плюс – приглашение деятелей культуры из Алжира, Палестины, Ливана в жюри трёх фестивальных программ.

Во-вторых, Берлин умеет делать ставку на историю кино. На этот раз обещают премьеру новой отреставрированной копии фильма Сергея Эйзенштейна «Октябрь» (1927). В основе реконструкции работа Наума Клеймана, но Мюнхенский музей кино, который в 1970-х купил копию фильма у нашего Госфильмофонда, использовал также фрагменты более ранних съёмок картины из Киноинститута в Амстердаме и Немецкого федерального архива. Найдены партитуры музыки к фильму, написанной Эдмундом Майзелем (1894–1930). Он, надо сказать, обожал эксперименты со звуком и написал новаторскую музыку с использованием «шумов» и жёсткого ритма, которая сегодня выглядит чуть ли не предшественницей панка и техно.

«Октябрь» стал частью ретроспективы «Красная фабрика грёз», посвящённой студии «Межрабпомфильм» и «Прометею». В эпоху, когда большевики ещё грезили о мировой революции, сотрудничество советских и немецких кинематографистов было очень плодотворным. Вот им-то и заинтересовалось Берлинале. К ретроспективе подготовлен не только телефильм, но и выпущен увесистый том международных исследований. Плюс сделаны новые копии фильмов, в том числе картины Фёдора Оцепа по пьесе Льва Толстого «Живой труп» (1929).

Надо сказать, что в этом году Россия представлена едва ли не только «архивным кино». Впрочем, в «Панораме» покажут фильм Алексея Мизгирева «Конвой», а в «Форуме» – фильм Андрея Грязева «Завтра» о группе «Война», которая приглашена в качестве коллективного сокуратора на Берлинскую биеннале 2012 года. Но в основном конкурсе наших лент нет, если только не считать участие Александра Роднянского в продюсировании фильма «Машина Джейн Мэнсфилд», который поставил Билли Боб Торнтон.

Между прочим, немцы к копродукции относятся очень серьёзно. По крайней мере в конкурсе можно обнаружить минимум четыре фильма, в которых немцы выступают сопродюсерами. В том числе и картину «Пленник», поставленную любимцем Канн филиппинцем Брильянте Мендосой (в «Пленнике» участвует и французская звезда Изабель Юппер). Если вспомнить, что в охоте на «Медведей» участвуют ещё и три немецких режиссёра – Кристиан Петцольд («Барбара»), Матиас Гласнер («Милосердие»), Ханс-Кристиан Шмидт («Домой на выходные»), то очевидно, что Берлинале грамотно поддерживает своих кинопроизводителей.

К тому же копродукция, как правило, широко используется для съёмок авторского кино. И это, пожалуй, третий «кит», на котором стоит фестиваль. Поддержка авторского кино идёт и на Европейском кинорынке (причём в этом году на нём мощно представлены американские «независимые»), и во всех программах. И – что немаловажно – в жюри.

Достаточно сказать, что его возглавил Майкл Ли, британец, ценящий социальное высказывание, неангажированность, антибуржуазность. Под его началом будут работать иранец Асгар Фархади (триумфатор Берлинале прошлого года), француз Франсуа Озон, голландец Антон Корбейн, актёры Джейк Джилленхол, Шарлотта Генсбург, Барбара Зукова, алжирский писатель Буалем Сансал.

Какой вердикт вынесет команда Майкла Ли, мы узнаем 18 февраля. Но один «Золотой медведь», самый почётный, за вклад в кино, достанется Мерил Стрип. А «Камера Берлинале» будет у Рэя Долби, того самого, благодаря которому долби-звук в кинотеатрах стал чем-то само собой разумеющимся. Кто бы мог подумать, что он начинал в 1965 году с того, что пытался убрать «шипение» с магнитофонной плёнки?

Жанна ВАСИЛЬЕВА,
спецкор «ЛГ», БЕРЛИН

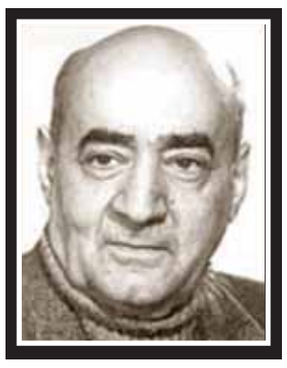
ЭПИТАФИЯ

Первопроходец

На 91-м году скончался выдающийся режиссёр, замечательный педагог, один из родоначальников советского телевидения, народный артист СССР, фронтовик **Сергей Колосов**.

Сергей Николаевич первым начал снимать многосерийные телефильмы. «Вызываем огонь на себя» и «Операция «Трест» были и остаются вершинами жанра, как и многие кинофильмы и театральные спектакли, которые он поставил. Жизнь этого благородного человека, настоящего подвижника – пример самоотверженного служения отечественному искусству.

Сценограф эпохи



Из жизни ушёл патриарх отечественной сцены, старейший театральный художник России, народный художник СССР **Иосиф Сумбаташвили**. Родившись ещё до революции, в 1915 году, он прожил огромную, наполненную творчеством жизнь, работал в лучших театрах и с лучшими режиссёрами России. На посту главного художника Центрального академического театра Российской армии трудился до своего последнего дня. Он оформил множество спектаклей, которые были гордостью отечественной сцены: «Смерть Иоанна Грозного», «Антоний и Клеопатра», «Пир победителей», «Павел I», «Много шума из ничего», «На дне»...

Те, кто знал Иосифа Георгиевича, никогда не забудут этого необыкновенно талантливого и доброго человека.

ДИСКУССИЯ: ОСТАНЕТСЯ ЛИ РУССКИЙ ВЕЛИКИМ И МОГУЧИМ?

Ты всё ещё поддержка и опора

Но как не впасть в отчаяние от косноязычия и небрежения нормой

Язык – феномен специфический. Имея социальную природу, он «живёт» по своим законам и практически не подвластен сознательному и целенаправленному реформированию – ни один человек или социальный институт, какой бы властью они ни обладали, не могут менять язык по своему желанию и усмотрению. Никаким самым грозным и строгим указом невозможно с завтрашнего дня или даже со следующего года, скажем, отменить артикль в английском или ввести плюсквамперфект в русском. При этом общество может в определённой степени влиять на язык, создавая благоприятные условия для его развития или, наоборот, способствуя его вырождению и умиранию.

Практически полностью согласен с положениями статьи А.В. Кирилиной (**«Глобализация и судьбы языков». – «ЛГ», № 5**), говорящей о тех вызовах, с которыми сталкивается русский язык перед лицом глобализации. Тотальное доминирование английского языка (вернее, того его варианта, который может быть назван «глобальным английским») закономерно, нравится это нам или нет. Популярность языка напрямую зависит от того количества информации (научной, коммерческой, политической и пр.), которую на этом языке можно получить.

Опасность, которую несёт с собой глобализация, многократно возрастает при «языковой болезни», а она, на мой взгляд, в нашем обществе налицо. Основные её симптомы: низкая культура речи, падение «языкового авторитета», резкое снижение коммуникативной компетенции.

До недавнего прошлого наиболее авторитетным источником литературной нормы считалась художественная классическая литература. В настоящее время центр нормообразования перемещается в СМИ. Говоря о норме, надо упомянуть об одном важном аспекте – об экземплификации. Таким мудрёным словом называется образец, та самая образцовая речь, в которой все нормы соблюдаются и которая призвана служить примером для подражания. В советское время, скажем, таким образцом служила речь дикторов телевидения. Средства массовой информации поддерживали и закрепляли представления о качественной речи, формируемые в ходе школьного обучения. Речь, льющаяся с телеэкрана сегодня, от образца далека. Сотрудники, скажем, молодёжных каналов стремятся перещеголять друг друга в использовании сленга, не гнушаясь при этом обсценной (нецензурной) лексики, видимо, чтобы быть ближе к аудитории.

Небрежение нормой начинает носить иногда характер демонстративный, а декларируемая свобода речевого поведения выражается в отказе от каких-либо табу. Ярким (но далеко не единственным) показателем этого является беспримерное расширение зоны употребления обсценной лексики. На отечественном телевидении за последние несколько лет я наблюдал три программы, которые доказывали допустимость, даже необходимость употребления подобных единиц в публичной речи. Любопытно, что инициатором и активным участником одной из этих передач был тогдашний министр культуры России. В другой известный кинопродюсер с пеной у рта доказывал, что в фильмах, повествующих о войне, никак нельзя обойтись без мата, ибо иначе выйдет неправдоподобно и нехудожественно. Интересно, что ни одному из участников программы не пришло в голову спросить, как обстоит дело с художественностью и правдоподобием, например, у Л.Н. Толстого, не понаслышке знавшего, что говорят на поле боя солдаты и офицеры. Наверное, за лживость и нехудожественность «Севастопольские рассказы» и «Война и мир» должны отправиться в мусорную корзину, там, правда, у них будет достойная компания с «Тихим Доном», «Белой гвардией» и многими другими книгами.

Особо следует коснуться проблемы безграмотности, накатывающей могучими волнами со всех сторон. На протяжении нескольких месяцев москвичи на всех станциях метро могли любоваться плакатом, призывающим обращать внимание на **безхозные** вещи. У станции метро «Юго-Западная» меня восхитил огромный рекламный стенд, на котором лубочный царь, глядя на дымящиеся пельмени, заявлял: «Полакомлюсь, как **в старь** я!» Растяжка над входом в один из московских ресторанов предлагает посетителям поучаствовать в **безпройгрышной** лотерее, а плакат, приглашающий в автосервис, рекламирует высокое качество «жестяных и **молярных** работ». В настоящее время в вагонах московского метро размещены плакаты, широко рекламирующие подсолнечное масло «Золот**ая** семечк**а**». Количество примеров без труда могу увеличить многократно.

Безграмотность, конечно, существовала всегда, но трудно представить, чтобы столь грубые ошибки и в таких количествах могли встречаться в публичных текстах лет 20 назад. И уж точно не могло быть того, что довелось мне увидеть в вечерней программе «Вести» 2–3 года назад. Новостной сюжет повествовал о том, что, кажется, в Моздоке (могу ошибаться) установлен памятник воинам, погибшим в Чечне. Когда высокое армейское начальство сняло покров с монумента, взглядам телезрителей открылась каменная плита, на которой золотыми буквами было написано: «**Ни кто** не забыт и **ни что** не забыто». Представляется, это тот случай, когда безграмотность превращается в прямое кощунство.

Должен коснуться одного постоянно звучащего аргумента противников представленной выше точки зрения: а разве когда-нибудь в прошлом речь всех носителей языка соответствовала норме? Разве СМИ прошлых лет были в этом отношении безупречны? Можно вспомнить хотя бы речь руководителей нашей некогда любимой партии. Многие, возможно, ещё не забыли выпускника МГУ Горбачёва с его «Просил же не ложить записки, а они всё ложат и ложат».

Во все времена был слой людей, пусть достаточно тонкий, которые являлись носителями того самого литературного языка, речь которых считалась образцовой, главное, была престижной. Человек, желающий считаться образованным, непременно старался овладеть литературным языком, неумение пользоваться им было неприличным, как, например, неумение пользоваться ножом и вилкой. Человек, пишущий с ошибками, стыдился этого. В разные периоды истории отношение к владеющим литературным языком было разным, но никогда не подвергался сомнению их языковой авторитет, который мог вызывать восхищение или зависть и раздражение, но при этом и вольное или невольное стремление подражать их речи. Сегодня с обвальным падением престижа образования речь идёт не о получении практических навыков по зарабатыванию денег, а именно об образовании – рухнул и престиж хорошей, чистой речи. Люди, владеющие ею, вовсе не обладают для молодёжи каким-либо авторитетом, и подражать им точно никто не собирается. Ведь и так всё понятно! Забейте!

Всё, о чём говорилось выше, как ни странно, далеко не главная проблема. Это то, что лежит на поверхности, то, о чём любят с пафосом говорить пуристы, то, на что им со снисходительной улыбкой отвечают утверждающие, что беспокоиться не о чем, приводя в пример Пушкина, которого тоже в своё время обвиняли в порче языка. Названные явления мне не очень, мягко говоря, нравятся, но готов даже согласиться с, назовём их так, «лингвистическими либералами» в их споре с «консерваторами»: язык способен сам справиться с указанными тенденциями и «переварить» их себе на пользу. Удивляет другое: никто из участников спора, среди которых немало авторитетных языковедов, словно не замечает главной опасности.

Ведь главная проблема сегодня – значительное, заметное невооружённым глазом снижение речевой компетенции большого количества представителей русского языкового сообщества. Речь идёт прежде всего о молодёжи. Мой собственный преподавательский и жизненный опыт позволяет утверждать, что едва ли не большинство современных школьников просто не способно понять тексты классической литературы, входящие в школьную программу. Я говорю об элементарном понимании содержания и самого общего смысла текста, о способности к хотя бы примитивному пересказу. К сожалению, не владею статистикой, но готов утверждать, что значительная часть современных школьников старших классов не способна написать связный текст на 3–4 страницах на самую примитивную тему, например: «Как я провёл лето» или «Забавный случай из моей жизни». Повсюду мы наблюдаем «клиповость», бессвязность сознания, рождающие неспособность воспринимать сколько-нибудь развёрнутые тексты, а тем более создавать подобные.

Вот примеры из школьных работ последнего ЕГЭ (задание С), проходившего в одной из, как ныне принято говорить, элитных московских школ с гуманитарным (sic!) уклоном (орфография и пунктуация исправлены).

Дружба связала Гончарова и Обломова.

Наташа Ростова жила только по душе и по сердцу, поэтому часто бывала на природе. А посмотрите на плохих героев Толстого, где они на природе, нигде и никогда, потому что всегда врали.

Андрей Болконский покрывал своим телом бойцов на войне, защищая их от смерти в бою.

Наташа Ростова ушла простой санитаркой в госпиталь и грузила в вагоны раненых.

После смерти Пушкина умер его лучший друг Лермонтов по той же причине.

Лермонтов однажды ехал в электричке и заступился за двух женщин, которые теряли достоинство.

Повесть «Собачье сердце» рассказывает про преданность собаки человеку.

Достоевский провёл своё детство в библиотеке. Туда часто захаживали Платонов, Чехов и Паустовский. Они рассказывали Феде свои простые, незамысловатые истории. Достоевскому не всегда было интересно их слушать, но это очень помогло ему в дальнейшей жизни.

Стоит вспомнить «Преступление и наказание» Грибоедова. Софию. У неё был божий дар, и она за спасибо поставила на ноги Раскольникова. Она была старой, больной, одинокой женщиной. Она не нуждалась в славе или героизме, ей на самом деле хватало спасибо.

Количество анекдотических примеров можно умножить многократно. При этом прекрасно понимаю, что никакой доказательной силой они не обладают и не могут однозначно свидетельствовать о падении языковых нравов. Наверное, любой учившийся в своё время в школе может привести немало примеров подобного рода. Но у меня всё больше складывается впечатление, что сегодня дремучее невежество и косноязычие авторов подобных пассажей вовсе не являются исключениями.

Можно винить в этом Интернет с его мелькающими картинками и отрывочными фразами. Может, дело в телевидении, главной задачей которого является, как представляется, не дать человеку сосредоточиться, вникнуть в суть любого, пусть самого незначительного вопроса. Не знаю, является весь этот кашеобразный хаос отражением состояния сознания нашего общества или, наоборот, некие злые силы с помощью такого телевидения и Интернета деформируют нашу слабую ментальность. У любой из данных точек зрения найдётся немало сторонников.

Скажу о главной, на мой взгляд, причине происходящего. **Речь идёт о тотальном, насаждаемом, активно пропагандируемом отказе от интеллектуального усилия**, интеллектуального напряжения, что наблюдается во всех областях нашей жизни, во всех социальных группах. В обществе, где прямо декларируется презрение к фундаментальному образованию, где министры и первые лица государства постоянно твердят о необходимости научить молодёжь практике, а не всяким там никому не нужным умствованиям, где министр образования заявляет, что главная задача школы состоит в воспитании квалифицированного потребителя, другого и быть не может. Как бы то ни было, проблемы русского языка лежат, конечно, не в нём, а во внеязыковой действительности, самым печальным образом влияющей на речевую практику носителей этого языка.

И последнее. Пару лет назад на одной научной конференции зашёл разговор о том, что современные студенты не умеют писать, речь, естественно, шла не о владении грамотой, а о способности создавать связные развёрнутые тексты, о том, что приходится организовывать специальные учебные курсы, призванные научить навыкам письма. Я высказал соображение о симптоматичности данного явления и сказал, что в моё время у человека, поступившего в университет, уже предполагалось наличие сформированных навыков сложной текстовой деятельности. Одна из коллег возразила мне, что мы живём в совершенно иную эпоху, определяемую тем, что линейно-текстовое мышление теряет свои лидирующие позиции, современные молодые люди мыслят как-то иначе. С этим, наверное, можно согласиться.

Известно, что предыдущие коммуникативные революции (возникновение письменности, распространение книгопечатания) привели к кардинальным изменениям в общественном устройстве, культуре, сознании человека. Вероятно, неизбежны и те трансформации, которые несёт с собой коммуникативная революция, которую мы переживаем сегодня. Здесь сложно выступать в роли ясновидца, но уже очевидно, что электронные тексты – а студенты сегодня имеют дело в основном с ними – существенно отличаются от привычных текстов «традиционных» книг.

Новое, конечно, всегда пугает, но оно с неизбежностью меняет старое. Возможно, мои рассуждения о снижении коммуникативной компетенции лишены смысла, просто эта компетенция сегодня отличается от той, что сформирована у людей моего поколения. При всём этом замечу в защиту традиции: язык является первичной знаковой системой, той базой, на которой непосредственно или опосредованно строятся все иные знаковые системы, без языка невозможны развитие интеллекта, социализация личности, её способность к общению. Но языковая система, как уже было сказано выше, реализует себя в речи. Речь же имеет именно линейно-текстовую структуру. Общаясь, мы выстраиваем знаки языка в акустические или графические цепочки, по-другому невозможно (о телепатии не говорим). Общаемся же мы не с помощью звуков, морфем, слов, даже предложений, мы обмениваемся именно текстами разного объёма. Тексты же эти имеют именно линейную структуру и обязательно погружены в контекст, т.е. связаны со множеством предыдущих и потенциальных последующих текстов.

В связи со всем этим возникает вопрос: не означает ли отказ от линейно-текстового мышления деградацию человеческого мышления как такового? У меня нет однозначного ответа, но становится как-то тревожно, ибо эта опасность гораздо серьёзнее и вызовов глобализации, и снижения культуры речи.

Дмитрий ГУДКОВ,
доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Защитить то, что любишь

Преподаватель теории и практики коммуникации в одном из столичных вузов однажды задал своим студенткам вопрос: положительной или отрицательной им кажется кинорецензия из журнала «Афиша». Выяснилось, что принять решение будущие филологи не могут, но на фильм не пойдут, потому что в рецензии есть неприятные слова *пахан* и *подыхать*. Зато когда в рецензии были слова *снег, природа, любовь* – она считалась положительной, невзирая на прямое утверждение рецензента, что фильм скучный.

Будучи человеком умным, профессор понял, что из этой коллизии можно сделать разные выводы. Первый вынуждал признать, что студенты-филологи неспособны понять простые тексты. Этот вывод, как может догадаться читатель, был для профессора весьма неприятен, потому что настоятельно требовал выяснить, на каком этапе, вероятно, неглупые девушки утратили способность понимать несложные рассуждения и что нужно сделать для того, чтобы поправить ситуацию. Вывод требовал активного вмешательства, но наш профессор поступил иначе. Вслед за своими «девочками» он признал, что мнение рецензента – положительное оно или отрицательное – никому не интересно. А интересны как раз отдельные слова, понятия, ориентируясь на которые можно сделать вывод, смотреть кино или не смотреть. А значит, коммуникация состоялась! И никаких проблем.

Девушки-филологи пошли по жизни дальше, удовлетворяясь ровно той невеликой глубиною мышления, на которую нацелены рекламные клипы. А профессор Максим Кронгауз, чтобы его переживание не пропало даром, написал книгу «Русский язык на грани нервного срыва». Книга эта стала бестселлером, причём «наука не может ответить на вопрос» почему. Нам же с вами не составит труда это сделать, потому что мы будем опираться не только на отдельные слова, но и на рассуждения автора в целом.

Кронгауз М.А. **Русский язык на грани нервного срыва**. – М.: Астрель, 2012. – 480 с. – 4000 экз.

Одно из наиболее популярных нынче слов – «как бы». Кронгауз поёживается, называя себя «как бы лингвистом», но тут же поясняет, что с помощью этого слова «говорящий отказывается делать резкие и окончательные высказывания о мире, а каждый раз заявляет о своей неуверенности, об отсутствии у него права делать такие утверждения». Свою профессиональную задачу он видит в том, чтобы описывать, регистрировать языковые явления. Прочитавши книгу, добавим ещё одну задачу «как бы лингвиста»: он готовит слова к отправке в музей устаревших слов.

Какие слова Кронгауз определяет как «мёртвые, которые мы никогда не используем в обычной речи»? Это, к примеру, слова *смерд, чело, десница*. Вряд ли среди нас найдутся те, кто использует их в будничном обращении. Но какие же они мёртвые, если мы их понимаем? Если используем их «в необычной речи» – в стихах, в стилизациях? Если во многом благодаря им смеёмся над комедией об Иване Васильевиче? Если любим и повторяем в душе и до сих пор учим в школе русские стихи, полные, согласно Кронгаузу, «мертвяков»? Так, одним росчерком Кронгауз помечает «мёртвыми» огромное количество слов «высокого штиля» русского языка.

Но ещё бóльшая когорта слов, по мнению профессора, готовится к отправке в музей. Это слова *субботник, приятель, чаёвничать, задрипанный, чернила* и, соответственно, *клякса*. Ведь с исчезновением перьевой ручки школьник теряет зрительный образ кляксы, пропадает возможность для игры смыслами и интерпретации! Прочитав об этом кошмаре, я пошла к своей семилетней дочери и спросила, как выглядит собака, если её зовут Клякса. «Это маленькая чёрная растрёпанная собачка», – немедленно ответила дочь, ни разу в жизни не видевшая чернил, кроме как в шариковой ручке. Возликовав, я поставила ещё один эксперимент: показала дочери изображение пишущей машинки. Именно на основании ухода из нашего языка этого сочетания Кронгауз сделал глобальный вывод: «Насколько короткой оказалась наша языковая память... прошло 15–20 лет, а мы – ну, не все, конечно, но мы как общество – уже ничего не помним». Пишущую машинку моя дочь видела от силы раза два и слышала упоминание о ней. Посмотрев на фотографию, она подумала и ответила: «Письменная машинка?» Она ошиблась, она была не уверена – но разве это «ничего не помним»? И хотя она прежде не знала слов *чело* и *десница* – на то, чтобы их узнать, расширить регистр языка и передать эстафетную палочку поколений, ушло полторы минуты.

Кронгауз вообще очень любит рассуждать о смерти слова сразу вслед за явлением; он, даже ещё не регистрируя его, предрекает умирание выражению «висеть на телефоне», потому что сегодня телефоны стали такими беспроводными, что на них не повисишь. Его не интересует многовековое бытование в языке фразеологизмов «точить лясы», «бить баклуши» и огромного количества других. Они должны были помереть вместе с понятием, и если ещё нет, то уже всё равно скоро. Если же ему для какой-либо конструкции нужно утвердить иное, он вдруг ничтоже сумняшеся говорит, что «парикмахер сменил цирюльника и брадобрея совсем не потому, что в дополнение к стрижке он стал делать парики».

Когда это ему удобно, «как бы лингвист», старающийся не допускать окончательных высказываний, заранее открестившийся от того, чтобы «давать этические оценки и уж тем более запрещать», использует выражения «короткая языковая память... мы все ничего не помним» и «мы как-то отвыкли от чудовищного языка спортивных журналистов советского времени». Что же это был за чудовищный язык такой? Оказывается, это штампы «ледовая дружина», «кудесники мяча», «наши ребята». Примечательно, что новых спортивных журналистов Кронгауз журит за леность, за огромный поток заимствований, которые они даже не пытаются переводить, но тут же помечает, что язык таким образом «почти утрачивает внутренние механизмы перевода», и нигде – нигде! – не называет это явление чудовищным.

А вот ещё одно явление, которому профессор не даёт этическую оценку: «Нынешнее поколение не понимает языковой игры, основанной на смешении стилей, которая так характерна для русской литературы». Хорошо это или плохо? Молчание. Почему же? Да потому, что это явление происходит здесь и сейчас. При негативной оценке оно требует срочного вмешательства, решений и действия – а положительную кто ж ему даст! «Что вы на меня взъелись? – отбивается, хотя и немного другими словами, наш лингвист. – Я всего лишь регистрирую явление. Вы сами так говорите. Это всё народ».

Для того чтобы узнать, что думает народ, у «как бы лингвиста» есть два главных инструмента: Интернет и спелл-чекер. Всё просто: если в Сети слово *хедхантер* упоминается часто – значит, оно вошло в язык. Если слово в Интернете упоминается не очень много раз – значит, оно уходит из языка. Если спелл-чекер (компьютерный корректор) подчёркивает слово, которое он не знает, – значит, оно или ушло из языка, или ещё не вошло. Вплоть до наивности изумительной: «Из далёкого прошлого возродилось – правда, ненадолго – слово «рында». Так-то, «возродилось» – значит, ненадолго возникло в Сети. А прежде этого было мёртвым и снова исчезло! Вот такие чудеса, ведь у нас «короткая языковая память»!

Заметим: подсчитывая упоминание заимствований, поисковик считает и латинское написание, а значит, весь электронный мир, – но лингвист не делает поправку ни на это обстоятельство, ни на дублирование текстов. Зато автоматически получается, что в нашей стране огромное число провинциальных домохозяйств и людей старшего возраста «не показательны» для языка, ведь они не пользуются или мало пользуются Интернетом. Не учитывается и то, что особенно активно приумножают «новые слова» в Интернете люди специфического склада. Многие из них сами разумно не считают свой язык ни грамотным, ни даже русским (это *олбанский* язык), но нам предлагается считать их той массой, что устанавливает новые правила языка. А если при этом растёт разрыв между поколениями, между людьми образованными и необразованными, между провинцией и столицей... ну что же: «Пройдёт несколько лет, норма устоится, и останется одно написание. Оно и будет правильным. Язык выберет сам». Это же самое заклинание было предложено нам, когда мы начали строить рыночную экономику. «Отпустите вожжи, прекратите регулирование, рынок всё сделает сам». Сегодня уже даже как-то неловко об этом вспоминать, столько бед это принесло.

Хуже всего, что Кронгауз прямо призывает «не защищать язык». Говоря о факторах, влияющих на язык, он не видит различия между русским языком и языком эскимосов: оба должны меняться. А вот путь Франции, где государство занимается регулированием языковых норм и сбережением языка, по его мнению, для нас заказан. Почему? Всё просто: «Мы другие». Мы не будем слушаться. «Представить себе, что Академия наук постановила называть нечто так-то и так-то, а русский народ это покорно выполнил, довольно трудно». Кронгауз только забывает упомянуть, что такую вопиюще примитивную причинно-следственную цепочку нельзя представить вообще ни для какого народа. Сбережение и защита языка – трудное, долгое, ответственное дело, никак не свободное от этической оценки. Именно поэтому «как бы лингвисты» хотят заниматься не им, а регистрацией и починкой примуса.

Теперь мы уже готовы ответить на вопрос, почему популярна книга Кронгауза. Она популярна потому, что указывает читателю самый лёгкий путь, не без изящества учит, как оградить себя от уколов совести. Её автор настоятельно советует только одно: не защищать язык «от нас, его носителей». Точнее, от тех «нас», которые находятся на верхушке языкового распыления: равнодушных редакторов, ленивых журналистов, самоуверенных кинопродюсеров, шоуменов и безграмотных политиков. Ведь сознаемся: в пору информационной революции ткань языка, как никогда, ткёт не «народ вообще», а те, кто допущен к громкоговорителю. Такой экспансии должна противостоять мощная стена консерватизма: лишь там, где они встретятся и отчасти размоются, произойдёт допустимое, разумное и полезное изменение языка. И если мы любим наш язык, его необходимо защищать от самих себя, как, безусловно, нужно защищать от худшего в себе тех, кого мы любим.

Татьяна ШАБАЕВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, 15–21 февраля 2012 г. № 6 (6357)

ТЕЛЕРЕФОРМА

Вернуть воспитательную функцию

Продолжаем публикацию материалов о реформе ТВ в связи с планируемым созданием Общественного телевидения на базе ВГТРК. На самом высоком уровне неоднократно говорилось о необходимости приватизации государственных СМИ, однако 6 февраля **Владимир Путин** на встрече с политологами сказал: «Приватизация федеральных телеканалов... Не думаю, что это правильно. Почему? Потому что у государства всё-таки должны быть собственные инструменты информационной политики, должен быть официальный государственный канал...»

Много внимания электронным СМИ уделил и **патриарх Кирилл** в своём выступлении 8 февраля на встрече премьер-министра с лидерами традиционных религиозных общин России.

ИТАР-ТАСС

<...> Сегодня формируется цивилизация инстинкта. Она сформирована во многих странах. Что отличает эту цивилизацию? Идея потребления – иметь больше и тратить больше. Конечно, мы прошли через нищету, через скорби нашего бытия и в советское время, и тем более в 1990-е годы, и поэтому понятно, что некоторые люди, получив какие-то средства, уж очень отождествили себя с этой философией потребления. Здесь есть некое историческое объяснение, почему это произошло. Но когда это становится чем-то похожим на жизненный идеал, на основное целеполагание человека, это является опасным для жизни народа. Потому что народ, особенно в России, – многонациональный, многорелигиозный народ, который находится на таких огромных пространствах, не может жить без идеи, без объединяющей идеи. Вот этот наш культурный код, он и есть наша национальная идея, которая воспроизводит каждое последующее поколение людей с точки зрения формирования их системы ценностей.

А вот что сегодня мы имеем?

Если просто проанализировать весь информационный поток: телевидение, Интернет, средства массовой информации, другие печатные книги, фильмы – они все работают, может быть, не на 100%, но абсолютное большинство работает на формирование инстинкта человека, гражданина цивилизации. Никаких высоких идеалов!

А почему мы потом удивляемся, что выступает какая-то девушка на встрече с президентом на факультете журналистики и с некой гордостью говорит, что я отличница, но главная моя цель – это отвалить, уехать. А почему уехать? Там выше уровень потребления, там больше денег. И если у человека доминантой, его такой аксиологической доминантой, его целеполаганием является это измерение жизни, то тогда мы явно проигрываем все, потому что ещё России нужно большой путь пройти, для того чтобы уровень потребления поднять до уровня потребления других стран и обеспечить людей такой же зарплатой.

Но ведь есть области, где никакой зарплатой невозможно компенсировать риски и жертвы! <...> Никакая зарплата не может компенсировать потерю, смерть или человеческое уродство, инвалидность. Значит, для того чтобы солдат поднялся в атаку, никакой зарплатой вы его не мотивируете. Если море огня навстречу этой шеренге, которая должна подняться и идти защищать Родину, – только высочайшая мотивация, только чувство долга...

А чувство долга – это нравственное понятие и одновременно идейное понятие. Но наша цивилизация сегодня не создаёт, не формирует чувство долга. Всё направлено на формирование инстинктивного подхода: я должен удовлетворять свои потребности, чем больше, тем лучше; чем я больше буду денег на это тратить, тем лучше. Вот на этом поле мы все и существуем.

Вы очень правильно сказали о необходимости укрепить отношения церкви, религиозных организаций, государства, но ведь это будет капля в море.

Это очень правильные капли, хорошие капли. Даже если появятся какие-то религиозные передачи на федеральных каналах, невозможно уравновесить. Это абсолютно разные силы. Что произойдёт с нашей молодёжью через шесть лет, а что произойдёт через 12 лет? А если это массовым будет, идеал потребления, и массовым будет идеал отваливать туда, где можно больше заработать? Мы потеряем Россию.

Вот это самый важный стратегический вопрос, и для решения этого вопроса необходимо, на мой взгляд, сделать следующее: в 1990-е годы произошёл трагический разрыв между образованием и воспитанием, между школой и воспитанием.

Семьи оказались неспособными воспитывать детей в очень большом количестве случаев, потому что информационный поток разрушал все эти усилия семьи, иногда даже, кстати, не очень умелые. Ну, разный уровень родителей – и интеллектуальный, и нравственный, и духовный, и поэтому конкурировать было невозможно, что очень хорошо нам показал сериал «Школа». Вот лицо современного школьника, молодого человека. Ну как родители несчастные могут <...> привить ему какие-то высокие идеалы? Он живёт на другой планете, что, кстати, усиливает разрыв между поколениями.

Но здесь вот что очень важно, на мой взгляд. Нужно вернуть воспитательную функцию в детский сад, в школу, в университет. У нас должна быть идейная, духовная парадигма, в рамках которой бы осуществлялось это воспитание личности, ведь у нас есть ценности. У нас есть ценности – нравственная ответственность, о которой вы тоже хорошо сказали в своей статье: свобода, честность, достоинство, справедливость, правда. Не в силе Бог, а в правде.

Вот если мы наполним наше воспитательное пространство этими идеями, если мы научимся все вместе работать, чтобы формировать умонастроения нашей молодёжи, то мы сумеем, может быть, я надеюсь (100-процентной уверенности нет, потому что слишком силён этот информационный поток), но мы сумеем остаться островом свободы... Случайно сейчас использую этот образ – остров свободы. Я буду молиться и делать всё для того, чтобы Россия осталась островом свободы. Конечно, очень важна культурная политика, политика на телевидении. Ведь можно и боевики делать так, чтобы хорошая идея была и чтобы был ясный положительный герой. Ведь все мы смотрели фильмы про милицию, про разведчиков, которые носили такой характер боевика, но тем не менее они ведь имплицитно несли высокую идею. Да, они воспитывали любовь к Родине, самопожертвование человека, честность, принципиальность, готовность пойти на подвиг. Вот я думаю, что сегодня кинематограф, телевидение должны это нести не путём морализаторства, от которого всех, простите, тошнит, а путём мудрого и правильного включения наших национальных ценностей, которые одновременно являются и общечеловеческими, конечно, ценностями, вот в этот наш информационный поток и в наши воспитательные усилия.

Вот сегодня речь идёт о создании общественного телевидения. Мы вначале с энтузиазмом восприняли эту идею, а потом призадумались. А призадумались вот почему: у нас чаще всего самые пронзительные голоса и самый большой крик раздаются со стороны тех, кто не представляет большинства. И на них власть реагирует с некоторым испугом – есть такая реакция. Но ведь это не большинство. А большинство, я вас уверяю, это те, которые сегодня соглашаются с тем, что я говорю...

И мы, как и большинство телезрителей, соглашаемся с тем, что сказал патриарх, а также с тем, как отозвался о ТВ в своей статье, опубликованной 12 февраля в «Комсомольской правде», Владимир Путин: «Излишне коммерциализированными (а многие говорят прямо – пошлыми) стали программы федеральных телеканалов». К этим «многим» принадлежит и «ЛГ», мы более десяти лет воюем с пошлятиной на ТВ. Далее премьер-министр, как будто услышав наши многочисленные призывы возродить образовательное вещание, пишет: «Цифровое телевидение даёт возможность создать общенациональные специализированные каналы. Нам нужно иметь каналы, посвящённые классической музыке, театру, изобразительному искусству и архитектуре, «литературный» и «исторический» каналы. И, конечно, несколько каналов «детской классики».

То есть и народу, и его духовным и политическим лидерам становится понятно, что на повестке дня не создание какого-то отдельного общественного телеканала, а реформа всего телевидения вообще.

ТЕЛЕСЕРИАЛ

В постели с маршалом

Последний выпуск передачи **«Человек и закон»** автор и ведущий Алексей Пиманов начал с монолога о сериале, продюсером которого он по совместительству является: «*...Все три недели показа мы, создатели, старались не ввязываться в дискуссии вокруг фильма «Жуков». О том, что будут спорить, причём яростно, мы знали заранее и были к этому готовы*». Продюсер не совсем прав, потому что ни споров, ни дискуссий не было. Родственники и люди, знавшие Жукова, не спорили, а бесспорно возмутились тем, что в фильме нет ни исторической правды, ни художественной, а есть оскорбление памяти маршала Победы. Тут уместнее не дискуссионные статьи писать, а в суд обращаться. Помнится, родственники Константина Симонова запретили использовать фамилию писателя и актрисы Серовой в сериале «Звезда эпохи», но к дочерям Жукова за разрешением никто не обращался.

Историки наотрез отказываются обсуждать фильм, так как не видят в нём предмета для рассмотрения – почти всё неправда, а в лучшем случае полуправда – в море выдуманного «создателями» сериала труднее найти что-то соответствующее реальным событиям, чем то, что не соответствует. Начиная с первых сцен, о которых «ЛГ» уже писала («Начали со лжи», № 4, 2012), и кончая гламурным подбором актёров на главные роли. Трудно представить исполнителей и внешне, и психофизически более далёких от прототипов, чем Александр Балуев (Жуков), Елена Яковлева (Александра Диевна), Ирина Розанова (Русланова)...

Далее продюсер, намекнув, что все, «яростно спорившие» и не принявшие фильм, глупцы, пояснил: «*Надеюсь, в последних сериях умным людям стало окончательно ясно: зачем мы делали это кино... Так, как били почти тридцать лет великого маршала, мало кого били в нашей истории. За то, что был он сильным, талантливым и крайне неудобным власти. Сталин, Хрущёв, Брежнев, каждый по своему, но давили они его, как могли, потому что боялись, и это, считаю, приговор той, да и любой другой системе. Таких людей бок* (телеведущий, к сожалению, до сих пор не научился правильно произносить слово «Бог» с фрикативным «г». – **А.К.**), *как правило, не бросает, он послал Жукову великую последнюю любовь, как компенсацию за всё, как будто показав нам всем, что всё-таки в жизни любого человека является главным*».

То есть, с одной стороны, нас убеждают, что для маршала Жукова (почти как для последнего генсека КПСС) главное – не армия, не страна, которой он служит, а любовь. И потому можно беззастенчиво забраться к нему в постель. Главное для «создателей»: не какой-то нравственный посыл, а рейтинг. С другой стороны, вынесен модный на ТВ «приговор той, да и любой другой системе». Не знаю, что имел в виду продюсер, говоря о «любой другой системе», но та, которая в фильме, выдвинула огромное количество талантливых людей, создавших великую страну и защитивших её в страшные годы войны. Кстати, маршалов Рокоссовского и Мерецкова в прямом смысле били и давили куда больше, чем Жукова...

И в заключение: так «зачем создатели делали это кино?»

«Окончательно ясно»: «умные люди», наученные горьким опытом многочисленных «телереконструкций», фильм смотреть не стали или смотрели с отвращением, а остальные, особенно молодые, которых зацепили постельные сцены, могут сделать вывод: если ты «сильный и талантливый», то Родине служить не надо, так как тебя за это непременно будут «бить и давить». Лучше заняться «любовью» – так «бок» велел.

Александр КОНДРАШОВ

ТЕЛЕКАНАЛ

«С.У.П.» с обглоданным «Перцем»

Пока общественность обличала вульгарность телепроекта-долгожителя «Дом-2» и каналов МузТВ и MTV, на месте канала ДТВ без шума и пыли воцарился графический символ в виде какого-то уж очень подозрительно вытянутого стручка острого красного перца с выгрызенным бочком, «сменился контент», и...

И теперь уже милашки с ТНТ – просто пансион благородных девиц в сопоставлении с соискателями личного счастья из передачи «Мама в законе»! А ещё с этим каналом крупно повезло любителям дёрганых кадров, звуковых резкостей, рваных ритмов, всякого рода «голых и смешных» улётных видео.

Когда среди авиакатастроф, мордобоя и дорожных войн на «Перце» возникает шанс рассказать о незаурядных человеческих судьбах, сюжеты подаются также исключительно с глумливыми кривляньями. Например, среди курьёзов передачи «С.У.П.» («Самые улётные персоны») некоторые уникальные человеческие истории могли бы по-настоящему тронуть, а то и потрясти. Но и рассказ о жителе кавказского села, вопреки безнадёжному приговору природы сумевшему раскрыть в себе незаурядные творческие задатки благодаря любви и поддержке родни, вышучивается закадровым комментарием, залихватской музычкой, комикующими рывками монтажа...

Если на всяких МузТВ–MTV иные девы-ведущие, вдосталь поизображав пьяных «блондинок в шоколаде», затем нацепляют «правильные» очки и с умным видом перекочёвывают учить жить на других каналах, то Нагиев и Пореченков, несомненно, предстают на «Перце» значительно более опустившимися.

«Достижения» создателей канала особенно занятно воспринимаются в свете оглашённых только что высоких властных инициатив в отношении российского телевидения.

Любовь ГЕРАСИМОВА,
НОВОСИБИРСК

А ВЫ СМОТРЕЛИ?
televed@mail.ru

Парадоксальный Первый

Телевидение не могло не заметить выступление Владимира Путина на съезде РСПП (Российский союз промышленников и предпринимателей), который злые языки ещё называют «профсоюзом олигархов». Событие это освещалось подробно, однако следует отметить, каким образом подал новость Первый канал в программе «Время». Интерпретация события главной информационной программой страны важна ещё и потому, что оппозиция неоднократно обвиняла ТВ в несправедливо предоставляемых преимуществах премьер-министру. В этом смысле сюжет Алексея Петрова со съезда РСПП можно представить как нечто парадоксальное – вместо ожидаемого пиара Владимира Путина зрителям был представлен сюжет, который, скорее, его компрометировал.

Репортаж изобиловал множеством, как показалось, малозначимых подробностей, отвлекающих от сути важных высказываний премьера. Камера любовалась холёной публикой, моментами так называемого *живого общения* – нетелегеничным хохотком и солдафонскими шуточками, что, безусловно, лишь усиливало раздражение телезрителей, понятно как относящейся к богачам.

Но, самое важное, в сюжете был упущен ключевой момент выступления Владимира Путина, а именно – его высказывания о проблеме легитимности приватизации 90-х. Казалось бы, эту тему следовало бы отметить особенно, тем самым увеличив лояльность электората, однако ничего подобного не произошло.

Да, кандидат в президенты не предложил идею тотального пересмотра итогов приватизации, что, несомненно, гарантировало бы ему абсолютную победу на предстоящих выборах. Но ведь в глазах избирателя даже публично обнародованный тезис о бизнесе, который «нередко сводился к простому дележу государственного пирога», это уже революция.

Почему же Первый канал решил не затрагивать этой темы, даже в ущерб фавориту грядущих выборов? Неужели разговор о нелегитимности приватизации опаснее возможных неприятностей по линии пиар-поддержки Владимира Путина?

Вадим ПОПОВ

Вася, Вася, я снялася!

На ТВ 3 время от времени отдают на растерзание алчным ясновидицам и предсказательницам память о великих людях. На сей раз тяжкий жребий пал на Василия Шукшина. О нём сняли фильм «Предчувствие смерти. Василий Шукшин», который показали в лунную морозную ночь, в какую любят шабашить ведьмы. Незадолго до смерти Шукшин написал: «Ни разу в жизни не позволил себе жить расслабленно. Вечно напряжён и собран. Начинаю дёргаться, сплю с зажатыми кулаками. Это может плохо кончиться, могу треснуть от напряжения». Так вот, оказывается, великий писатель, актёр и режиссёр рано умер не потому, что всю жизнь работал на износ, а вовсе наоборот – работал на износ, побуждаемый постоянным предчувствием смерти. И хотя привлечённые в качестве говорящих голов серьёзные люди – оператор Вадим Юсов, режиссёр Александр Митта и кинокритик Кирилл Разлогов – утверждали, что это не так, куда им переговорить шабашников – ясновидицу, нумерологиню и неутомимого гороскопщика. Всех тех, кого Василий Макарович называл профурсетками в юбках и штанах. Шабашники приводили с умным видом самые нелепые доводы. Мол, чуть ли не решающую роль в смерти Шукшина сыграло то, что автобус, на котором он в роковую ночь вместе с другими актёрами возвращался из бани, задавил зайца. Верная примета, и Шукшин, зная это, совсем закомплексовал. Правда, по воспоминаниям очевидцев, задавили кошку, но это уже не важно. Или другой довод: сыгравшие на экране или сцене смерть (в данном случае имелась в виду роль Егора в «Калине красной») долго не живут. Жаль, что не вызвали дух Лоуренса Оливье – он бы опроверг: множество раз умирал на сцене молодым Гамлетом, а сам покинул жизнь на девятом десятке.

Талантливый садовод, предпочитающий мистическим спекуляциям реальность, вывел сорт чёрной смородины. Очень крупная и вкусная. Занялись бы создатели фильма производством этого сельхозпродукта вместо кинематографического. Польза была бы – и им, и людям. Название у ягоды – «Память Шукшина».

Георгий ВАСИЛЬЕВ,
ЯРОСЛАВЛЬ

Крутизна по-нашему, или Навстречу выборам

7 февраля, ближе к полуночи, канал НТВ начал показ фильма **«Крутые нулевые»** (в программе значится как премьера документального цикла). Фильм хорош по меньшей мере тем, что напоминает многим из нас, насколько короткой у нас бывает память. Это картина о начале нулевых, о том, с чем пришлось столкнуться молодому, ему ещё не было и пятидесяти, президенту Владимиру Путину в постельцинскую пору, когда до коллапса страны, казалось, было рукой подать. Фильм напоминает, в частности, о том, кто мог быть причастен к гибели В. Листьева и П. Хлебникова. А потом скрылся в Англии. Фильм напоминает и том, что уже на своей первой встрече с олигархами Путин одним из условий партнёрского сосуществования бизнеса и власти (помимо равноудалённости всех олигархов) потребовал от скороспелых богачей не «играть в политику». Но далеко не все, как, например, Ходорковский, на деле соответствовали договорённости и иногда позволяли себе, о чём довольно прозрачно говорит одна из героинь фильма, ко дню рождения «подарки» в виде неожиданного убийства какого-нибудь строптивого администратора.

Речь в картине не только о знаменитых толстосумах. Но и о тех, кто на словах и в парламенте бьётся за право трудового народа. С претензией на сенсацию звучат в фильме откровения о нефтеперерабатывающих заводах, которыми владеет лидер КПРФ Г. Зюганов. Приводятся свидетельства, как зарабатывает и в каких объёмах лидер «Справедливой России» С. Миронов.

Что ж, коль востребована нынче полная правда обо всех, то, если, конечно, всё у создателей картины подтверждается серьёзной фактологической основой, или она в чём-то приближает нас к ней.

Политобозреватель «ЛГ» Владимир Сухомлинов обратился к депутату Госдумы РФ, заместителю председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Вадиму Соловьёву (фракция КПРФ) с просьбой прокомментировать информацию относительно председателя партии, обнародованную в эфире НТВ. Соловьёв сказал: «Информация эта – чёрный пиар. Ещё около трёх лет назад мы выиграли в Савёловском суде Москвы иск против Бориса Кагарлицкого, который в своём докладе «Штормовое предупреждение» выдвигал в адрес Зюганова схожие (в том числе по нефтеперерабатывающим предприятиям) и иные обвинения. Где-то около полугода Кагарлицкий не появлялся в суде, а когда ему пригрозили штрафом, то вынужден был предстать перед ним, по сути признав, что доказательств у него нет. Он извинился перед Зюгановым и разместил это извинение на своём сайте, было заключено мировое соглашение. Странно, что такая солидная компания, как НТВ, обратилась к этим опровергнутым инсинуациям. Мы направили жалобу на это в ЦИК, Генпрокурору РФ, генеральному директору телекомпании».

Редакция обратилась в саму ***компанию НТВ*** *с просьбой дать ответ на вопрос: какова доказательная база утверждения, что председатель КПРФ Зюганов владеет нефтеперерабатывающими заводами? Получили ответ:* «Без комментариев».

СИТУАЦИЯ

На одной доске с банно-прачечным комбинатом

На днях в Союзе театральных деятелей России собрались представители столичной Мельпомены, чтобы обсудить, как им жить дальше и что они могут нового внести в Концепцию развития театральной культуры до 2020 года, принятую на высшем уровне.

По жанру это напоминало дискуссионный клуб, который решил открыть в СТД его председатель Александр Калягин, немало заинтересованный в продвижении театральной реформы, поскольку у него тоже есть свой коллектив «Et Cetera», куда недавно пришёл главным режиссёром Роберт Стуруа и начал репетировать. Но речь не о нём и не о тех, кто бежит впереди прогресса и считает репертуарные театры устаревшими для рыночной системы. Речь шла как раз об этих коллективах и кто главный в них – директор или худрук? Как избежать конфликтов в труппах и поможет ли в этом всеобщая контрактная система, не имеющая никаких социальных гарантий, а также до каких пор департаменты по культуре будут изгонять руководителей театров, не советуясь с общественностью?

Кстати, новый глава московского департамента по культуре Сергей Капков присутствовал на стихийном вече, но пока с него «взятки гладки». Поскольку не он расторгал контракт с худруком Театра имени Станиславского Александром Галибиным и назначал на его место Валерия Беляковича; не он одобрял заговор против Любимова в Театре на Таганке и возлагал большие надежды на лидера обиженных Валерия Золотухина, всем своим творчеством обязанного Юрию Петровичу. И уж, конечно, не он тасовал директоров ведущих театров, ничего не объясняя, а только ставя перед фактом. Теперь Капкову предстоит продолжить дела своих предшественников: материально поддерживать 88 столичных театров, договариваться с рекламным бюро по поводу увеличения театральных афиш на улицах, доплачивать к каждому билету в рамках социальной программы по 5 тысяч рублей, а также продвигать идею открытых сцен, которых в Москве всего-то две. Одна – это центр Мейерхольда, куда надо записываться за год, и аренда столь велика, что выгоднее договориться с любым театром во время его выходных. Вторая площадка находится в бывшем подвале Анатолия Васильева, который после снятия экс-мэра Лужкова (с ним у режиссёра произошёл известный всем конфликт) вернулся в Москву, и ему пообещали отдать это помещение для творческой лаборатории. Так что начинающим режиссёрам пока рассчитывать не на что. Ведь не каждый маститый худрук пустит к себе новичка, пока у нас таких двое: Олег Табаков и Алексей Бородин, чтобы рисковать кассой, наполнение которой стало главным аргументом успешного существования театра, приравненного к обслуживающему учреждению. То есть театр поставили на одну доску с банно-прачечным комбинатом, где главное – обслужить клиента, а не дать ему духовную пищу.

Вот так и бывает, когда культурой начинают заниматься финансовые структуры, а министр культуры дипломатично уходит от ответа, поскольку он зависим от того же Министерства финансов, давшего в прошлом году на развитие 700 театров в России 88 миллиардов рублей. Много это или мало? Посудите сами: если артисты в провинции в среднем получают 15–20 тысяч рублей, а труппа состоит из 30 человек и на самое скромное оформление уходит 400 тысяч рублей, не говоря о столичных коллективах, где актёрские ставки в два раза выше, прибавьте к этому привилегированные академические театры, то сумма получается немалая.

Так что же выходит: театральная культура убыточна? Конечно! И это ни для кого не секрет. Тогда зачем держать столько нахлебников? Ради того, чтобы Россия по-прежнему считалась театральной державой, а репертуарные театры – национальным достоянием? Всё это очень красиво звучит и укрепляет авторитет в собственных глазах, только сама структура репертуарных театров давно устарела, да и сами театры, что греха таить, вот уж двадцать лет, как отделились от государства. Прежний гражданский театр перестроился в совершенно другую сторону – на потребу вкусов продажного рынка. Почему же тогда государству надо субсидировать его? Не пора ли заняться сортировкой?

Ни один из руководителей театров по вопросу вивисекции стационарных коллективов со мной не согласится и будет прав. Он приведёт массу доводов в защиту репертуарных театров как главной кузницы актёрских кадров, поставляющих исполнителей для телевизионных сериалов и насколько возможно сопротивляющихся мейнстриму пошлости, заполняющей те же телеэкраны. Не говоря о том, что ни актёры, ни режиссёры в России социально не защищены, это вам не Франция и даже не Италия. Спрашивается: а кто у нас защищён? Неслучайно профессор ГИТИСа Геннадий Дадамян с пеной у рта доказывал, что без социальных гарантий и своего профсоюза нельзя начинать реформы.

Но ведь они уже идут... Правда, пока на добровольных началах артисты соглашаются на контракты и то, когда им это выгодно, а через год-два руководители театров из-за экономии средств вынуждены будут сокращать штаты, как это уже делается в других отраслях, и тогда никто пикнуть не посмеет. Практика также доказывает, в тех же провинциальных театрах, что на первое место вышли менеджеры – директора, как в кино продюсеры. Хотим мы того или нет, но если художественный руководитель не обладает менеджерскими способностями, как Олег Павлович Табаков в МХТ, театру не устоять, или это должен быть крепкий тандем худрука и директора, как в Ленкоме. Поэтому, сколько бы режиссёры ни возмущались своим бесправием, сколько бы ни говорили о ротации худруков в репертуарных театрах, очень много зависит, кто руководит культурой и на каком она месте стоит в приоритетах государственной системы.

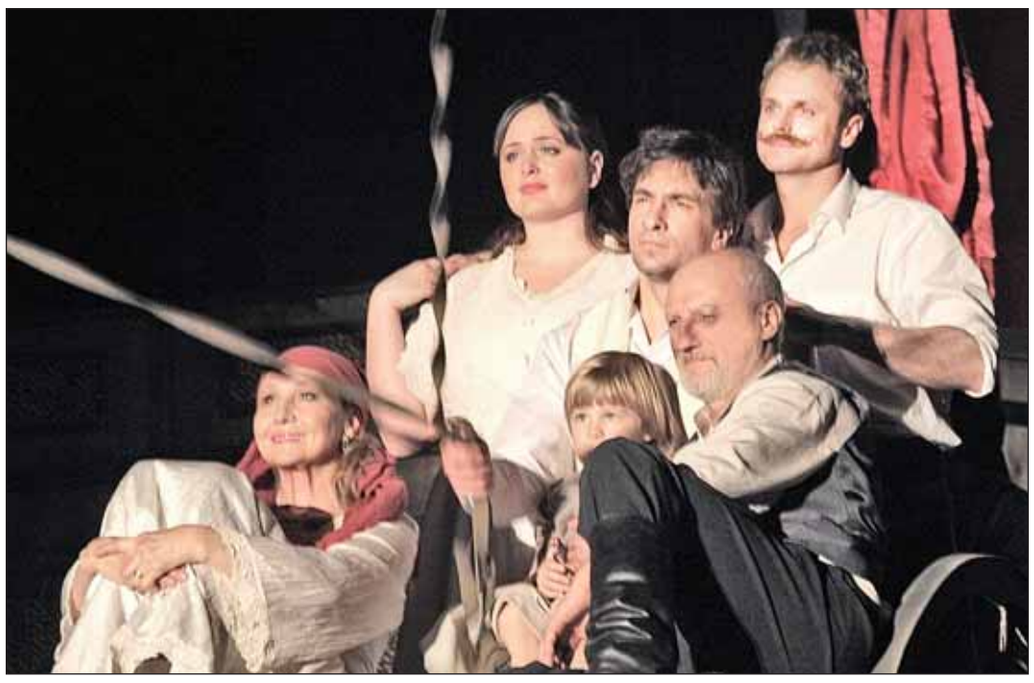
Так что поспорили в СТД на славу, выпустили пар... И, можно сказать, всё бы ушло в свисток, если бы Александр Калягин не предложил ведущим режиссёрам пройти с ним в одно место и посмотреть, насколько оно пригодно для экспериментов молодых постановщиков. Ведь насколько известно: эксперимент – это поиск границ познания.

Любовь ЛЕБЕДИНА

ПРЕМЬЕРА

Весёлые бандиты

В Театре имени М.Н. Ермоловой – премьера спектакля «Одесса 913» по мотивам произведений Исаака Бабеля. Захватывающее зрелище, изобретательность режиссуры не могут оставить зрителя равнодушным, однако в какой-то момент всё-таки замечаешь: за яркой формой есть содержательная часть, которая нуждается в точной нравственной оценке.



Михаил ГУТЕРМАН

Режиссёр Родион Овчинников, собственноручно написав инсценировку, соединил его «Одесские рассказы» и пьесу «Закат». Инициатива постановки принадлежит продюсеру Леониду Роберману, основателю и руководителю театрального агентства «Арт-Партнёр XXI».

Перед нами легендарная Молдаванка, дореволюционная Одесса. Она – главный герой спектакля. Город-праздник, город, который манит, волнует и влечёт людей из поколения в поколение. Пространство сцены (художник Максим Обрезков) – это четыре подвешенные на тросах деревянные бочки (которые по ходу действия спектакля будут то опускаться, то снова подниматься), деревянная повозка в центре, трансформирующаяся то в стол, то в кровать, то опять в повозку и деревянный забор вдоль сцены.

«Мендель Крик (Юрий Беляев) собирается продать свою знаменитую на весь город конюшню и оставить семью ради красавицы Марусеньки (Наталья Селивёрстова). Его жена Нехама (Светлана Головина) давно потеряла сон от безумия, охватившего весь дом. Его дети бунтуют: юный горячий Лёвка (Антон Сёмкин), перезрелая невеста Двойра (Мария Бортник) и Беня (Григорий Антипенко). Именно Беня берёт власть в свои руки. Он встаёт во главе семьи, выдаёт сестру замуж, а сам вступает в банду налётчиков и становится их Королём. Беня Крик вершит суд во всём городе...» – так написано в пресс-релизе театра, об этом, собственно, и поставлен новый спектакль.

Режиссёр Родион Овчинников – замечательный педагог, выпустивший целую плеяду талантливых учеников из стен Щукинского училища. Он – истинный вахтанговец и точно знает, что такое праздник на сцене, что такое театральный балаган и как заставить зрителей получать от театра радость. Спектакль «Одесса 913» наполнен искромётными одесскими шутками, колоритной еврейской музыкой, танцами, громкими песнями и стихами. Его спектакль дышит живой праздностью. Артисты, наперебой используя характерный одесский говорок, то и дело отпускают в зал злободневные шутки.

Яркий одесский колорит спектакля напоминает фламандские натюрморты. Родион Овчинников не жалеет красок и использует густые мазки. Тут всё на повышенных тонах, гиперболизировано, ярко, карикатурно: существование актёров, юмор, само течение спектакля.

Отдельно хочется сказать о ярчайшей актёрской работе спектакля «Одесса 913» – это Арье-Лейб в исполнении Александра Сирина. Его персонаж практически всё время присутствует на сцене, он как хранитель истории народа. «Гордый еврей, живущий при покойниках», мудрец, сват, блуждающий философ и рассказчик одновременно, Арье-Лейб несёт важнейшую функцию в бабелевской истории. В еврейской культуре кладбищенские нищие – особая каста: юродивые и святые, шуты и плакальщики, назойливые попрошайки и мудрые философы – они выступают хранителями вековых заветов. Арье-Лейб Сирина обаятелен, трогателен, нежен и смешон. Своей филигранной актёрской работой он каждым своим появлением на сцене даёт новый виток развитию действия, потому что один из немногих, кто конгениален сатирическому тексту.

История Бени Крика, бандита и человека, злободневна и всегда будет интересна определённой категории зрителей. Я бы даже уточнила: она для тех, кто родился и жил в Одессе, любил и продолжает её любить. Главный герой, нахал и циник, ловко совершает преступление за преступлением, грабит и убивает людей, бьёт собственного отца и женится по грубому расчёту. Несмотря на перечисленные преступные мерзости, Беня и его налётчики вызывают у зрителей симпатию. Складывается впечатление, что у нас сейчас воцарилась мода на одесский фольклор (в кинематографе и на ТВ). Беню, бандита предреволюционной Одессы, причисляют к легендарным народным героям. В спектакле, когда его злодеяния достигнут предела, задник сцены изменится, и вместо синего небосвода перед нами появится ярко-красное полотно с тремя белокрылыми ангелами, стилизованной «Троицей», как взор свыше, как высший суд над всем происходящим, напоминающий о том, что там, наверху, всё видят и всем воздастся...

Анастасия ПРОКОФЬЕВА

КНИЖНЫЙ РЯД

«Невыдуманные рассказы»

«Нас с тобой только двое осталось оттуда, из прежнего Малого театра», – почему-то именно этой фразой Николая Александровича Анненкова, которую он периодически адресовал Татьяне Панковой, захотелось начать разговор о книге Татьяны Петровны. Может, потому, что сейчас эта фраза звучит как-то особенно горько. Так как сегодня эта «Атлантида», именуемая «старым Малым театром», и вовсе канула в Лету. Ведь уже нет ни Анненкова, скончавшегося осенью 1999 года, ни Панковой, ушедшей в июле 2011-го. И – увы, не дожившей до выхода своих мемуаров, справедливости ради стоит заметить, не написанных актрисой, а «надиктованных» ею старшему научному сотруднику творческо-исследовательской части Малого театра Елене Микельсон.

Поэтому и жанр настоящих воспоминаний, названием для которых послужила строка Анны Ахматовой, хочется определить как «невыдуманные рассказы» (встречающееся в тексте выражение самой Татьяны Петровны). К тому же и каждый новый раздел этой книги – не «глава», а именно «рассказ», что способно создать атмосферу некоей беседы автора с читателем. Беседы очень доверительной, по ходу которой мы узнаём немало интересных подробностей долгой, почти вековой, чрезвычайно содержательной жизни Панковой. О богатых трагическими и позитивными событиями её детства и юности, прошедших в городе на Неве. Об «интеллигентной и дружной семье» актрисы. О маме – Зинаиде Чижовой, известном математике, об отце – Петре Панкове, крупном инженере-технологе, который и привил Татьяне Петровне и другим своим детям – Василию, Павлу и Нине – актёрскую жилку, всё, даже чтение обыкновенной сказки, превращая в маленький спектакль. Правда, он был против того, чтобы Татьяна Петровна поступала в театральный институт, заставив дочь получить серьёзный диплом физико-математического факультета Ленинградского университета. Математическое образование пригодилось Панковой в актёрской деятельности, помогая ей расставлять логически точные акценты в «партитурах» классических ролей.

А последние, как не трудно догадаться, преобладали в «послужном списке» Татьяны Петровны. Она же – воспитанница Школы Малого театра, без малого семьдесят лет выходившая на подмостки единственного в её биографии Дома Островского.

О своём театральном доме Панкова поведала нам с любовью и нежностью, однако позволила себе и критические замечания в адрес Малого театра, где, по мнению Татьяны Петровны, было немало негатива, но при этом неизменно творилось высокое искусство.

И Татьяна Петровна постаралась не забыть никого, кто был к нему причастен. Смогла подобрать тёплые слова не об одних лишь знаменитых артистах, чьи имена у театралов на слуху (например, о Михаиле Жарове и Елене Гоголевой, Виталии Доронине и Никите Подгорном, Виталии Соломине...). Но и напомнить о несколько

Татьяна Панкова. **«Моих друзей заветных имена...» (Мозаика воспоминаний)**. – М.: Издание Малого театра, 2012. – 376 с.: ил. – 1000 экз.

подзабытых корифеях сцены (в том числе об Александре Грузинском, Александре Сашине-Никольском, Владимире Владиславском). Воздала должное режиссёру, актёру, руководителю своего курса в Щепкинском училище Константину Зубову и, конечно, легендарным «старухам» Малого – Александре Яблочкиной и Евдокии Турчаниновой, Варваре Рыжовой и Вере Пашенной, которым была многим обязана в профессии.

Эта книга вообще представляется своеобразным приношением Татьяны Петровны Панковой всем встретившимся на её жизненном пути людям, у которых она научилась чему-нибудь полезному для себя. Возможностью сказать «спасибо» коллегам, друзьям, случайным знакомым, сумевшим в ситуациях профессиональной конкуренции «настроить её душу на добро», тем самым подарив нам счастливый шанс мысленно, пусть ненадолго, но всё-таки погрузиться в реалии ещё совсем недавнего времени, когда «правили бал» иные, не материальные ценности.

Майя ФОЛКИНШТЕЙН

ФЕСТИВАЛЬ

Снова на родине

Нижний Новгород по-особенному связан с жизнью и творчеством Максима Горького. Великий русский писатель появился здесь на свет под именем мещанина Алексея Максимовича Пешкова. На многих домах – мемориальные доски, в центре города, на Покровке, красавец-театр, построенный 115 лет назад местными купцами к знаменитой Нижегородской ярмарке. В 1932 году, несмотря на протесты писателя, Нижний Новгород переименовали в Горький. Теперь городу опять вернули историческое имя. «Соцреализм» отменили, а значит, вместе с социалистическими ценностями выкинули из обихода и пьесы классика. Однако нижегородский театр, сохранивший имя классика и преданность ему, захотел возродить существовавший с 1958 года фестиваль имени Максима Горького (не проводившийся почти двадцать последних лет).

Не так много оказалось желающих и могущих принять в нём участие. Спасибо, в Нижнем Новгороде оказалась немалая и неробкая интеллигенция, об исчезновении которой теперь любят болтать и спорить (преимущественно в столице), а ещё её поддержало правительство во главе с Валерием Шанцевым, и V Театральный фестиваль Максима Горького состоялся.

Снова на родине. Так, кстати, назывался первый художественный фильм, сделанный на местном телевидении о возвращении Горького после длительного отсутствия в Италии, о его путешествии по Волге, о встречах, как он умилялся, часто плакал, в создании сценария которого мне довелось участвовать. А роль Горького замечательно играл Вацлав Янович Дворжецкий.

Ну действительно же, огромная, великая, космического масштаба фигура. С того же масштаба сложностями и противоречиями... «Человек – это звучит гордо» – одни повторяли эту фразу его Сатина с доверием, другие – с презрением. «Человек – это не ты, не я, не он... Человек – это ты, я, он...» – это из того же монолога. Что это такое? Как понимать?

Марийский русский драматический театр из Йошкар-Олы, привёзший сюда спектакль по пьесе «На дне», не стал мучиться с разгадкой этой фразы, он её просто выкинул вместе со сложными характерами пьесы, упростив их до невозможности. Лука с ножом десантника за поясом... Сатин – постаревший и погрузневший до таких размеров, до которых прототип, пьяница, бродяга, шулер, и не дожил бы... Не характеры, а обозначения их у Барона, Актёра, Бубнова... Странная сценография В. Шилькрота, то есть мысль-то понятная: второй и первый этажи... верх и дно... фасад с колоннами и... ночлежка, – но второй этаж не обжит, а первый тоже существует отдельно от актёров. Зачем тогда всё? А ведь в Марий Эл приезжала разгадывать Горького столичная бригада постановщиков во главе с режиссёром В. Портновым! Разве что Васька Пепел – Ю. Синьковский – был точен и интересен.

Ах как непрост Горький со своими пьесами, – ещё раз думалось в Нижнем Новгороде.

Два спектакля игрались по пьесе «Последние»: столичного Театра имени Гоголя в постановке Сергея Яшина и скромной труппы из Тамбова, где режиссёр Мавлет Тулпаров. Разные спектакли. Разная сценография. Разные актёры.

Добротный красивый бытовой интерьер с внутренней лестницей, малоиспользованной даже в мизансценировании у художника В. Валериуса в Тамбове.

Покосившиеся стены, колонны Елены Качелаевой в доме Коломийцевых в московском спектакле нарочиты, назойливы, опять же статичны.

Самое же досадное, что могучие роли Ивана, Якова, Софьи, их детей и окружения, пожалуй, что ни в одном спектакле не нашли достойных исполнителей (редкое исключение – Верочка из Тамбова – В. Коссинская).

Не терпит Горький ни аффектации, ни ложного пафоса, чем страдали даже столичные мастера – Светлана Брагарник, Александр Дик, Ирина Выборнова. И романтика, и публицистика его особого свойства.

Но сам текст горьковский, если он пробивался сквозь тамбовскую неумелость или столичную громкость, вызывал поразительное ощущение актуальности и необходимости. Действительно же, главная линия фронта сегодняшней борьбы пролегает через семью, а её разрушение – первый показатель нездоровья общества. Не будет детей, продолжения у Коломийцевых, и если эту историю не прожить всерьёз и глубоко, то никакими эффектными проходками домочадцев с дровами, разжигающими огонь революции, горьковскую пьесу не раскрыть.

А тексты горьковские очень сложны для актёрского произнесения! Они и не бытовые, но и не пафосные, а тянут туда: ну как без выспренности озвучить горьковскую мечту о чистом человеке и красивой жизни?! Как совместить горьковский романтизм с жёсткостью и беспощадностью его видения жизни?

Наверное, неслучайно лучше разговаривающих коллег Горького станцевали, выразили в музыке артисты Музыкального театра из Чувашии Е. Лемешевская, Т. Альпидовская, А. Субботин. Ранняя романтическая сказка о красавице Нунче, которая оказалась соперницей собственной дочери, вызвала её на соревнование, победила, перетанцевала и... умерла, стала чуть ли не лучшим спектаклем фестиваля. Музыку к балету «Нунча» написал болгарский композитор К. Ламбов, поставили его балетмейстеры-хореографы Е. Лемешевская и Г. Никифорова. Получилась прекрасная, безупречно красивая история любви и смерти!

К сожалению, не повезло на этом фестивале театру – хозяину, нижегородцам, из-за внезапной болезни одного из ведущих актёров-участников они не смогли показать свою «Вассу».

Но чем прекрасны любые фестивали, это всегда часть общей профессиональной мастерской, повод для встреч и уроков, для пополнения мастерства и опыта. И почти всегда кто-то из коллег выбивается из общего ряда, оказывается впереди и преподносит неожиданный сюрприз. Так было и в этот раз. Хотя спектаклю режиссёра Адольфа Шапиро «Дети солнца», поставленному в Малом театре, уже 6 лет и он отмечен многими знаками одобрения и внимания разных фестивалей, присутствие его в Нижнем Новгороде и участие во внеконкурсной программе придало особый смысл происходящему.

Светлана Аманова и Василий Бочкарёв в спектакле «Дети солнца»

Для меня он пополнил немногочисленный личный список спектаклей-событий. Прежде всего фигурой центрального героя, редко удававшейся на сцене, Павла Фёдоровича Протасова в исполнении Василия Бочкарёва. Учёный, чудак, умница и отшельник, именно у Бочкарёва я поняла одну особенность Протасова, всё для меня объяснившую: он – со всеми, в гуще большого дома и большого круга людей, но и – один... Вот этот круг одиночества, который сумел построить вокруг себя большой глубокий актёр, многое, если не всё, объясняет в судьбе героя. А образ-то, парафраз толстовского Протасова из «Живого трупа».

Он – другой в отличие от всех. Нигде прежде я не прочитывала такой поразительной автобиографичности образа. Отдельному, отличному от окружающих, другому всегда трудно живётся на земле. Что совершенно не исключает и готовности Протасова прийти на помощь, и открытость, и детскую чистоту. Воистину – солнечный человек.

В спектакле герой в замечательной актёрской компании и в каждом своя загадка: загадка красоты у Светланы Амановой в Елене (а какая интересная ещё одна драматическая перекличка с другой загадочной красавицей, Еленой у Чехова, друга Горького, в «Дяде Ване»!), загадка таланта в Лизе Л. Титовой, простоты в Мелании Е. Глушенко, любви у Чепурного – В. Низового. Следовало бы перечислить всех исполнителей, как во всяком настоящем спектакле, они все хороши, все вместе – ансамбль. До няньки Антоновны Л. Поляковой: у неё и текста-то мало, но она – основа дома, кормилица, мать, основа основ. Чудные разные горничные Фима и Луша (О. Жевакина, И. Жерякова). Замечательный слесарь Егор А. Коршунова, друг и часть дома, красавец, богатырь, пролетарий, легко превращающийся в злобного зверя, врага интеллигенту Протасову. Незабываем финал спектакля, когда большие, могучие мужики собирают круг вокруг героя и... распинают его... А от его длинного монолога в финале режиссёр оставляет лишь фразу: «...человек должен...» – и ставит многоточие. Действительно же, что должен человек, каждый из нас понимает по-своему...

Анна КУЗНЕЦОВА,
НИЖНИЙ НОВГОРОД – МОСКВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, 15–21 февраля 2012 г. № 6 (6357)

БОЛЬНАЯ ТЕМА

Дети – наше будущее

Если они до него дохромают...

В великом и могучем русском языке есть словосочетания, которые не только выражают вероятность некоего процесса, но и как бы намекают на то, что процесс этот непременно завершится самым распрекрасным образом. Вот воскликнули однажды: «Дети – наше будущее!» А что это будут за дети и каким станет их и наше будущее?

РИА «Новости»

КОМАНДА СИНЕ-ЗЕЛЁНЫХ

То, что наши дети самые счастливые, красивые и талантливые, мы знаем со времён Советского Союза. Тогда, правда, ещё добавляли: «и здоровые». Теперь уже лет пятнадцать не добавляют, потому что более чудовищной лжи трудно было бы и представить. Ни оборона, ни промышленность с сельским хозяйством, ни наука с культурой не пострадали столь непоправимо, как наши дети от очередного эксперимента над Россией. Вот некоторые данные Министерства здравоохранения и социального развития о состоянии здоровья детей и подростков. Более половины из них имеют ослабленное здоровье. Две трети подростков обременены хроническими заболеваниями. К категории здоровых может быть отнесён лишь один из десяти выпускников общеобразовательных учреждений! Владимир Путин, ознакомившись с подобными цифрами пять лет назад, видимо, стал приглядываться к детским лицам и, ужаснувшись, в сердцах воскликнул: мол, в школу они идут зелёные, а из школы возвращаются синие.

Крик души тогдашнего президента был услышан журналистами и растиражирован, произведя сильное впечатление на всё российское общество, за исключением, пожалуй, человека по фамилии Фурсенко. Этот человек по какому-то недоразумению занимал тогда (и теперь занимает!) должность министра образования и науки и отличается тем, что игнорирует не только серьёзные претензии к его работе со стороны выдающихся академиков и широкой общественности, но и своих шефов. Президент Медведев как-то летним утром хмуро спросил – ну что мне, Фурсенко уволить, что ли? А не так давно охарактеризовал состояние здоровья наших школьников как «ужасающее».

Если познакомиться со всеми данными всех исследований состояния здоровья школьников, то можно завыть от отчаяния и беспомощности. Все шпионы мира не смогли бы сделать то, что сделали наши чиновные чадолюбы. Куда же идти дальше, если само министерство вынуждено было признать, что только после первого года обучения почти у двух из трёх малышей выявляются первые признаки психических нарушений! Можете ли вы представить себе другую страну, где такое было бы допустимо без последствий для экспериментаторов?..

СТОЛЫ-УБИЙЦЫ

Так от какой же такой несусветной напасти страдают наши школьники? Да прежде всего от самой элементарной – от обездвиживания, которое – и это доказано многими выдающимися учёными и практиками – ведёт не только к физической, но и умственной деградации. Это выявил ещё основатель отечественной психофизиологии Сеченов, отметив, что мышление у ребёнка оформляется только на основе собственных движений и собственных усилий тела. Ситуация, в которую поставлены дети («сиди смирно!», «не вертись!», «смотри в глаза!»), формирует так называемый согбенно-засиженный динамический стереотип, деликатно именуемый усидчивостью, и напоминает некую форму рабства. На эту тему много уже писалось и говорилось, но воз и ныне там!

Если перевести разговор с научных высот на грешную землю, то речь пойдёт... о столе, за которым сидят наши дети. Многие из старшего поколения помнят старую, добрую парту, сконструированную ещё в XIX веке знаменитым русским гигиенистом Эрисманом. Ею были оснащены школы Советского Союза вплоть до 70-х годов прошлого века. Производилась она из массива дуба, и скамья её была рассчитана на двух учеников, которые могли сидеть за такой партой в оптимально удобной позе. Это было возможно благодаря соответствующей высоте спинки, поддерживавшей поясницу, правильно рассчитанному уровню высоты подножки и главное – точно выверенному углу наклона столешницы. Но вот уже более сорока лет школьники сидят не за партами, а за столами с плоской поверхностью, над которой вынуждены склоняться в три погибели, за столами-убийцами, медленно высасывающими из детей все соки.

И почти столько же времени, не жалея сил, бьёт тревогу учёный-подвижник Владимир Базарный. Не буду перечислять всех его званий и регалий, скажу лишь, что он доктор медицинских наук, профессор, автор единственной на постсоветском пространстве педагогической методики, имеющей заключения и Минздрава, и Санэпиднадзора (ещё в СССР!) и рекомендованной к применению в дошкольных и школьных учреждениях. Одобренной, кстати, и в ЮНЕСКО. У нас её тоже одобряют, рекомендуют и даже внедряют в школах, где есть учителя-энтузиасты, однако пока что это капля в море.

НЕ СПИД, ТАК ШПИД

Возьмём для примера близкую мне Астрахань. Весной 2009 года здесь состоялись депутатские слушания по теме «Реализация государственной политики в области охраны здоровья детей и подростков через здоровьесберегающие программы в образовательных учреждениях». Основным докладчиком был Владимир Филиппович Базарный. Он говорил о страшной болезни, поразившей детей: школьно приобретённом иммунодефиците (ШПИДе), главным разносчиком коей стало наше равнодушие. Слушания привлекли внимание правительственных чиновников, педагогической общественности, родителей и завершились принятием соответствующих рекомендаций. Касались они главным образом Министерства образования и науки области и состояли из множества пунктов, радовавших глаз: создать в каждой школе здоровьесберегающую среду, изменить подходы к нормативно-подушевому финансированию, решить вопрос об изготовлении качественных школьных конторок, определить муниципальное учреждение образования «Карагалинская средняя общеобразовательная школа» базовым центром для развития и внедрения здоровьеразвивающих программ...

И что же мы видим спустя почти три года? Да ничего хорошего, притом по всем пунктам. Начнём с сельской школы, в которой благодаря двум энтузиастам – учителю музыки Ирины Малышевой и директору Нажии Кубеевой – ещё семь лет назад стали использоваться элементы программы профессора Базарного. Тогда, увидев фотографии, запечатлевшие детей в обычных рабочих позах, учителя и родители испытали настоящее потрясение. Даже без медицинских знаний можно было понять, что сосуды шеи пережаты, сердце и лёгкие функционально стеснены, мышцы тела находятся в спастическом напряжении... Налицо была ужасающая картина тотального блокирования системы кровообращения с поражением других органов и систем!

Особенно пагубно это сказывается на малышах из начальной школы. В ней-то карагалинские педагоги и организовали учебный процесс на основе сохранения двигательной активности, то есть заменили с помощью родителей столы-убийцы комбинированными ростомерными конторками, за которыми малыши могли попеременно то сидеть, то стоять. Были также внедрены и некоторые другие элементы программы Владимира Базарного, в частности специальные зрительно-вестибулярные тренажёры. А спустя некоторое время медики Приволжской центральной районной поликлиники, проведя обследование детей, отметили значительное улучшение здоровья школьников. И в том же году школа стала победителем областного конкурса «Лидеры образования. Время эффективных перемен».

Казалось бы, кому как не министерским чиновникам радоваться этому, ан нет – не было ни радости, ни желания развивать успех. А вот стоило случиться инциденту с пищевым отравлением карагалинских школьников, как тут же было сделано максимум для того, чтобы директор – новатор Кубеева оставила свой пост. Теперь там всё почти так, как у всех, – то есть в лучшем случае имитация внедрения здоровьеразвивающих технологий.

АРОМАТЕРАПИЯ И ДР.

Я далёк от того, чтобы кого-то в чём-то подозревать, но сдаётся мне, что не только новые учебные технологии, а и само имя профессора Базарного вызывает у чиновников страшнейшую аллергию. Передо мной копия письма министра образования и науки Астраханской области Гутмана на запрос первого заместителя председателя Комитета по образованию, культуре, науке, молодёжной политике и спорту областной Думы Элеменкиной. «Считаем необходимым отметить, – пишет он, – что в настоящее время в образовательных учреждениях Астраханской области апробирован на практике ряд аналогичных методик В.Ф. Базарного здоровьесберегающих программ», и далее начинает их все перечислять, как бы забывая при этом, что только программа доктора Базарного является утверждённой и сертифицированной. Более того, ею уже успешно пользуются в 3000 школ как у нас, так и в других странах. Из того же, что «апробировано» Гутманом, мне особо понравились утренняя гимнастика, ароматерапия и др. Особенно др. Вот втюрим это др. во все школы страны, и будет нам счастье.

А что касается письма, то и по дальнейшему его содержанию чувствуется, как настойчиво преследует автора тень возмутителя тихой чиновной благодати: «Учитывая, что использованная методика проведения уроков с применением рекомендаций В.Ф. Базарного по укреплению здоровья на сегодняшний день не является единственной, считаем целесообразным внедрение в образовательный процесс альтернативных здоровьесберегающих технологий, основным критерием эффективности которых является достижение положительных практических результатов в условиях стабильнофункционирующей среды». И сразу же после такого виртуозного паса следует решающий гол в ворота многострадальной Карагалинской школы, которая из-за разового пищевого отравления школьников (что, к сожалению, не является у нас из ряда вон выходящим событием) не может быть признана стабильно функционирующим учреждением, а стало быть, и базовым центром. Это как если бы съели министерские чиновники в своём буфете несвежие пирожки, помаялись бы некоторое время животом, а вернувшись, узнали, что в министерстве уже не стабильно функционирующая среда, а чёрт знает что...

Как мудро сказала одна учительствующая дама, глядя нежно на нестройную шеренгу сине-зелёных, опиравшихся друг на друга детей: «Ничего, мы выучились как-то за этими столами, и они выучатся. И не надо нам никаких конторок, правда, дети?» Кто-то сказал еле слышно «правда...» и чуть не упал, вовремя подхваченный соседом. А конторок действительно в школах области как не было, так и нет, хотя их наличие предусмотрено всеми нормативными документами. Это в Селиконовой долине, познав об их чудодейственном воздействии, взрослые мужики в пять секунд заменили ими прежние плоские столы, а у нас кто заменит? Школе Фурсенко не нужны ни конторки, ни другие элементы здоровьеразвивающих технологий. И, похоже, здоровые дети ей тоже не нужны.

Юрий НИКИТИН,
АСТРАХАНЬ

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Русский парижанин

В Париж мы летели из Шереметьевского аэропорта, построенного на землях, которые принадлежали его предкам. И было почему-то не по себе. Как будто это я лично национализировала их в 1917-м, а вот сегодня в Париже присутствую на приёме в честь его 80-летия.

– А вы знаете, у меня с «Литературной газетой» есть нечто общее, – граф Пётр Петрович Шереметев начинает нашу беседу первым. – Точнее, некто общий – это основатель вашей газеты Пушкин. Когда-то Александр Сергеевич писал стихи и для моей семьи. А я до сих пор, несмотря на мой возраст, иногда пою их.

В юности он хотел стать актёром или оперным певцом. Любовь к музыке и театру у всех Шереметевых в крови. Должно быть, она исходит от прапрапрапрабабушки Петра Петровича – крепостной актрисы и певицы, а потом и жены графа Николая Шереметева Прасковьи Ивановны Ковалёвой-Жемчуговой.

– Наверное, это очень ответственно – быть представителем великих родов?

– Так случилось, что и по материнской, и по отцовской линиям я – человек с большим прошлым. С Романовыми мы в родстве со второй половины XIV века. У сподвижника Дмитрия Донского по имени Фёдор Кошка было пятеро сыновей. От одного из них, Александра, пошёл род Шереметевых, от другого, Николая, – Романовых. Борис Петрович Шереметев стал первым графом в России. Этот титул был пожалован ему Петром Великим за особые заслуги перед Отечеством, победу в Полтавском сражении над Карлом XII и безупречную службу. А со стороны матери я – Рюрикович. И потомок Владимира Мономаха, Александра Невского, Ярослава Мудрого и так далее, включая фельдмаршалов Суворова и Кутузова.

Это мой долг – быть продолжателем дел, начатых моими предками, продвигать их идеи: духовность, нравственность, культуру, образование, благотворительность. Путём открытия консерваторий, художественных галерей, университетов, девичьих институтов, кадетских корпусов.

– Вы родились в Марокко. Как оказались во Франции?

– Я впервые приехал в Париж только в 22 года, когда поступил в Высшую архитектурную школу Франции. В Марокко, несмотря на материальные трудности, из-за которых мой отец должен был очень много работать, мы были счастливыми людьми.

Но Париж был способом получить высокое образование. Поэтому, несмотря ни на что, те, кому удавалось оказаться здесь, радовались. Ведь этот шанс выпадал далеко не всем. Вот пример: нас было двое детей. Я смог получить образование, а моя сестра – нет. Потому что у отца не было достаточно средств, чтобы послать учиться и её.

Парижская русская консерватория, ректором которой является Пётр Шереметев и в которой он даёт мне интервью, была основана Фёдором Шаляпиным, Александром Глазуновым, Александром Гречаниновым и Сергеем Рахманиновым ещё в 1923-м. Был момент, когда её чуть было не закрыли – не хватало средств даже на оплату аренды земли. За помощью обратились к Петру Петровичу. А когда он нашёл выход, предложили и возглавить. Теперь же мэрия Парижа регулярно субсидирует это учебное заведение, демонстрируя тем самым свою приверженность к русской музыкальной культуре.

– Расскажите: как живёт сегодняшний граф?

– Мы уже давно не живём как графы. Во Франции всем непросто и не все богатые. Мы – не богатые. И работаем как волы, чтобы обеспечивать свою семью, воспитывать детей и быть полезными другим людям. Вот и всё.

Я расскажу вам случай из моей жизни. Однажды ко мне обратился некий чиновник российской администрации довольно важного уровня. «Пётр Петрович, – сказал он. – Вы ведь живёте за счёт своего имущества, которое вывезли из России ваши предки. Вы – настоящий олигарх». На что я ответил: «Во-первых, мы ничего не вывезли из России, когда нас выгнали из нашей страны. А во-вторых, я объясню вам наше главное отличие. Попросите любого сегодняшнего олигарха вернуть в Россию те средства, которые он из неё вывез. Это невозможно себе даже представить. Мы же, русские, живущие за рубежом, ещё до революции были вынуждены продать всё своё имущество, которое находилось в Европе, чтобы участвовать в поддержке нашей Родины и нашей армии, сражающейся на полях Первой мировой войны. Вот разница между олигархом и аристократом».

В России сейчас всё основывается только на доходе и прибыли. Никто ничего не делает для людей, для поддержки образования, социальных программ. По крайней мере я не вижу таких людей. Напротив. Я вижу людей, которые покупают себе футбольные клубы или строят яхты. К примеру, господин Абрамович, если его можно называть господином, построил себе пять яхт. Почему пять, а не только одну? Те средства, которые он потратил на четыре, лишние. Они могли бы пойти на поддержку какой-то школы или лицея.

– После революции, как известно, многие дамы из дворянских семей были вынуждены зарабатывать себе на жизнь.

– Да, моя бабушка – графиня Голенищева-Кутузова – служила швеёй в обществе «Шанель». И это было достаточно сурово: будучи фрейлиной императрицы Марии Фёдоровны, начать зарабатывать на свою жизнь в таких условиях.

– Когда вы смогли впервые вернуться в Россию, какой вы её нашли?

– Я познакомился с Москвой в 1979 году. С тех пор она изменилась. К лучшему – с одной стороны. И к худшему – с другой. Лужков сделал из этого города настоящий Манхэттен. Даже чересчур. Город стал каким-то... по-французски это superficiel, то есть очень отдалённым от красоты, от спокойствия, неудобным по способам передвижения. Я имею возможность наблюдать это, потому что из-за работы уже много лет приезжаю в Москву очень часто, буквально еженедельно.

– Чем вас привлекает работа в России?

– В архитектурном ремесле чаще вы являетесь частью какого-то объединения или фирмы. Но мне удавалось быть независимым. Когда же во Франции появились социалисты, самостоятельно работать стало совершенно невозможно. Всё стало зависеть от друзей, от связей, от политической поддержки. Поэтому я решил отойти от мира связей во Франции, чтобы работать в России и зависеть только от тех инвестиций, в которых я участвую как председатель крупного французского общества строительства и инвестиций.

– Председатель Президиума Международного совета российских соотечественников – это самая значительная ваша должность?

– Не только. Ещё и самая ответственная. Ведь эта организация объединяет всех, кто считает себя российским соотечественником. А это 40 миллионов человек, которые рассчитывают на мою помощь в защите их прав.

Вообще-то эту помощь им оказывает и МИД. Пять лет назад он тоже стал защищать права российских соотечественников во всех странах мира. И получать в отличие от нас на это субсидии от государства.

– Международный клуб Петра Шереметева в Москве ещё не открыт, но уже овеян легендами. Все в нетерпении – когда же?

– Проблема с помещением. Я имею виды на один из наших семейных дворцов, он сейчас не используется в тех объёмах, в которых это здание могло бы быть полезно. Сейчас оно разрушается. Но государство почему-то не решается дать мне возможность провести там тотальный ремонт, создать учреждение и использовать это здание по назначению.

И ведь я не прошу даже возвращать мне его в собственность. Я прошу дать мне возможность взять его в безвозмездную аренду и спасти в архитектурном смысле от гибели.

– Какие ещё мечты вам не пришлось пока осуществить? Может, кинематограф? Вам довелось работать с Роми Шнайдер и Ивом Монтаном в фильме Коста Гавраса «Свет женщины».

– Это одно из самых прекрасных воспоминаний. По сюжету героиня Роми устраивает вечер в своём доме и приглашает оркестр с певцом. Вот этим солистом был я.

С тех пор меня не раз приглашали в разные картины. Правда, всегда на вторые роли. Но вот наступил этот момент – мне предложили одну из главных, можно даже сказать, главную роль в исторической картине. Уже подписан контракт. Ждём окончательной оплаты, это всё-таки 25–30 миллионов долларов. Но когда это произойдёт, это будет торжественный момент. Потому что фильм затрагивает историю России и историю моей семьи как её отражение.

– Последний вопрос – ваши цели?

– Продолжать быть полезным нашим соотечественникам, живущим в России и за рубежом.

Вечер подходил к концу, гости начали расходиться. Только сейчас я обратила внимание, насколько сдержанно, даже, пожалуй, скромно они одеты. Ни мехов, ни бриллиантов, ни иной кричащей роскоши, так свойственной большинству московских «великосветских» вечеринок.

Наблюдать за тем, как держатся гости, было настоящим эстетическим удовольствием, фантастическим путешествием во времени и пространстве. Такой была вчерашняя Россия. Станем ли мы такими же вновь?

Вероника МААНДИ,
ПАРИЖ–МОСКВА

КНИЖНЫЙ РЯД

Королевские мифы

Патрик ВЕБЕР. **Наблюдая за королевскими династиями** / Пер. с франц. Е.И. Колябиной. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 240 с. – 5000 экз.

В оригинале книга называется иначе – «Да здравствуют короли!», и тональность этого заголовка больше соответствует содержанию, потому что автор, бельгиец, не объективный летописец, а ярый монархист. Для большинства из нас, выросших в СССР–России XX века, монархия – это нечто противоположное демократии, свободе, равенству и т.д. Патрик Вебер без труда разбивает это коренное заблуждение. Нынешние монархии – это те страны, в которых живётся лучше всего и свободнее всего. Это Дания, Норвегия, Швеция, Бельгия, Англия, Испания, Люксембург...

Автор приводит шутку египетского короля, который в середине прошлого века пророчил, что в 2000 году в Европе останется пять королей: король треф, король пик, король червей, бубновый король и английская королева. Сейчас на старом континенте десять монархических государств. За пределами Европы – процветающая императорская Япония, стремительно развивающийся Таиланд. Разбивает Патрик Вебер и многие мифы, касающиеся прошлого. Например, напоминает о том, что Австро-Венгерская империя «отнюдь не была душной темницей, напротив, она в некотором смысле предвосхитила многоязыковую и мультиконфессиональную Европу».

Очень важно, что, о чём бы Патрик Вебер ни писал, он делает это с необычайной лёгкостью и занимательностью, что несомненно, привлечёт к его книге массового читателя (особенно – читательниц). С большим знанием дела, на множестве конкретных примеров автор показывает, что короли и королевы, принцы и принцессы – такие же люди, как «простолюдины», способные приспосабливаться к реалиям нашего времени. Если же неспособны – их к этому понуждают. Один лишь пример. В 1990 году бельгийский король Бодуэн отказался подписывать закон об абортах. Тогда его признали «временно недееспособным», приняли закон, а затем восстановили его величество во всех правах.

Естественно, автор говорит в основном о событиях на западе Европы. Россия, видимо, мало его интересует и, скорее всего, мало ему известна. Потому не будем комментировать немногие посвящённые нашей стране страницы книги, но – поблагодарим Патрика Вебера за интереснейшую информацию о разных странах, собранную им. И согласимся с ним в том, почему надо изучать монархические страницы своей истории, а не отбрасывать их как нечто отжившее, ненужное, навсегда отвергнутое «прогрессом». Как говорит автор книги, «спросите любого психолога: разве здоровый человек будет пытаться очернить 90 процентов своего прошлого, если он собирается строить светлое будущее?»

Юрий БАРАНОВ

ПОЛЕМИКА

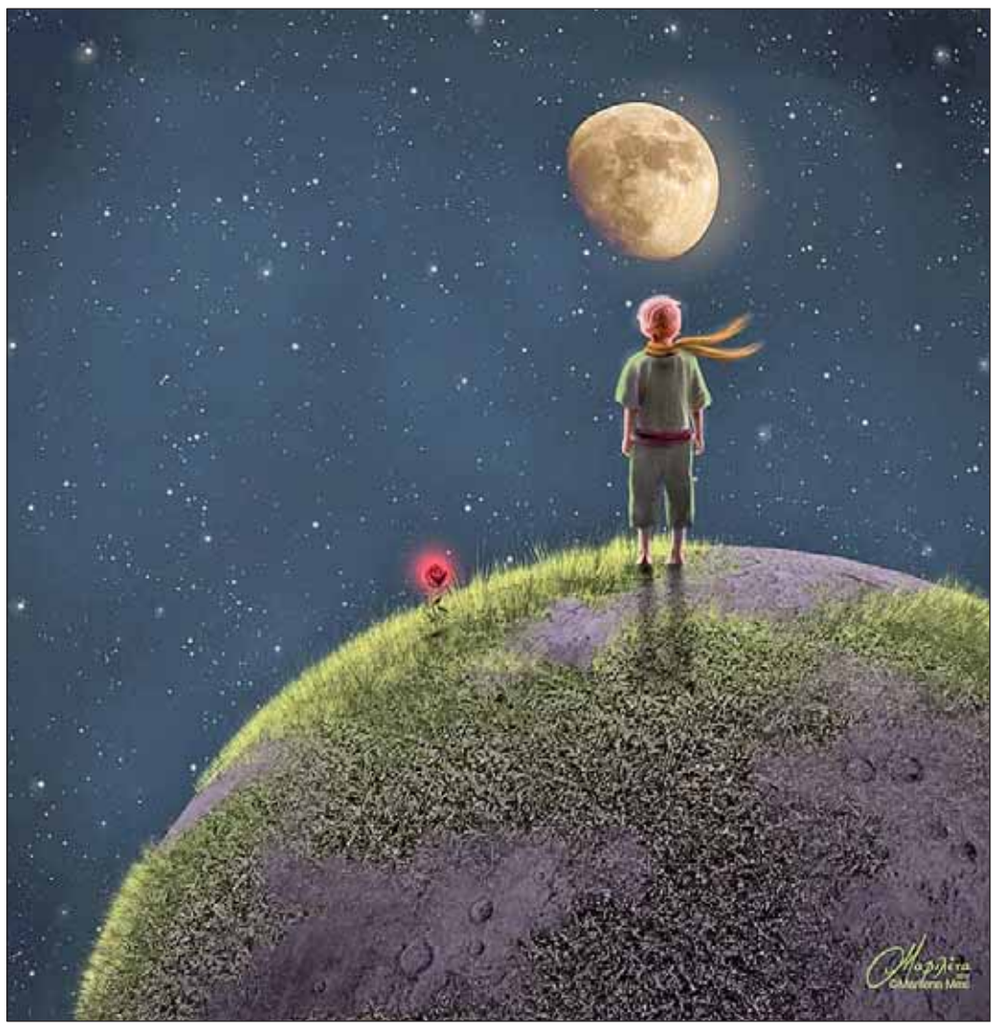
Как не попасть в ловушку бессмыслицы

Всегда ли в житейской суете мы осознаём, что попали в ловушку бессмыслицы жизни? Что живём по инерции, не понимая смысла своего бытия? Что хронический алкоголизм и наркомания – это следствие утраты содержания жизни? Как его обрести? И может ли человек сделать это в одиночку?

Об этом размышлял в своей статье «Коварство разума» психолог Вилен Чудновский («ЛГ», № 1–2). Публикуем отклики читателей, продолжающих тему.

Отдел «Общество»

Коварство разума



В чаду нестройных грёз

Вилен Чудновский совершенно прав в том, что «обычно, говоря о смысле жизни, мы имеем в виду определённую идею, выражающую собой главную жизненную ценность человека». В этом-то и заключается наше фундаментальное заблуждение, которое отнюдь не рассеется, если заменить эту идею «целой системой смысложизненных ориентаций». Ибо в основе всё равно останется *ложный принцип* «Смысл жизни – «продукт» человеческого интеллекта».

Смысл жизни не просто главная жизненная ценность или система ценностей, но такая система, служение которой ***позволяет забыть о бренности всего земного, позволяет забыть о нашей беспомощности и кратковременности в грандиозном безжалостном мироздании, позволяет нам ощутить себя сильными, красивыми и даже бессмертными.*** По крайней мере необязательно обречёнными на гибель в заранее отмеченный и не такой уж далёкий срок.

Ну так и скажите на милость, какая идея, какая интеллектуальная конструкция позволят забыть, что всем нам предстоит довольно скоро уйти из жизни, и лишь немногим везунчикам – не слишком мучительным способом? Ясно, что такое забвение способна подарить только иллюзия. А потому ***смысл жизни – «продукт» человеческой фантазии.***

Главная же миссия человеческой фантазии – ***экзистенциальная защита***, формирование такой картины мира, которая позволила бы нам забыть о нашей мизерности и беззащитности, и для человека, лишённого такой защиты, одна из самых разумных стратегий – «бездумное отношение к жизни, стремление жить только сегодняшним днём», которое В. Чудновский считает «одной из главных причин многих бед современного общества». Другая рациональная стратегия – поиск наркотического забвения своей ничтожности, третья – поиск суррогатного могущества путём «добывания денег любым способом», могущества, безусловно мнимого, ибо никакие горы злата не спасают ни от старости, ни от смерти.

К несчастью, с тех пор как пала или многократно ослабела экзистенциальная защита, даруемая религией, обретение смысла действительно сделалось личной задачей каждого. Задачей, не имеющей индивидуального решения, ибо тех счастливчиков, кто в одиночку задыхается в чаду нестройных, чудных грёз, мы сегодня не считаем боговдохновенными, но заключаем в психиатрические лечебницы, а прочие «нормальные» люди прекрасно знают, что не в их власти продлить свою жизнь даже за пределы какого-нибудь смехотворного срока вроде столетия. В сегодняшнем рациональном мире, опирающемся на человеческий интеллект, способный не создавать, но только разрушать жизненные смыслы, экзистенциальная защита может быть лишь коллективной.

Именно поэтому девятнадцатый век – век науки – сделался веком социальных утопий, которые в веке двадцатом, овладевши массами, породили чудовищные катаклизмы: до такой степени, что даже в массовом человеке обострилась жажда прильнуть к чему-то сильному и хотя бы потенциально бессмертному.

Однако едва ли не единственной могущественной и потенциально бессмертной корпорацией, с которой рядовой человек способен эмоционально слиться, является нация. Оттого-то вопреки прогнозам рационалистов успехи наук вовсе не убили, но, напротив, многократно усилили национальные чувства, – что, кстати, сделалось ещё одной причиной отчуждения народа от интеллигенции, выстраивающей отдельную экзистенциальную защиту в грёзах о своей наднациональной исторической миссии.

Вывод прост: воспитание ответственного отношения к жизни, бескорыстия и национальной терпимости невозможно, поскольку всё это не самостоятельные качества, но лишь следствие экзистенциальной защищённости. Счастливый, то есть защищённый человек просто не нуждается в столь ненадёжных средствах забвения своей ничтожности.

Однако выстроить экзистенциальную защиту в одиночку, повторюсь, по силам лишь душевнобольным. Прочим смертным необходимо принадлежать институтам, ставящим своей целью служение историческим целям, которые выходили бы за пределы одной человеческой жизни, – таким институтам, как Наука, Техника, Искусство, Благотворительность, Государство...

К слову сказать, государство, не ставящее себе масштабных исторических целей, превратившееся в исполинскую службу быта, как ему предписывает либеральный катехизис, оказывается не в силах обеспечить своих граждан экзистенциальной защитой и, следовательно, становится по большому счёту ненужным, ибо наладить быт можно и в одиночку, а вот обрести смысл жизни никак.

Следовательно, учитель смысла жизни должен быть полномочным представителем смыслообразующих социальных институтов, *аристократом духа,* то есть служителем каких-то наследственных грёз, иначе ему не помогут ни зарплата, ни обаяние, ***ибо воспитывает народ его аристократия, а органы просвещения лишь выполняют роль посредника.*** Вот это и есть первый и главный шаг в воспитании народа – возрождение национальной аристократии, предельное расширение путей для самых одарённых и романтичных, стремящихся оставить долговечный след в истории: Гагарин и Ландау воспитали тысячи провинциальных мальчиков и девочек, сами того не подозревая.

Стремление к долговечности, служащей пусть слабоватым, но почти единственным в рациональном мире суррогатом бессмертия, – это и есть *духовный аристократизм.* И даже самые рядовые люди просто вынуждены хотя бы в глубине души быть аристократами духа, ибо *плебейские суетные ценности не защищают от экзистенциального ужаса.*

Вот почему рано или поздно, когда это уже не требует серьёзных жертв, народ начинает любить своих воспитателей – свою аристократию и гордиться своими героями: их подвиги укрепляют экзистенциальную защиту массы. А интеллигенция, оплакивающая цену этих подвигов, когда народ уже хочет о ней забыть, эту защиту ослабляет. Отчего ей (интеллигенции) так никогда и не удаётся снискать народной любви.

Однако напрасно недостаток любви к себе интеллигенция принимает за равнодушие ко всему высокому. Ибо лишь высокие фантазии наделяют человеческую жизнь смыслом и красотой.

Александр МЕЛИХОВ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Человек играющий

Есть несколько профессий, которые держат общество в достойном состоянии, – врач, воин, учитель, священник. Скорее, это призвание – учить, лечить, защищать, помогать страждущим. Без них общество распадается на собрание эгоистов и любителей наслаждений. Способны ли мы сегодня генерировать нужное количество таких людей? Где закрома духовности? Или они уже растрачены?

На этот счёт у нас в стране две позиции. Одни говорят, что всё идёт нормально и общество будет совершенствоваться и развиваться в новых условиях органично и свободно. Другие, ревнители моральных принципов в их чистоте и незамутнённости, утверждают, что происходит деградация и ей не видно конца.

Народ, безусловно, разделён, но где корни этого разделения? В 20-е, 30-е годы страна жила в условиях сурового, а часто жестокого отношения государства, что порождало страх. Тут же рядом был энтузиазм, для одних – наигранный и фальшивый, «под дулом нагана», для других – истинный и органичный. Сочетание энтузиазма и страха стало входить в плоть страны, делая многие проявления общественной жизни странными и порой необъяснимыми.

Дуализм, противоречивость сознания наполняют всю нашу жизнь. Некоторые областные города названы по имени представителей императорской России, а те же области именами советских деятелей. Мы стали считать нормальным, что ранние электрички из Тулы и Владимира заполнены едущими на работу в Москву, что многие колхозы разрушены и в маленьких посёлках нечем заняться. В № 1–2 «ЛГ» за этот год Вилен Чудновский (**«Коварство разума»**) подметил потерю некоторыми людьми смысла жизни, но где его искать здоровому человеку без работы?

Автор совершенно справедливо говорит и о важности воспитания в школе. Действительно, по значимости оно стоит прежде образования. Но кто будет воспитывать? Мы стоим в оцепенении перед нашим прошлым, в котором до сих пор не можем разобраться. Наши дети учатся по разным учебникам с разными трактовками одних и тех же исторических фактов. Одни говорят, что советский режим был ужасен и ему нет оправдания, другие твердят о его справедливости и даже гуманности. Наше прошлое не отпускает нас и не отпустит, пока мы в нём не разберёмся. И пока мы серьёзно не оценим минувшее, молодёжь нам не поверит.

Современники заняты зарабатыванием на жизнь, а иногда просто выживанием; где те духовные импульсы и моральные стимулы, которые сделают их жизнь более осмысленной?

Может, в фильмах, которые лишь отвлекают и развлекают? Или в книгах, авторы которых в большинстве своём делают то же самое?

Homo Ludens – человек играющий уже давно поселился на Западе, веселится и хохочет от души. Наши люди пока не готовы рано утром в дни распродаж врываться в магазин и вырывать друг у друга дешёвый товар. Или сплочёнными группами появляться в метро без штанов. Таких высот мы ещё не достигли, но желающие двигаться в эту сторону уже имеются.

Каждая эпоха, в том числе и советская, имела свой общественный идеал. Ныне его нет, и чем больше нас развлекают и отвлекают, тем менее способны мы к осознанию прошлого, выработке перспективы. Все неустройства родом из нашего прошлого. Поймём его, оценим, и движение пойдёт как-то понятнее, осмысленнее и увереннее. Общество, знающее свои корни, выберет лучшую дорогу, по которой согласны будут пойти большинство его членов.

Владимир ХОЛИН,
историк

Бодрствование разума

Вопрос о смысле жизни называют «детским», но и «последним», и «вечным» – потому что думающие люди всегда, во все эпохи задавались им.

И нет недостатка в ответах. Кто говорит: посади дерево, вырасти сына, построй дом, вот тебе и смысл жизни. Назову таких прагматиками. Но для чего всё это? Хорошо было писать Аристотелю: смысл жизни – «служить другим и делать добро». Мгновенно возникают новые вопросы: служить другим и делать добро – и так до бесконечности без ответа?.. Да и добро – понятие относительное: что для меня добро, вовсе необязательно будет добром для другого.

Кто-то утверждает: смысл жизни – в детях. Чтобы не решённую тобой твою собственную задачу решали потомки? Нет, не согласна. Нужен с в о й смысл жизни, построенный с а м о й.

Для иных смысл жизни – в работе, вообще в принесении пользы людям. Назову их утилитаристами. Ответ кажется симпатичным ровно до тех пор, пока не задумаешься и не придёшь к выводу: работа и польза – лишь условия осмысленной жизни, но не сам смысл.

Другие утверждают, что смысл жизни – в самой жизни, в любви к ней и к людям. Но ведь не каждому везёт на друзей, не каждый сумеет встретить любовь. «Жизнь не в том, чтобы жить, – писал В. Ключевский, – а в том, чтобы чувствовать, что живёшь».

Недавно в Живом Журнале наткнулась на вопрос одного из френдов: чувствуете ли вы, что живёте? И – масса отрицательных ответов. Действительно, текучка, калейдоскоп лиц, событий, привычная повседневность вынуждают нас часто *жить и действовать автоматически.*

Есть ещё эвдемонисты. Для них смысл жизни – в обретении счастья. Однако кто-то умный сказал: счастье – это не станция назначения, а способ путешествовать. Попробуй быть постоянно счастлив – слишком трудно, если вообще возможно. Ничто в реальной действительности не обещает и не гарантирует нам счастья.

То есть моё прежнее желание обрести такой смысл жизни, который был бы легитимизирован самой жизнью, а не какой-то отдельной социальной группой или авторитетом, оказывается, прошу прощения за каламбур, бессмысленным. И сами собой в памяти звенят пушкинские строки: «На свете счастья нет, а есть покой и воля...»

Вилен Чудновский в своей статье «Коварство разума» перечисляет негативные последствия утраты смысла жизни огромными массами людей и пишет: «Смысл жизни – «продукт» человеческого интеллекта. А интеллекту свойственно ошибаться». Но уже в XX веке стало очевидным: не сон, а именно *бодрствование разума рождает чудовищ.* С одной стороны, именно разум, а не его «ошибки» порождает прагматизм вместо человечности, суррогаты счастья в виде употребления наркотиков, алкоголя, экстремальности поведения ради «адреналина» вместо самого счастья. Воровать – выгоднее, чем зарабатывать, разрушать – легче, чем созидать... С другой стороны, наука, главное орудие которой – разум, неспособна дать ответ о смысле жизни. Наука – в главном – мифологична. Она интересуется прежде всего закономерностями, т.е. повторяющимся; уникальное, единичное просто выпадает из поля внимания, будто и не существуя. Меж тем *смысл жизни каждого человека уникален.*

Лично я наконец поняла, прочувствовала, что для меня как для христианки *спасение души – мой смысл жизни.* Его реализация требует выявления в себе и в других образа Божия. Сказано: *Царство Божие внутрь вас есть.* Но пока эти слова не станут твоими словами, а эта жизнь – твоей жизнью, говорить об этом бессмысленно.

Анна ЯКОВЛЕВА,
культуролог

ЗА ГРАНЬЮ

Запах крови

Я оказался в этом старом сибирском городе в те дни, когда его буквально трясло.

Тектонические силы были тут ни при чём. Горожан трясло, как сейчас принято формулировать, «в силу человеческого фактора».

Однако можно ли назвать человеческим то, что происходило в городе? С ужасающей регулярностью на пустырях, в парковой зоне, в малолюдных уголках обнаруживались трупы. У некоторых были отрезаны уши, пальцы, выколоты глаза.

Сыщики сходили с ума в своих попытках разгадать хотя бы мотивы убийств. Ни сексуальные маньяки, ни педофилы, ни традиционные грабители не укладывались в схемы и разработки бывалых криминалистов. Людей убивали – но что толкало убийц на преступление? Что? Оставался последний, самый тяжкий для сыщиков вариант: за жертвами охотился и приканчивал их сумасшедший. Убивал просто потому, что он был *умалишённый*.

Охота за убийцей шла долго, нет смысла о том рассказывать. Преступников оказалось двое – студент хирургического отделения местного мединститута и его приятель. Самое ошеломляющее: людей убивали не маньяки, не выжившие из ума некрофилы, а, как сейчас выражаются, *«вполне адекватные люди»*. Психиатрическая экспертиза подтвердила их полную дееспособность. Напомню: один из убийц готовился стать хирургом! Никаких явных отклонений в психике! Ответ на вопрос «Что побуждало вас совершать такие тяжкие преступления?» буквально ошарашивал:

– Хотелось видеть, *как люди умирают*.

Ответ был спокойным, без эмоций, без цинизма или признаков паранойи. Ни смятения, ни страха за содеянное, ни раскаяния. Следователей поражали обстоятельность, спокойствие, логика. По тональности, по логичности, по вдумчивости ответ был аналогичен, скажем, ответу радиолюбителя, который разобрал сложный приёмник с единственной целью: узнать, как и почему он работает?

Меня эта видеозапись допроса просто ввела в ступор. Психиатры (В. Марионов, Б. Трифонов) объясняли всё это так называемым генетическим смывом. То есть человечество всё более и более входит в систему познания, забывая заповеди, на которых зиждется мораль. То есть познание в конце концов отрицает мораль.

Я же думаю иначе. Дело не в процессе познания. Мне кажется, что отмена смертной казни преждевременна. При любом отклонении от категории человеческой морали – карать! Общество людей должно защищать себя.

Возможно, кто-то сочтёт, что я неправ. Но пусть мне, человеку, ошеломлённому этой историей, скажут: а что делать в этом случае? Как обезопасить от нелюдей род людской?

Жан МИНДУБАЕВ

КНИЖНЫЙ РЯД

Экономические притчи

Учёные-экономисты редко отваживаются на написание трудов, в которых связывают воедино экономику и нравственные законы. Всякий раз, когда появляется подобное сочинение, оно способно вызвать интерес у широкого круга читателей. Неслучайно «Исследование» Адама Смита или марксовский «Капитал» были в своё время очень популярны даже среди такой публики, которую мало заботят финансы.

Экономика должна быть не только экономной, но и основываться на принципах высокой нравственности. Вот что является одним из лейтмотивов книги «Взлёты и падения», написанной доктором экономических наук Еленой Паниной. Наверное, этот монументальный труд, по-новому преподносящий нам отдельные главы всемирной экономической истории, следовало бы назвать «Экономические притчи». Каждая история, рассказанная в этой книге, является частным случаем из практики прошлых столетий и в то же время имеет много общего с нынешней действительностью.

Без сомнения заслуживает внимания притча из античных времён – о любознательных и образованных жителях острова Родос, которым пришлось вести торговую войну с эгоцентричными и культурно ограниченными жителями острова Делос, жившими по принципу «купи-продай». В итоге Родос проиграл, но, даже лишившись богатства, он не утратил своё значение как центр науки и культуры. А вот Делос, который в конце концов тоже разорился, стал настоящим захолустьем.

Мы встречаем замечательный сказ о том, как царь Пётр индустриализацию проводил. Опыт этой индустриализации применим и сейчас. Пётр всячески поощрял и даже понуждал богатых россиян строить фабрики, предпочитая развивать частное предпринимательство, а не госэкономику, однако за всем был царёв пригляд. По сути, именно Пётр определял, что нужно производить, а что – не нужно, и сам же строго следил за качеством выпускаемых товаров, будь то ружья, пушки, сукно для армейских мундиров и т.д.

Екатерина II очень уважала все достижения Петровской эпохи, однако экономическую политику проводила прямо противоположную. Просвещённая правительница, очень хорошо знакомая со всеми новомодными экономическими веяниями, являлась горячей поклонницей фритредерства и совсем не следила, куда направлена деловая активность её подданных. В итоге русские дворяне в погоне за лёгкими деньгами понастроили винокуренных заводов и всячески способствовали повальному распространению пьянства на Руси.

Не менее поучительна притча об императорах Александре I и Николае I, которые одинаково боялись и дворянского заговора, и народного восстания, поэтому искали золотую середину между интересами «крупного бизнеса» и «простых тружеников». Попробуешь отменить крепостное право – а вдруг придворные окажутся недовольны, стукнут табакеркой в висок или удушат шарфом.

Елена Панина.
Взлёты и падения: Избранные главы экономической истории. – М.: Российская газета, 2011. – 624 с. – 3000 экз.

Оставишь всё, как есть, – того гляди, взбунтуются деревенские мужики, и не хватит войск, чтобы восстановить порядок. В итоге оба императора пребывали в нерешительности до самой смерти, а экономика тем временем разваливалась.

В одной из последних глав мы находим притчу о богатом промышленнике Сергее Ивановиче Мальцове, который зачем-то установил на своих предприятиях 8-часовой рабочий день, когда у других фабрикантов люди работали по 10–12 часов. Не менее странным выглядело стремление этого филантропа обеспечить всем своим сотрудникам полный «соцпакет» – бесплатное обучение их детей в школах, бесплатное медицинское обслуживание, льготные цены на жильё поблизости от работы. Но даже этого Сергею Ивановичу казалось мало. Он ещё и зарплату высокую платил! В итоге родственники Мальцова объявили, что он сумасшедший, и даже инициировали судебный процесс, желая официально отстранить «недееспособного» промышленника от дел. Остаётся лишь повторить авторскую ремарку: «Эту историю можно не комментировать».

Жаль, что книги с подобными историями не лежат на столах у представителей нынешнего российского бизнеса, а также у чиновников, отвечающих за экономический блок в правительстве. Даже в свободной продаже сейчас трудно найти подобную, экономически нравственную литературу. Магазины завалены бизнес-литературой, где авторы обещают поделиться с нами секретом финансового благополучия, а вот дать собственный ответ на вопрос о смысле бытия – это ищите на других полках в другом углу торгового зала.

Светлана ЛЫЖИНА

КНИЖНЫЙ РЯД

По прозвищу Дракон

В отличие от своих коллег-ровесников Валерий Дранников никогда не грозился написать роман. Никогда после четвёртой или пятой рюмки, затянувшись сигаретой, не щурился лукаво и в то же время романтично: «Повестушку пишу, всё про себя узнаете...»

Более того, время от времени донимал своих друзей, всерьёз страдающих литературными амбициями, назойливым недоумением: «А на хрена вы пишете все эти ваши нетленные произведения?»

Друзьям в таких вопросах чудилось издевательство. Снобизм от обратного, снисходительное пренебрежение модного репортёра, любимца гламурных журналов честолюбивой и обидчивой литературной братией.

Между тем Дракон (под таким прозвищем Дранников был популярен среди газетной богемы) совершенно искренне не понимал, зачем кое-кто из его однокашников пробивается в писатели, журналистскую бравурную славу предпочитал всем видам ненадёжной литературной известности и на дальновидные предложения издать наконец книгу своих избранных репортажей пренебрежительно махал рукой: «Время ещё есть...»

В итоге первая и единственная книга Валерия Дранникова «От «Гудка до «Гудка» (он начинал свою карьеру в этой славной железнодорожной газете и в ней же её закончил) вышла через год после его неожиданной смерти. И тотчас сделалась подтверждением того несомненного факта, который и прежде не вызывал сомнения в профессиональной среде. Валерий Дранников обладал блестящим журналистским даром, дар этот был абсолютно самодостаточным и не требовал реализации в более солидных литературных формах.

Не только по характеру своих способностей, по самой своей сути Дранников был журналистом par excellence, как любили выражаться дореволюционные газетчики, «по преимуществу». Особым публицистическим темпераментом, правда, не обладал, политическими доктринами всерьёз не интересовался, но зато обожал житейскую суету,

Валерий Дранников.
От «Гудка» до «Гудка». – М.: ОАО «Газета «Гудок», 2011. – 232 с.: ил. – 1000 экз.

сенсации, новости, знаменитостей и клубящуюся вокруг них светскую жизнь. Он и сам, как и подобает знаменитому репортёру, был светским человеком, но, при всей склонности к «вращениям» и застольям, к журналистскому тщеславию и трёпу, за компьютером, как и прежде за машинкой, обнаруживал не только насмешливый, но и трезвый хладнокровный ум.

Может быть, именно поэтому среди всех коллег старшего поколения не нашлось другого, который бы так органично и легко вписался в новые общественные условия, в эстетику и этику постсоветской журналистики. Все мы, дебютанты незабвенных шестидесятых, с разным успехом приспосабливались к рыночным обстоятельствам, применительно к нашему ремеслу, Дранников в них буквально купался.

Как и в молодые годы, он охотно брался за рискованные задания, «менял профессию», торговал в магазине интимных товаров, выступал в мужском стрип-клубе, проходил испытания на полиграфе, то есть на детекторе лжи, служил в эстонской и в израильской армиях, всерьёз собирался клонировать своё бренное тело, короче, испытывал судьбу.

Всё это вроде бы должны были азартно делать молодые, незнакомые с цензурой журналисты первого «непоротого» поколения. Парадокс, однако, в том, что привыкшие к виртуальной реальности Интернета, они этого делать не умели. И потому буквально разевали рты от удивления и восторга при виде непочтительных, остроумных текстов старика-шестидесятника, которому былой партийный надзор помог изострить перо и усовершенствовать свой репортёрский стиль до уровня литературной изысканности.

Упомянутая весёлая непочтительность дранниковского письма, обаятельное простодушие на грани цинизма, так напрягавшие былых советских редакторов, в новой российской прессе сделались почти эталонными. Если прежде перед героями интервью полагалось сдержанно благоговеть, то теперь в лучшем случае принято чуть менее сдержанно посмеиваться. Дранников пользовался этой возможностью с необычайным изяществом. И то сказать, разве нынешние знаменитости, все эти ньюсмейкеры из числа так называемых звёзд, скандальных политиков и политических скандалистов не достойны именно такого в высшей степени иронического подхода. Не потому ли вроде бы апологетическое, льстящее «звёздному» самолюбию интервью под пером Дранникова оборачивалось едва ли не разоблачением, изящной неподсудной компрометацией.

За двадцать бесцензурных лет то полностью, то условно свободная российская журналистика многое обрела. Хотя немало и потеряла. Так или иначе, но главную свою миссию – запечатлевать быстротекущее время – она то с пафосом, то с отвращением исполняла честно. Но вот что любопытно: более яркого свидетельства времени, нежели лишённая пафоса и снисходительная к человеческим порокам книга Дранникова, трудно найти.

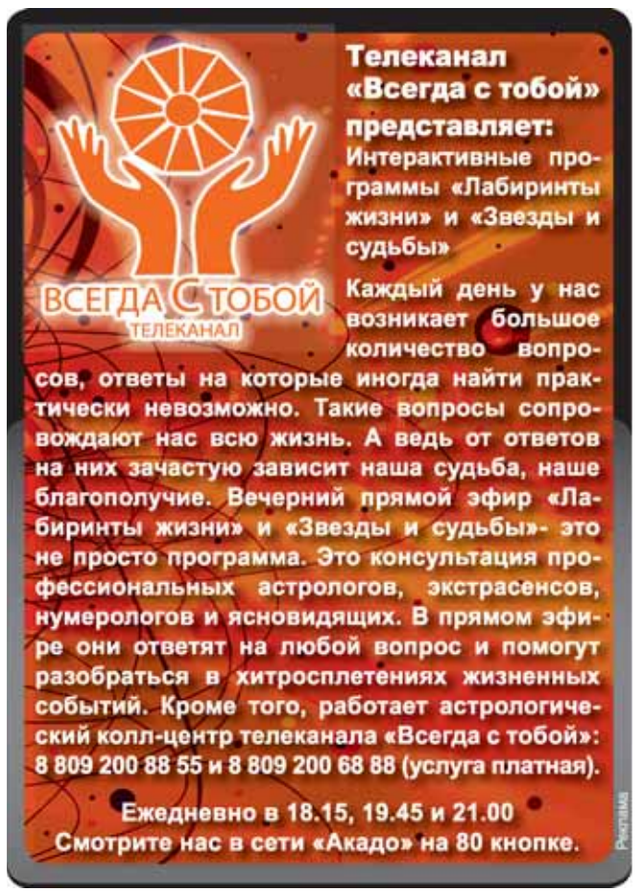
Анатолий МАКАРОВ

Имени Дранникова

Газета «Гудок» и факультет журналистики МГУ учредили ежегодную стипендию имени Валерия Дранникова, присуждаемую студенту, наиболее успешно прошедшему практику в отраслевом СМИ. Первым обладателем дранниковской премии стала студентка третьего курса Галина Зинченко, которую конкурсная комиссия избрала из 14 претендентов.

МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ
ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС МОЛОДЫХ КОМПОЗИТОРОВ имени Н.Я. МЯСКОВСКОГО
21 ФЕВРАЛЯ 19.00
РАХМАНИНОВСКИЙ ЗАЛ
ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАКРЫТИЕ КОНКУРСА
КОНЦЕРТ ЛАУРЕАТОВ
ВХОД СВОБОДНЫЙ
629-9401
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СПОНСОР КОНКУРСА bp

МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ имени П.И.ЧАЙКОВСКОГО
22 февраля 19.00
ФЕСТИВАЛЬ БОЛЬШОГО ЗАЛА
Симфонический оркестр Московской консерватории
Московский государственный академический камерный хор
Дирижёр — Анатолий ЛЕВИН
В программе: Галынин, Буцко, Щедрин
БИЛЕТЫ В КАССЕ КОНСЕРВАТОРИИ (Б.Никитская, 13) 629-9401



ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА представляет: книжная коллекция

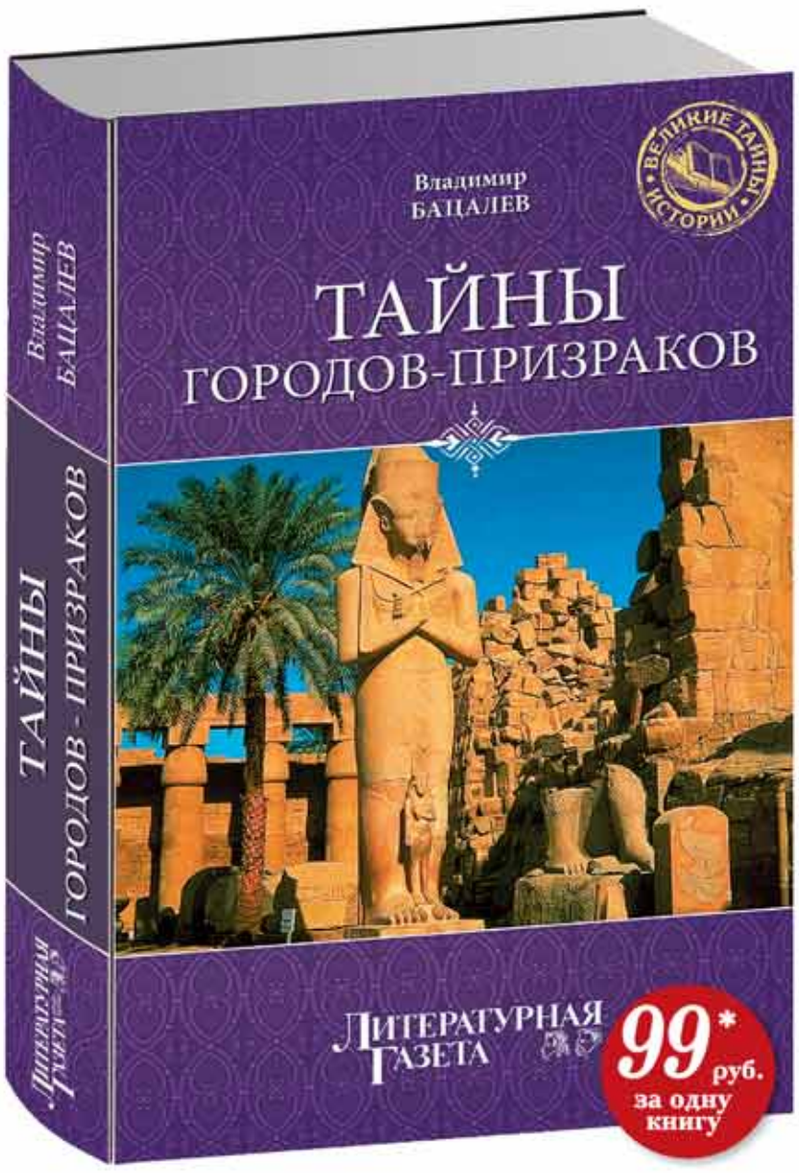
Узнай все тайны первым!

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

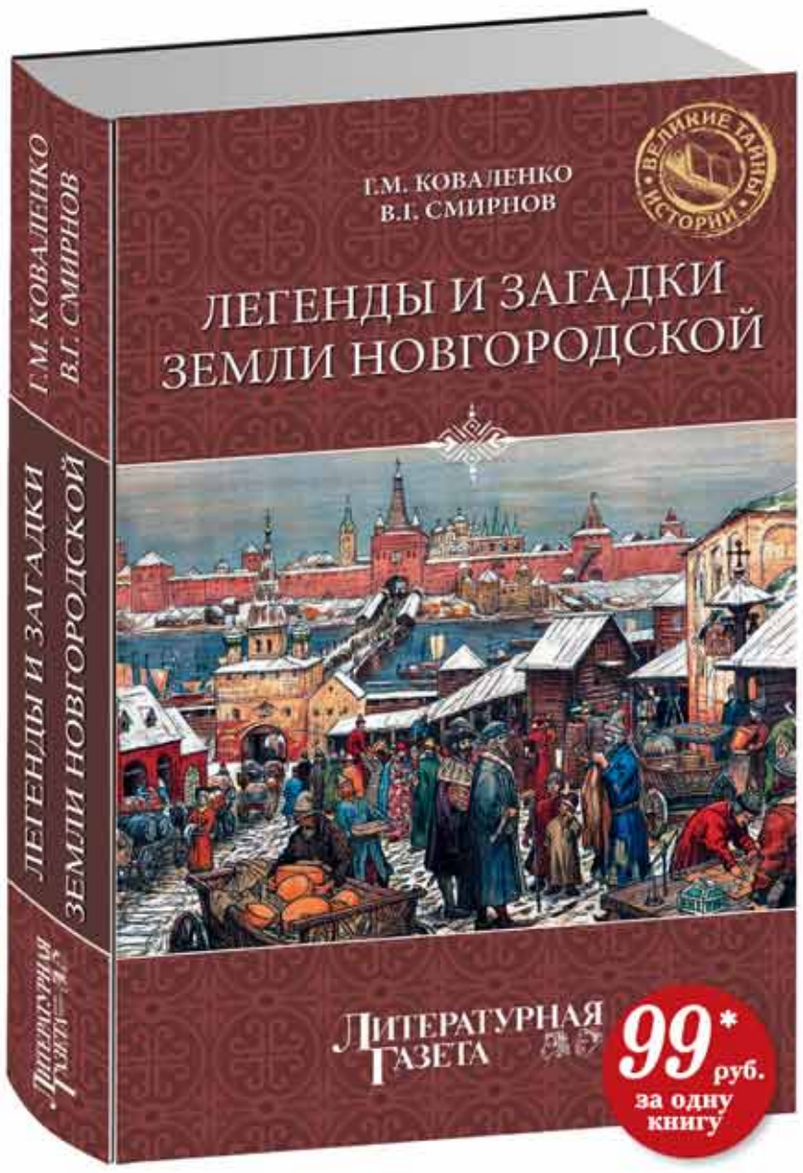
Новый том — в продаже каждую среду!

Соберите всю коллекцию из 45 томов!
Подробности на www.lgz.ru

Дорогие читатели,
если вы не успели купить нужный вам том в киосках печати, то вы можете приобрести его в редакции «Литературной газеты» по адресу: Москва, Хохловский пер., д. 10, стр. 6.
Телефон для справок: +7 (499) 788-01-12



с 15 февраля



с 22 февраля

Реклама

*Рекомендуемая цена во всех киосках печати Москвы и Московской области

Двойники

Камал АБДУЛЛА

Памяти Х.Л. Борхеса

Снова вдоволь погрузившись в тот самый сон, что снился ему уже долгое время, он проснулся, как всегда, в шесть вечера. Будто имел уговор со сном. Каждый день в два часа – в два часа дня – словно это была ночь, он раздевался, ложился в постель, закрывал глаза, а ровно в шесть открывал глаза, просыпался. Всё тот же сон, всё тот же настрой и ещё то же состояние после сна, всё то же послевкусие во рту... Отчего он подчинён этому ритму – он не знал. В юности он удивлялся тем, кто мог засыпать днём. А теперь, словно человек, принявший обязательство, каждый день в одно и то же время спешил на встречу со сном.

Сон был таков: он видел себя в квартире, в которой недолго прожил в детстве и подростком. Балкон в квартире был застеклён, напротив, через узкую улочку, два тутовых дерева, верхушки которых, как говорится, «рвались в небо». Сон углублялся, а тутовые деревья, как и в прежние времена, оживали, теснее прижимались друг к другу листья, ветви становились продолжением друг друга и своими зелёными руками врывались в открытые окна балкона. Предметы на балконе начинали обретать очертания, цвета. Вот его небольшой письменный стол, табуретка, школьный ранец, пара книг, тетради...

Мать по обыкновению была на кухне. Особенность этого сна состояла в том, что во сне он никак не забывал о себе нынешнем. Как правило, во сне ты забываешь всё, а он, напротив, ни на миг не забывал, кто он есть, в каком возрасте находится, какими интересами и страстями живёт. Он был и ребёнком, и нынешним мужчиной средних лет, человек пера, литератор, худо-бедно наладивший свою жизнь...

Сон по структуре не был глубок или усложнён. Очень прост и в своей простоте столь же увлекателен, для него родным. Он проводил ладонью по письменному столу, а порой пытался оставить свои инициалы на пыльной поверхности стола. Брал по одной, гладил обложки книг, трогал листья, ветви тутового дерева. Проделывая это, знал, что он тот самый человек средних лет, что ложится в одно и то же время в постель, чтобы снова увидеть этот сон. И вдруг начинал подпрыгивать на балконе. В это время мужчина средних лет исчезал, а тот ребёнок с большим рвением возбуждённо начинал, как говорила мать, проказничать.

– Сынок, ну хватит шалить. Угомонись. Надоел. Себя не жалеешь, пожалей хоть нас.

Нарочито властный голос матери, доносящийся из кухни, а в действительности по ту сторону тех далёких лет, звучал, всё слабея и слабея, придавая особую энергию его ногам. Когда шум, топот на балконе достигали предельной высоты, мать вынужденно проходила из кухни на балкон, придав лицу особую строгость, грозно шептала. И кульминация сна была в сути этого шёпота. Она шептала следующее:

– Хватит, сынок, перестань столько прыгать. Угомонись! Балкон обвалится. Хочешь, чтоб балкон полетел ко всем чертям!

Вот эти последние слова «балкон полетит» были той силой, что вынуждала его в самый что ни на есть полдень отправляться на встречу со сном...

Что с того, что это сон?! Чудо было в том, что после этих слов балкон, и вправду стряхнув с себя не желающие отпускать его ветви, отрывался от такого большого здания (квартира была на втором этаже), словно вертолёт ровно взмывал вверх, затем, повернув фасадом, летел в сторону моря, а сам он по-прежнему находился на балконе. Мать, стоя в образовавшейся пустоте величиной с балкон, глядела вслед ему, приложив от изумления ладонь ко рту, бранилась: «Хватит, перестань шалить, куда ты снова направился?.. Вот неугомонный!»

Каждый раз до шести часов вечера, то есть до того, как проснуться, он летел и летел, ощущая особое наслаждение. А в шесть часов вечера, когда приходило время проснуться, он, открыв глаза, убеждался, что над ним властвуют всё тот же настрой, всегдашние затаённые чувства, беспокойные мысли. Суть этих мыслей была в том, что мир, который мы знаем и в котором живём в действительности, не единственный. Наряду с ним в бесконечной Вселенной имеются и относительно схожие миры. Причём каждый из нас в этих параллельных мирах в других обличьях продолжает свою жизнь. Он вспоминал, что когда-то мечтал стать врачом. Как это произошло, что позже он пошёл и стал филологом, этого он уже не помнил. Наверное, в одном из параллельных миров он и есть врач. А желание стать врачом – это он помнил хорошо – возникло, после того как скончался соседский мальчик, одногодок, его звали Низами...

С Низами они были соседями по двору. С улицы в их квартиры вели разные входы. Отдельная лестница с края двора вела прямиком в их квартиру. А семья Низами, пройдя через двор, поднималась в свою квартиру на втором

этаже по общей лестнице. Небольшой дворик ненадолго, обычно до полудня, на час или два принадлежал ему и Низами. А соседи – кто на работе, кто за покупками в магазин, на рынок... Порой двор становился им тесен. Низами причул его к улице. Низами был более самостоятелен, независим и – самое главное – без постоянного присмотра.

А он... С одной стороны, беспокойный и «грозный», всегда ищущий сверху взгляд матери, с другой – боязнь, что всё будет доложено отцу, отрешённо возвращавшемуся по вечерам с работы. Низами был свободен от этих страхов. Никакой опеки, контроля мечом, нависшим над ним, устанавливающим границы его поведению, не было.

Они даже ещё не ходили в школу. Отец Низами купил сыну двухколёсный красно-синий велосипед. Для того времени это был настоящий «мерседес». Конечно же, они во дворе ежеминутно протирали велосипед, буквально дрожали над ним, нажимая на звоночек, нарезали круги вокруг большого крана посреди двора. Разумеется, этого для Низами было очень мало. И, конечно же, в конце концов однажды велосипед вывез их на улицу.

Улица была огромным миром. Не имеющим ни начала, ни конца. Больше того, как бы сейчас ни было удивительно, мимо их дома проезжали хотя бы одна-две машины. Люди шли в разные стороны; сновали то вперёд, то назад, среди голосов, реплик, смеха раз в день звучал звонкий, как медь, крик: «Морож-женое!!!» Продавец мороженого шёл почти победным шагом по кварталу в сопровождении этого крика, толкая впереди себя тележку, в которой меж кусков льда были разбросаны брикеты фруктового, кофейного, молочного мороженого.

В его памяти застыло ещё одно. Солнечный свет, струящийся в жаркие летние дни меж ветвей тутовых деревьев, густо покрытых зелёной листвой. Передвигающийся по небу солнечный диск, словно потеряв несколько лучей, ушёл, забыв про них. Даже когда солнце опускалось за крыши домов, эти лучи ещё продолжали струиться меж зелёных ветвей.

И всё. Встреча со сном уносила его в эти далёкие годы. Да, забылось ещё одно. В тот день, когда они впервые выбрались на улицу, Низами, не сказав ни себе, ни ему ни слова, сел на велосипед и, быстро крутя педали, чуть покачиваясь в седле то вправо, то влево, уехал, пропал из глаз, но через какое-то время показался в конце улицы; на сей раз велосипед катил ровно. Подъехал, резко притормозил рядом с ним:

– Садись!– сказал он. – Теперь ты.

– Нет. – Он и вправду боялся. – Я не смогу.

– Садись, – решительно повторил Низами.

Насильно усадив его на велосипед, обеими руками помогая ему удерживать равновесие, крикнул:

– Вперёд, смотри только вперёд, не гляди под ноги. Вперёд...

Голос Низами остался далеко позади...

В тот день по обыкновению в шесть вечера он открыл глаза. Бывают такие мгновения, когда человек не сознаёт, находится ли он ещё в объятиях сна, с которым только сейчас расстался, или нет. Понемногу приходит в себя. Вот это и был тот самый миг, когда вдруг из соседней комнаты донёсся чей-то голос. Знакомый и родной голос. В смежной комнате никого не могло быть, но он был готов поклясться, что ясно слышал этот голос. Голос матери:

– Камал, сынок, как ты?

Наверное, это и послужило толчком. В этот же вечер он решил отправиться в старый квартал, к дому, где когда-то жил. Правда, после того как они переехали, этот дом, временами словно магнит, притягивал его к себе. Но никогда это желание не было столь невыносимым, как в этот вечер.

...Свернув с нижней улицы, он стал продвигаться вверх. Когда он подошёл к их старому дому, уже вечерело. Весь путь он прошёл в час, который особенно любил, – когда уходил солнечный свет, но ещё не наступила темнота. Фасад здания, да и сама улица (если не принимать во внимание небольшую лампочку над магазином на углу), погружались в темноту. В этой полутьме он смог определить две вещи: оба дерева исчезли, они были спилены под корень. И ещё балкон на втором этаже не был застеклён.

Когда ещё издали он увидел того человека, ему показалось, что они знают друг друга. Что-то родное было в нём – в его позе, быть может, в одежде... Во всяком случае, его похожесть не вызывала сомнений. Какое-то время они рассматривали друг друга на расстоянии. Затем оба одновременно направились навстречу, остановились лицом к лицу меж пней спиленных тутовых деревьев. Вдруг зажёгся свет в одной из комнат на верхних этажах дома. Они оба отвели взгляды от этого внезапного пучка света, осветившего их лица, глаза. Несмотря на темень, чуть яснее высветились лица, волосы, уши, носы. Им обоим стала очевидна их явная схожесть.

– Огонька не найдётся? – спросил второй, испытующе глядя на первого, придав голосу некоторое равнодушие.

Он сунул руку в карман, извлёк, протянул зажигалку.

Тот не спешил зажигать сигарету. Вынул из кармана пачку сигарет, вытянул сигарету, затем протянул ему пачку.

– Куришь?

Ему не хотелось курить, но он взял из пачки сигарету. Вытягивая из пачки сигарету, он прочёл название, смешался, однако не подал виду. Это были сигареты «Шипка». Болгарские сигареты. Незабываемый вкус юношеских лет.

– Сейчас этих сигарет не найти...

Огонёк зажигалки на миг снова высветил их лица. Хотя они были заняты тем, что прикуривали, но, желая разглядеть при этой мгновенной вспышке лица друг друга, торопливо вскинули головы.

Вспышка огня погасла. Но они успели зажечь сигареты. Какое-то время молча и жадно втягивали в лёгкие табачный дым.

– Какими судьбами в наших краях? – наконец спросил тот. Спросил, как спрашивают близкого человека.

– Да нет, просто так. Шёл мимо...

Вместе с дымом изо рта незнакомца вырвался удивительный звук. Соответствующий протяжному «Ах вот как...».

– А я подумал, что ищешь кого-то.

– Ну как-то так... Здесь жил знакомый.

– Да и ты сам вроде знаком мне. Как тебя звать?

– И ты тоже... Как меня зовут?

– Ну конечно. Здесь же, кроме нас, никого нет. – Лёгкая улыбка придала его лицу ещё большую схожесть.

– Моё имя... Камал.

– Правда? А ведь мы тёзки. Я тоже Камал. Человек, которого ты искал, живёт в нашем квартале?

– Нет, я никого не искал. Так, просто был знакомый. А ты сам... проживаешь здесь?

Ответ заставил его вздрогнуть.

– Этот балкон мой. – Протянул руку, указал на тот самый знакомый, однако теперь не застеклённый балкон.

От дыма сигареты, который он жадно втянул в себя, запершило в горле, он закашлялся.

– Видать, давно не курил? – спросил новый знакомый.

– Давно, давно... – ответил он.

Они внимательно глядели друг на друга.

– Я шёл вниз. Хочешь, пойдём со мной. В сторону драмтеатра, – сам не поняв почему, неожиданно предложил новый знакомый.

– Идём, – тотчас согласился он. Подумал, что обязательно надо удалиться отсюда. Понял, что больше не может стоять напротив этого открытого балкона. Испугался, что, если вовремя, вот в эту минуту не уйти отсюда... что-то... может произойти. Его сердце едва не остановилось. На балкон может выйти мать... Сам не понял, чему он так испугался.

РИА «Новости»

Они прошли по улице Мирза Фатали, дойдя до улицы Мирзаага Алиева, свернули вниз.

– Чуть ниже, здесь, на Чадровой, так прежде называлась улица Мирзаага Алиева, есть замечательная пивная. Я шёл именно туда. Попьём пива?

Стали спускаться по улице вниз, оставив слева здание драмтеатра, дошли до популярной много-много лет назад пивной. Отчего-то он был уверен, что та пивная давно пошла на слом, а на её месте возвели новую.

– Это единственное место в городе, где зимой подают пиво, чуть согрев в чайниках. Пил когда-нибудь?

Конечно, пил... Но в те времена.

– Пил, – сказал он.

Да, эта, как есть, та самая пивная. Стойка, столы – всё на своём месте, та же самая солёная рыба, даже разваренный жёлтый горох всё тот же.

– Мне вначале подумалось... что тебя привели в наш квартал какие-то амурные дела, – улыбнулся. Улыбка очень шла его лицу.

– Нет.

– Ну что с того. Всякое бывает. Ты... не смущайся... Что здесь такого?

– Я просто проходил...

– Ну и ладно.

– Хочу всё же вспомнить, откуда тебя знаю. – И по его лицу скользнула подобная же мягкая улыбка. «Кажется, он мне не верит», – подумал он.

– Смог вспомнить? Я имею в виду, откуда можешь меня знать.

– Нет. А ты?

– Мне тоже не вспомнилось.

Они почувствовали, что с каждым глотком пива обретают покой, замешанный на умиротворённости. Только рыба была чуть солонее, чем прежде.

– Соли много, – подтвердил тот.

– Ты где? То есть... где работаешь?

– Я?

– Разве здесь, кроме нас, есть кто-то? – Он вернул «пас», отправленный ему чуть раньше на улице, напротив балкона. Но вернул игриво. Осмотрелся. Словно глянул на сидящих по двое, по трое за другими столиками посетителей, никого не увидел.

– Я... пописываю что-то... Наука, литература... Вот так...

– А... – Он погасил сигарету, что держал в руке, посерьёзнел. Пачка «Шипки» стремительно худела среди пивных бокалов, тарелок с жёлтым горохом, рыбой. Вытащил из мятой пачки такую же мятую сигарету. Разминая её, сказал:

– Веришь, и я когда-то хотел стать пишущим человеком. Какое-то время даже кропал стихи. В школе! А потом...

Ему показалось, что он хорошо знает, что было потом.

...– а потом решил стать врачом,– завершил тот раздумчиво.

Собеседник, видимо, никак не мог понять, почему рассказывает всё это человеку, которого видит впервые. Наверно, разбередило слово «пишущий». А он сам смешался при слове «врач». Снова вспомнилась подростковая мечта. Вспомнил Низами. Первого друга детства Низами, что лежал, не подавая признаков жизни, в агонии от смертельной ножевой раны в больничной палате. Это был тот самый день. Он решил, что станет врачом.

– Говоришь, литература? Знаешь, какие люди приходили в эту пивную в прежние времена. – Его глаза засверкали любовью. – Алиага Вахид[1]. А у тебя самого есть какие-нибудь книги?

Говорить с ним было одно удовольствие. Не знал отчего, но это было так. Как возвращается в рот, губы, язык забытый вкус, так и эта встреча была для него подобна этому вкусовому ощущению. Но говорить с ним о литературе не хотелось. Рассуждай о чём хочешь, только не о литературе. Давай говорить о том о сём, о детстве, старости, о квартале, городе, девушках... О чём пожелаешь, исключая литературу. И не потому, что говорить о литературе именно с этим новым знакомым, тёзкой, казалось чем-то страшным, вроде трагедии в Кербале[2]. Нет, нет, отнюдь нет. Вообще разговоры с незнакомыми, а с недавних пор и со знакомыми о литературе отчего-то были для него страданием, ничем иным как страданием.

Он нарочито осмысленно оставил без ответа первый вопрос. Подумал, на этом всё закончится. Но очередной вопрос едва не рассердил его. Собеседник, почти смеясь, быть может, усилием подавляя смех, спросил:

– Кто твой самый любимый писатель?

Сам не понял, почему правдиво, искренне отвечает на этот вопрос. Может, оттого, что был чуть рассержен. Ему показалось, что холодное дыхание недовольства и недостижимой высоты сможет погасить литературную жажду его тёзки:

– Борхес! – ответил он, желая тем самым поставить точку в беседе о литературе.

Вот в этот миг и случилось то, что по-настоящему заставило его растеряться. От удивления он остался сидеть с открытым ртом. Совсем уж неожиданно его тёзка, улыбнувшись, сказал:

– Аргентинец Борхес... Хорхе Луис Борхес! – затем с удовольствием сделал ещё одну затяжку и погасил окурок в пепельнице.

Вот этого он совсем не ждал. Одним прыжком уйти от Алиага Вахида и оказаться рядом с Борхесом. Он ещё раз глянул в лицо своего тёзки. Причём так же, как и он, улыбаясь. Это было удивительно и одновременно немыслимо. Отчего-то в нём вдруг появилось непреодолимое желание. Желание вот так просто поговорить о литературе охватило его мозг, сознание. Причём желание поговорить именно с ним. Каким-то неведомым уголком ума он не мог поверить, что подобное может быть.

«Кажется, то, что мне известен Борхес, поразило его», – подумал тот.

– Аргентинец Борхес... – протяжно повторил он. Его удивление ещё не прошло окончательно.

– Отчего именно Борхес? – Он устремил на него глаза, полные вопросов.

– Хороший вопрос. Знаешь, мне кажется, что Борхес ни на кого не похож. Остальные в чём-то схожи. А Борхес нет. Другие близки друг к другу не потому, что разрабатывают схожие сюжеты...

Тут он перевёл дыхание, почти с жадностью сделал пару глотков пива, хотел зажечь сигарету, но отчего-то передумал. Глядя на предельно заинтересованное лицо собеседника, с увлечённостью, которая для него самого была удивительна, продолжил:

– ...Да... близки не оттого, что разрабатывают схожие сюжеты. Схожи оттого, что вообще только и разрабатывают сюжеты.

Он снова повертел в руке сигаретную пачку. Хотел вытащить из неё последнюю сигарету и снова вернул назад.

– А это мне неинтересно. «Шипка» осталась?

– Ничего, кури, здесь можно приобрести. Купим.

Он зажёг сигарету. Сделал глубокую затяжку. Понемногу многое ему становилось понятным. Но и теперь он боялся задать вопрос. Опасался, что давно знает ответ на вопрос, который задаст. Подумал: «А что если попытаться испытать его? Поглядим, верно я догадался или нет?»

– Ты помнишь, когда тебе в голову пришла мысль стать врачом? – И, не ожидая ответа, добавил: – Держу пари, что это случилось в больнице. – Затем поднял бокал, как поднимают, чтобы произнести тост, торжественно глянул ему в лицо.

Горох чуть было не застрял в горле: «Откуда он знает?» Взял себя в руки, подумал: «Где же, как не в больнице, человек может решить стать врачом...»

– Откуда знаешь? – после мгновенного молчания спросил он.

– В больнице... После смерти Низами.

– Ты... ты знал Низами? – теперь он уже не был растерян, даже не желал скрывать своё предельное любопытство.

– Знал. Успокойся. Успокойся и слушай. Слушай. Я... сейчас тебе... что-то скажу...

Но не продолжил. «К чему это?» – с сожалением подумал он. Словно обессилел. Перед глазами встал летящий балкон, и сам он на этом балконе. Промолчал.

– Ты прав, в день смерти Низами, тогда я пришёл к этому решению. Стать врачом было моим самым большим желанием. Три раза подавал документы в медицинский, каждый раз срезался. Больше никакая специальность не привлекала. Отчего – не понял. Так мечта осталась мечтой, а для матери стала горем...

Он вспомнил глаза Низами. Синие-пресние, как вода Каспия.

...Глаза Низами были ещё открыты. Вокруг больничной койки стояли родные и врачи. Но здесь был и он. Из другой палаты. И он никак не мог понять, отчего внезапно зарыдали отец и мать Низами, запричитали сёстры. «Он же ещё не умер, ещё не умер. Ведь глаза его ещё открыты». Только это проносилось в мозгу. Наконец, один из врачей провёл ладонью по лицу Низами, закрыл ему глаза. Но прежде синие глаза в последний раз глянули на него и, как во времена детства, когда они катались на велосипеде, прошептали: «Вперёд, гляди только вперёд!»

– И я, было время, хотел стать врачом. Но никогда не думал об этом серьёзно. И сдавать экзамены не ходил.

– Я же сдавал. – Устремив глаза в какую-то неведомую точку, раздумчиво добавил: – Может, поэтому моя жизнь не сложилась. Знаешь, – он выпрямился, – я часто вижу один и тот же сон...

Кровь едва не застыла в его жилах.

...вижу наш балкон. Тутовые деревья, красно-жёлтый велосипед Низами. Я был маленьким. Был непоседой, всё прыгал и прыгал на балконе. А мать каждый раз говорила: «Сынок, угомонись, скоро балкон рухнет». И теперь во сне я часто вижу, что балкон на самом деле от моих прыжков рухнул, мать, в панике выбежав на улицу, старается вытащить меня из-под груды камней, досок, металла. На её лице ни кровинки. «Камал, сынок, как ты?» – спрашивает она. Её голос до сих пор звучит у меня в ушах.

– Удивительный сон, – сказал он и подумал: «Надо сейчас же уходить отсюда. Здесь мне не место».

Он чувствовал, что его тёзка подустал. Да и сам он был в странном состоянии. То ли разговор о больнице, то ли напряжённость, возникающая с каждым глотком пива, с каждой фразой, ещё не отступила. Отчего, почему – ответа на эти вопросы не было.

– Пойдём? – спросил он.

– Идём, – ответил тот.

Они вышли из пивной. Был невинный весенний с грустинкой вечер. В городе понемногу стало теплеть, горожане скидывали с себя тяжёлую одежду. Было уже не то чтобы холодно, но некоторые деревья, обманутые лёгким теплом, готовились покрыться почками.

Подобно тому, как ненавидишь человека, что знает тебя лучше, чем ты сам, точно так же с ненавистью в сердце они не хотели даже глядеть в лицо друг другу. В голове у каждого из них промелькнула мысль: уйти не попрощавшись. «Так лучше». «Конечно, лучше, конечно, так оно лучше. Интересно, кто из них чей-то сон?»

Внезапно... «Ах, забыл», – стремительно промелькнула в голове мысль:

– Забыл. Забыл зажигалку. Сейчас вернусь... – сказал он и вернулся в пивную.

Отчего-то и он пошёл за ним...

...Они вышли из пивной. Был невинный осенний с грустинкой вечер. Начинало холодать, люди понемногу облачались в плащи и пальто. Деревья печально окидывали взглядом листья, цветы, горюя, что не смогут совладать с приближающимися морозами.

Подобно тому, как любишь того, кто знает тебя лучше, чем ты сам, они с пылкой и необъяснимой любовью, с бесконечным вниманием и заботливостью глядели друг на друга.

– Пойдём к нам. Ей-богу, я приглашаю искренне. Наш дом рядом.

– Нет, спасибо. Уже поздно. Славный вечер получился. Спасибо...

– Наверно, нам никогда не посчастливится встретиться снова. Как ты думаешь?

– Наверно...

– Береги себя...

– Ты тоже...

Снова с глазами, полными любви и тоски, они продолжали глядеть друг на друга, затем пожали руки, расстались, и каждый, свернув, ушёл своей дорогой.

Перевод Азера Мустафа-заде

---

[1] Алиага Вахид – популярный в народе азербайджанский поэт.

[2] Кербала – священный город мусульман в Ираке, где был убит внук пророка Магомета имам Гусейн.

ПолитПиит

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА

Из служебной переписки

Kollega Putin, was ist das?
Прошу ответить мне:
За что же Украине газ –
По рыночной цене?!

Мы тута все открыли рты:
Отколь она взялась?
Мы что – отныне не брать́і?
И больше не вась-вась?

Демарш России вызвал шок –
До обмороков вплоть…
Как это всё нехорошо,
Не по-людски, Володь!

…Чего ещё хочу сказать:
Как ни мудрит Газпром,
Попытки в угол нас загнать
Не кончатся добром.

И наша наловчилась власть
Болезненно кусать.
К тому ж транзитный газ
украсть –
Как палец оросить…

Юрий ГРИНЬКО

***

Как пагубны микробы страсти
Тому, кто сдал им в плен себя,
До самой смерти полюбя
Не власть в себе –
себя во власти.
Не тихие потоки слёз,
Не просьбы робкие, не стоны,
Не рельс, ведущий под откос,
Не дальние раскаты гроз
Заставят думать паровоз,
Что за его спиной – вагоны.

Борис БОБЫЛЕВ,
ЗВЁЗДНЫЙ ГОРОДОК

***

Куршевели нам не по душе,
не рифмуются они с любовью.
С милым, может, рай и в шалаше…
Если там не Ленин и Зиновьев.

***

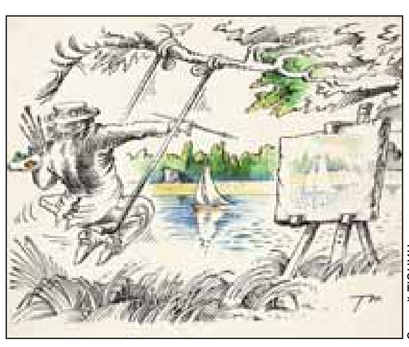
Нет уже врагов народа,
но теперь уразумей:
там, где рынок и свобода,
у народа нет друзей!

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

ГАЙД-ПАРК

К вопросу о раскачивании лодок

Излюбленное обращение людей верховной российской власти: «Не раскачивайте лодку!» Адресовано оно неким людям или неким силам. Ни те, ни другие впрямую никогда не называются. Но смысл этого образного выражения ясен. Вы, некие, своими словесными призывами и действиями угрожаете спокойствию жизни народа, а то, страшно сказать, целостности нашего государства. Опомнитесь, некие!


Сергей ТЮНИН

Переходя от образного выражения к чему-то действительному, позвольте поразмышлять, что может происходить между плывущими в одной лодке.

Представим самую простую одновёсельную лодку. Если кто вдруг не знает: это не значит, что весло лишь одно. Это значит – в ней всего один гребец.

Итак, от какого-то берега отплывает лодка. Куда-то. В ней один на вёслах, другой сидит на кормовой скамье. Пассажир. Но они не случайные друг другу люди. Они как минимум приятели. А может, друзья. И собрались куда-то уплыть. И туда-то приплыть. И согласовали – куда. И – плывут и плывут. И вдруг пассажир видит: лодка изменила курс. Возникает вот такой разговорчик:

– Эй, друг! Ты куда это повернул?

– Куда захотел, туда и повернул.

– Да ведь не туда договаривались. Передумал, что ли?

– Ну передумал. Кто на вёслах? Я или ты? Твоё дело маленькое. Сиди и не хрюкай.

– Как это – не хрюкай?! Не хочу я туда, куда ты повернул. А ну давай левее (правее)!

– Заткнись. Я на вёслах.

– Ах так!

И пассажир начинает нажимать на борта. На левый, на правый. Лодка качается. Вот-вот зачерпнёт бортом воду.

Гребец:

– Ты что – очумел?! Ведь перевернёмся. А до берегов – глянь – уже далеко. И до того, и до другого. Ведь не доплывём. Утонем!

– А! Лучше утону, чем ты меня туда довезёшь, куда мне не хочется!

Вообразить дальнейшее затрудняюсь.

Другой вариант.

Плыть куда-то пожелали два приятеля, до того изрядно выпившие. Тот, что сел на вёсла, ещё соображает. А в том, который сел на корме, проснулась одна из извечных человеческих скверн – желание поозорничать, испытать острое ощущение. По Пушкину: «Есть упоение в бою и бездны какой-то там на краю…» Прошу прощения за неточную цитату. По слабой памяти.

И вот он, в сущности, пьяный дурак, хулиган, не понимающий, что творит, раскачивает лодку. И гребец, менее пьяный, очень резонно говорит:

– Перестань раскачивать лодку, придурок! До берегов далеко. Ведь утопнем!

Дальнейшее я, увы, опять-таки вообразить не в силах.

Вернёмся к образному выражению. Кем верховная российская власть считает тех, кто «раскачивает лодку»? Отчаявшимися иным способом изменить курс лодки? Или пьяными дураками, дебилами, не понимающими, что творят?

Ответ на этот вопрос рассчитываю получить от тех, кто прочитает эти мои немудрёные размышления, от тех, кто глубже, чем я, понимает, что сегодня происходит в нашей России.

Герман ДРОБИЗ,
ЕКАТЕРИНБУРГ

ДРАМЫ «КЛУБА ДС»

Дружный коллектив

Начальник оглядел всех сидящих за столом тяжёлым, как булыжник, взглядом.

– Господа, хочу сообщить вам пренеприятное известие, – произнёс он коронную фразу начальников средней руки ещё с гоголевских времён.

Все сидящие втянули ноги под стулья…

– Нам опять прислали разнарядку на выявление и задержание взяточника.

– Нам же два месяца назад уже присылали, и мы отчитались, – раздался голос с другого конца стола…

– Видимо, не всё ещё хорошо в стране с взяточниками, – с решимостью сказал начальник…

– А кого же теперь-то сдавать будем? – как-то совсем безнадёжно произнёс тот же голос…

– У тебя есть кто-нибудь? – спросил начальник, правым глазом глядя на полного мужчину в полицейской, а левым на прилизанного человека в прокурорской форме…

Те одновременно оглядели всех сидящих за столом:

– Нет, никого.

– Тогда надо кого-то выбрать. Какие будут предложения? – спросил строго начальник.

– А давайте ответим, что мы победили взяточничество, – предложила молодящаяся женщина с модной причёской на угловатой голове…

– А вы уверены, что ваша ладошка сама не раскроется навстречу тысяче евро из рук проверяющих, которые тут же понаедут? Думайте, когда говорите!

– Тогда кого же? – растерянно пролепетала женщина. – Надо же кого-то в должности…

– Давайте выберем по жребию, – предложил прокурор, ещё раз осмотрев всех из-под кустистых бровей…

– По жребию и ты можешь попасть, и я, и даже… – полицейский начальник посмотрел на председательствующего.

– Ладно, – решительно сказал тот, – будем сдавать моего зятя. Он у нас по природоохране – за это меньше дадут, тем более ещё молодой…

– Почему? – петушком выскочил из-за солидных спин начальник природоохраны.

– На природу стал часто ездить, – осадил его главный начальник, – жену дома оставляешь одну, к тому же детей у тебя нет…

– Я… я… исправлюсь, – и природоохранитель захлюпал носом.

– Не дрейфь! Во-первых, зарплата останется за тобой на время отсидки. Во-вторых, ты признаешься во всём сам, и тебе срок скостят, а мы тебя уж не забудем…

– А в чём я сознаюсь-то? Я же ничего такого… – ещё больше захлюпал он.

– Сознаешься, что каким-то заезжим бизнесменам дал разрешение на строительство в заповеднике за взятку. Нужные бумаги мы оформим, – ещё более решительно произнёс начальник.

– А какую сумму? – пролепетал природоохранник. – Может, тысяч пятьдесят, чтобы поменьше дали…

– За пятьдесят тысяч у нас рекламный щит не повесишь. Пятьсот – не меньше, – подал голос прокурор.

– Где же я их возьму?

– Где взял деньги на трёхэтажный дом, – осадил его полицейский.

– Ты моего зятя так уж не обижай, – пожурил стража порядка начальник, – тут мы скинемся по сто тысяч.

– У меня с собой нет, – покачала женщина угловатой головой.

– К вечеру чтоб нашли, – тоном, не терпящим возражений, подвёл черту начальник. – Все свободны. Идите работайте. А вы, – начальник обратился к полицейскому, – оформите всё, как надо, и отправляйте документы в Москву. Может быть, поработаем ещё здесь нашим дружным коллективом…

Александр БРЮХАНОВ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

КУЛЬТПОХОД

Пенелопа на все вкусы

Одна из самых протоптанных дорожек ведёт от «Клуба ДС» в московский театр «Сфера», в репертуаре которого частенько появляются комедии. Сейчас зрителям показан новый спектакль, поставленный худруком театра Екатериной Еланской по малоизвестной у нас пьесе Сомерсета Моэма «Пенелопа на все времена».

На одном из интернетовских сайтов в глаза бросилось странное начало аннотации: «Сюжет этой пьесы прост». На самом деле сюжет этой пьесы отнюдь не прост. Это только кажется, что молодой женщине Пенелопе О'Фаррел достаточно послушать совет отца и просто не мешать интрижке своего мужа с назойливой любовницей. Нет, нужно втянуть в эту авантюру родственников и знакомых, которые поддержат условия игры, в результате которой доктор О'Фаррел вырвется из рук хищной Ады и вернётся в лоно семьи.

Написанная остроумным английским классиком пьеса хороша для любой сцены, в том числе для такой своеобразной, как у «Сферы», где она по-цирковому находится в центре, а зрители расположены вокруг. Персонажи появляются из разных дверей, выходят из-за спины зрителей. Из-за такой скученности практически любое действие здесь поневоле становится интерактивным. Закопёрщиками в подобной игре должны становиться артисты, что им и удаётся. Весь ансамбль, словно вихрь, своим темпераментом и обаянием с первых минут захватывает зал и уже не отпускает его до финала.

Неправильно, непедагогично выделять кого-либо из общего, хорошо отлаженного ансамбля. Но уж если существуют главные (и заглавные роли), то хотелось бы отметить любимую артистку «Клуба ДС» Валентину Абрамову. Под стать ей колоритные партнёры Александр Пацевич (муж) и Дмитрий Ячевский (отец). У спектакля не один состав, большинство исполнителей имеют дублёров. Но в «Сфере» достаточно сильные профессионалы, чтобы успешно играть в любом сочетании.

А.Х.

КОПИЛКИ «КЛУБА ДС»

Юрий КОСОБУКИН

Александр КЛИЩЕНКО

ФРАЗЫ

* *Демократия у нас отделена от народа.*
* *Не так опасны те злодеи, которых разыскивает полиция, как те, которых даже и не разыскивает.*
* *У нас всё, что не делается, – к революции!*
* *Те, кто заказывает музыку, – консерваторий не заканчивали.*
* *Дайте мне пулемёт, и я назову вещи своими именами.*

Александр ПЕРЛЮК,
КИРОВОГРАД, УКРАИНА

* *Чем темнее жизнь, тем светлее миражи.*
* *Пока не свернём с чужого пути, нам собственного не найти.*
* *Украл крупно – крыша, украл мелко – крышка.*

Веселин ГЕОРГИЕВ

МЕДПУНКТ «КЛУБА ДС»

Прощание с зубом

В стиле Сергея Есенина

До свиданья, зуб мой кариозный.
Вот такой печальный поворот.
Со щипцами стоматолог грозный
Смотрит в широко раскрытый рот.

Мы с тобою прожили немало…
Детство, юность, зрелые года.
Я с твоими братьями, бывало,
Скрежетал от злости иногда.

Помню, ты побаливал порою,
Ощущал тебя я и во сне…
Грустно будет без тебя, не скрою,
Многое изменится во мне.

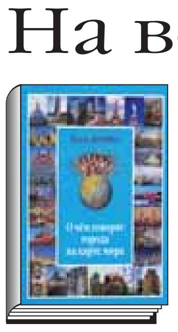
Дикция вдруг станет непривычной,
И утрачу пищи прежний вкус,
Прикус мой изменится обычный,
Потеряет жёсткость мой укус.

Ты уйдёшь без боли, незаметно –
Стоматолог мой не дилетант…
Только знай – тебя мне в жизни этой
Не заменит никакой имплант.

Аркадий АРКАНОВ

КНИЖНЫЙ РЯД

На все времена



И. Нехамес.
О чём говорят города на карте мира: Научно-популярное издание. – М.: Издательский дом «Вся жизнь» при участии литературного агентства «Московский Парнас», 2011. – 208 с. – 1000 экз.

У меня есть специальные полки в любимом книжном шкафу, где размещены книги, которые достались мне от предков и старших родственников с дарственными надписями к семейным датам. Здесь же – различные справочники, словари, несколько выпусков Большой советской энциклопедии и Энциклопедического словаря.

В начале этого года я с удовольствием поставил на эту полку книгу Игоря Нехамеса «О чём говорят города на карте мира». Автор четверть века назад придумал новую форму передачи знаний по географии и истории. Эта необычная игра-викторина была апробирована в конце XX – начале XXI века в журнале «Семья и школа», «Учительской газете». И вот читатели получили прекрасно изданную книгу.

Лично я знакомлюсь с содержанием с огромным удовольствием. Если предложить школьнику или студенту изучить многие города, собрать о них информацию и закрепить знания, найдя эти города на географической карте, то лично мне представляется это делом абсолютно безнадёжным: запомнить огромный массив информации весьма и весьма затруднительно.

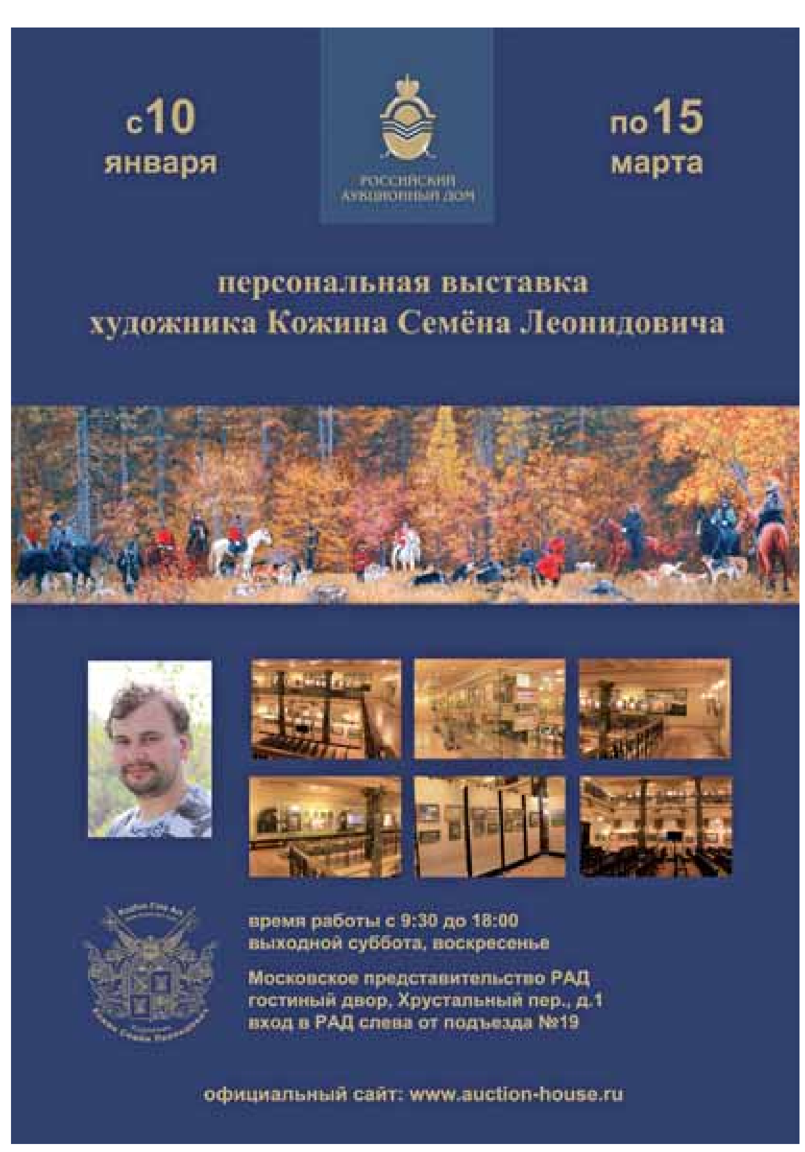
А вот писатель и журналист сумел достичь того, что огромный мир становится понятнее, проще и привлекательнее, потому что под яркой обложкой в игровой форме рассказывается о множестве городов земного шара – автор нашёл их около тысячи. Мне как кандидату социологических наук, доценту МГИМО книга «О чём говорят города на карте мира» помогает в общении со студентами, содействует распространению знаний по страноведению.

Наверное, эта книга не устареет никогда: её высокий научный потенциал, форма подачи текста обеспечивают ей непреходящий интерес читателей.

Здесь имеется ещё один секрет: когда перечитываешь любимые строки, то готов ещё и ещё раз обращаться к поэтическому или прозаическому произведению. Усваивая новую информацию в игровой форме, можешь через какое-то время снова вернуться к ней – и опять интересно, и опять испытываешь чувство восторга от того, что правильно смог определить тот или иной город. А нахождение его на карте помогает почувствовать, как в нынешнее время коммуникативных связей кажущаяся внешне архаичной игра на самом деле современна и необходима. А ещё эта книга сдруживает народы, помогая узнавать новое об уже, казалось бы, давно известном.

Владимир СОКОЛОВ

28 февраля в 18.00 на нулевом этаже книжного магазина «Библиоглобус» состоится презентация этой книги.



ТЕЛЕКОМПАНИЯ ВКТ
Реклама

Телеканал ВКТ представляет:
Информационно-аналитическая программа **«Законодатели»**
16 февраля в 18:50
Тема **«Самоуправление в Москве»**
4 марта одновременно с выборами Президента РФ в Москве будут проходить выборы депутатов Муниципальных собраний. Каковы полномочия столичных органов местного самоуправления? Чем занимаются депутаты районного уровня? Почему сегодня столь велик интерес политических партий к муниципальным выборам? Выясняем в программе **«Законодатели»** 16 февраля в 18:50 на канале ВКТ.
Автор и ведущая Мария Яворская.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» распространяется на бортах авиакомпаний AEROFLOT Russian Airlines BRITISH AIRWAYS ТРАНСАЭРО авиакомпания JAL JAPAN AIR LINES

Официальный распространитель периодических изданий на территории Белоруссии ООО «Юнисервиспресс», ООО «Росчерк» Розничное распространение за рубежом: в Европе и Сев. Америке – W.E. Saarbach GmbH P.O.Box 1562 D-50332 Huert Teal. 02233 7996; в Израиле – Издательский дом «Новости недели».

По вопросам размещения рекламы обращаться в коммерческую службу ЗАО «Издательский дом «Медиа Инфо Групп». Тел./факс: 8 (495) 688-94-41 E-mail: okulagina@moscow-info.org Контактное лицо: Юлия Поскрёбышева